

КЛАССЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

**СССР
и Восточная
Европа**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

КЛАССЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

СССР И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА
20—60-е ГОДЫ XX в.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. Ф. НОСКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1990

ББК 66.017.713

Кл 47

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук Т. В. ВОЛОКИТИНА,
кандидат исторических наук Э. Г. ЗАДОРОЖНЮК,
кандидат исторических наук М. И. КОПАШЕВА
(ответственный секретарь),
доктор исторических наук Г. П. МУРАШКО

Рецензенты:

доктор исторических наук **В. З. ДРОБИЖЕВ**
Доктор исторических наук В. С. ПАРСАДАНОВА

Кл 47 Классы и социальные слои: исторические судьбы.
СССР и Восточная Европа. 20—60-е годы XX в.—
М.: «Наука». 1990.—304 с.

ISBN5-02-009993-7

В книге рассказывается о том, как в СССР в 20—60-е годы
и в странах Восточной Европы после второй мировой войны
под воздействием экономических и политических преобразований
складывалась социально-классовая структура общества
авторитарно-бюрократического типа.

Сборник предназначен для всех интересующихся историей
СССР и стран Восточной Европы.

К 0503039000-304 83-90-I полуог.
042(02)-90

ББК 66.017.713

ISBN 5-02-009993-7

© Институт славяноведения и
балканистики, 1990

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящее время ученые остро ощущают необходимость вновь обратиться к идеино-теоретическим основам коммунистического движения, переосмыслить их в плане отказа от догматического и конъюнктурного толкования марксизма, сверить формирующиеся новые подходы и соотнести, казалось бы, устоявшиеся и незыблевые теоретические положения с историческими реалиями. При этом особую важность приобретает изучение того исторического этапа в развитии стран, сделавших в свое время социалистический выбор, который был связан с началом системных преобразований в экономике, политике, социальной и духовной сферах. Речь идет об известной формуле — индустриализация, коллективизация, культурная революция, — реализовавшейся в СССР в 20—30-е, в Прибалтике и странах Восточной Европы — в 40—50-е годы в условиях утверждения монопольной власти компартий. Еще до недавнего времени этот период в советском обществоведении рассматривался как переходный от капитализма к социализму¹.

Сейчас уже нельзя дать правильную оценку этому неоднозначному времени без отказа от догматических штампов, трактующих его как простое повторение в Восточной Европе советского опыта с рядом отклонений от «общих закономерностей».

К проблемам, которые настоятельно требуют активного исследования и обсуждения, относится эволюция социально-классовой структуры общества под воздействием осуществлявшихся в рассматриваемый период общественных преобразований. Сегодня, когда идет поиск новых экономических и политических форм, которые бы обеспечили динамичное развитие СССР и Восточной Европы на основе

¹ См., например: «Круглый стол»: Проблемы переходного периода от капитализма к социализму // Новая и повседневная история. 1987. № 5.

учета и сопряжения интересов различных социальных сил, практическую значимость приобретает многообразный (позитивный и негативный) исторический опыт развития социальных отношений в СССР и в ряде восточноевропейских стран. При этом принципиально важное значение имеют вопросы методологии. В марксистской науке идет процесс пересмотра упрощенной, долгое время абсолютизируемой и принятой как догма схемы социальной структуры нового, складывающегося общества, состоящей из двух классов и одной социальной прослойки (рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции). Создание этой триады понималось как итог преобразовательных процессов в социальной сфере. Отсюда делался вывод о нарастающем упрощении социальной структуры по мере продвижения общества к новому строю. Этот вывод, не соотносившийся с реальной действительностью, тем не менее закреплялся в партийных документах, в научных работах и сковывал возможность творческого осмысливания реальных социальных процессов. Все многообразие социального облика нового общества сводилось к указанной триаде, а множественность, не исключая и противоречивости, интересов вплоть до антагонизма в социальных отношениях подменялась упрощенным тезисом о нарастании социальной однородности общества.

Искусственное сведение социального облика нового общества к трехчленной структуре влекло за собой примитивную трактовку социальных отношений, служившую теоретическим обоснованием сектантских представлений о межклассовых отношениях, когда за формулой о ведущей роли рабочего класса скрывалось по сути дела неравноправное положение крестьянства и интеллигенции, с одной стороны, и лишение самого рабочего класса роли исторического субъекта — с другой. Фактически это скрывало от общественности тот новый социальный слой, который сформировался в результате изменений во всех областях жизни — партийно-государственную бюрократию. Именно она, исказив главную идею социализма — самоуправление народа — сосредоточила всю полноту власти в своих руках. Такая концентрация власти означала лишение прежде всего рабочего класса его прав, выступала как одно из наиболее глубоких противоречий как в СССР, так и в странах Восточной Европы. Ответ на трудный вопрос, почему стало возможным такое явление, может быть найден в результате изучения тех изменений, которые происходили в процессе классообразования в рассматриваемые годы.

Материал предлагаемого читателю сборника показывает, что изменения облика всех классов, социальных слоев и групп, а также их общественного положения были результатом сложной взаимосвязи и взаимообусловленности преобразований в сфере экономики, политики, идеологии и культуры. Сопоставление страноведческого материала подтверждает, что характер, темпы и масштабы процессов, протекавших в социально-классовой сфере, определялись как исходным уровнем цивилизованности той или иной страны, так и реализуемой концепцией построения социализма. Учет этих факторов открывает возможность новых подходов к изучению вопросов, ранее неоднократно рассматривавшихся в научной литературе. Сегодня уже недостаточна простая констатация бурного роста рядов рабочего класса в странах, проводивших форсированную индустриализацию. Необходим анализ качественных сдвигов во внутренней структуре формирующегося рабочего класса, в его облике.

Новые подходы уже имеют место в советской исторической науке, например в работах О. Р. Лациса, Э. В. Клопова, Л. А. Гордона и некоторых других исследователей².

В ряде статей сборника рассматривается проблема изменения внутренней структуры рабочего класса в результате массового притока в его состав выходцев из других социальных слоев, прежде всего из деревни. Переходя в цивилизационно более развитую социальную среду, они получили реальный шанс изменить свое общественное положение к лучшему и уже поэтому становились достаточно устойчивой и массовой базой новой власти. Вместе с тем следует подчеркнуть, что рабочие первого поколения не прошли школу крупного машинного производства, не обладали опытом политической борьбы в рядах рабочего движения, имели низкий общеобразовательный, профессиональный и культурный уровень, своей психологией были еще связаны с прежней социокультурной средой мелких разрозненных производителей. Взрывоопасное нарастание удельного веса рабочих первого поколения создавало почву для внедрения и упрочения административно-командных методов управления, для роста числа и укрепления позиций носителей этих методов в лице управленческой прослойки в хозяйственной, государственной и политической сферах.

² Лацис О. Перелом // Знамя. 1988. № 6; Гордон Л., Клопов Э. Тридцатые—сороковые // Знание-сила. 1988. № 2—5.

Проблема постепенной социальной трансформации маргинальных слоев в рабочем классе и сопутствовавшего этому расширения и укрепления в общегосударственном масштабе бюрократии, которая все более присваивала себе право осуществлять политику от имени рабочего класса, лишь затронута в предлагаемом сборнике. Между тем ее исследование на конкретно-историческом материале приобретает в современных условиях перестройки механизма управления индустриальным обществом особую актуальность.

Материал сборника дает возможность исследователям перейти к более углубленному пониманию социальных судеб мелких производителей города и деревни в условиях форсированной индустриализации, сопровождавшейся ликвидацией мелкотоварного сектора экономики. Коллективизация советского типа, как неотъемлемая составная часть политики форсированной индустриализации, и быстрое кооперирование деревни, завершившееся созданием крупного сельскохозяйственного колlettивного производства в ряде стран Восточной Европы, привели, как свидетельствует исторический материал, к возникновению новых и разных социальных фигур в деревне. И коллективизация, и кооперирование вызвали к жизни активный процесс формирования новой социальной категории — класса кооперативного крестьянства. Но если коллективизация в СССР, сопровождавшаяся раскрестьянением, привела лишь к формальному образованию этого класса, ибо в результате выхолащивания демократических принципов кооперации и замены их внеэкономическими, административно-командными методами управления произошло прямое отчуждение крестьян от средств производства, в первую очередь от земли, то результатом осуществленного к началу 60-х годов в подавляющем большинстве государств Восточной Европы кооперирования стало формирование реального класса крестьян-кооператоров (прежде всего в ГДР, Чехословакии и Венгрии). Как свидетельствуют материалы данного сборника, предметом исследования все еще остаются главным образом социально-классовые аспекты первоначального этапа кооперирования. Дальнейшая же эволюция класса кооперативного крестьянства, усложнение его внутренней структуры, вызываемое прогрессивным развитием производительных сил, исследовано лишь фрагментарно.

Также малоизученными остаются и социальные процессы в польской и югославской деревне, где после неудачных

попытка проведения форсированной колективизации силовыми методами был взят курс на сохранение численно преобладающего слоя крестьян-собственников. При этом как самостоятельная встает проблема воздействия на эту категорию сельского населения развивающихся в Польше и Югославии крупных форм коллективного производства, с одной стороны, и научно-технического прогресса — с другой. Сейчас, когда в нашей стране идет поиск наиболее эффективных путей подъема сельскохозяйственного производства, изучение этого комплекса вопросов имеет практическое значение. Что касается городских мелких производителей, то, как свидетельствует конкретно-исторический материал, массовое свертывание мелкотоварного производства в городе имело негативные последствия. Опыт стран Восточноевропейского региона свидетельствует, что мелкое производство, локализованное в сфере услуг и несерийном производстве, может стать естественным компонентом экологии современного общества, а его поспели — реальной составной частью его социально-классовой структуры.

В социальной структуре современного общества в условиях интенсивно развивающегося научно-технического прогресса все более важное место занимает растущий и изменяющийся по своим качественным параметрам слой интеллигенции, который складывается из различных групп работников умственного труда, обслуживающих экономическую социальную, политическую, культурную сферы жизни общества. В сборнике нет специальных статей, раскрывающих процесс формирования интеллигенции, но отдельные аспекты этого процесса нашли свое выражение в целом ряде статей.

Освоение нового и переосмысление уже известного фактического материала сегодня дает возможность фиксировать усложнение социально-классовой структуры общества и нарастание многообразия социальных интересов, возникновение новых социальных противоречий и антагонизмов.

Предлагаемые читателю материалы свидетельствуют о правомерности именно такой постановки вопроса и должны способствовать правдивому показу истории СССР и стран Центральной и Юго-Восточной Европы, объединяемых геополитическим названием Восточная Европа.

Сборник носит проблемно-тематический характер и отражает результаты исследований, которые проводятся в Институте славяноведения и балканстики АН СССР сов-

местно с Институтом истории СССР АН СССР и коллегами из научных учреждений ряда восточноевропейских государств. В него включены работы, раскрывающие изменения социально-классовой структуры общества и некоторые перемены в экономической сфере, происходившие в 20—50-е годы в СССР и главным образом в 40—60-е годы в Восточной Европе.

Авторами статей являются как ученые Москвы, Риги, Таллинна, так и исследователи из Будапешта, Лейпцига, Варшавы, Праги и Брно, которые излагают свои точки зрения на сложные проблемы формирования и развития социально-классовой структуры общества на этапе реализации сталинской модели социализма при конкретных внешних и во многом различавшихся внутренних условиях.

Представляет интерес попытка ряда авторов поставить те вопросы, которые длительное время находились вне зоны внимания и поиска исследователей. Мы имеем в виду прежде всего вопрос о противоречиях в процессе формирования новых классов и социальных слоев общества.

Используя материалы национальной статистики, авторы попытались раскрыть сложность процессов формирования новой социально-классовой структуры, показать взаимозависимость таких факторов, как уровень экономического развития и социокультурные характеристики классов и социальных слоев.

В статьях предлагаемого сборника читатель найдет не только широкий спектр взглядов на историю становления новых классов, но и познакомится с богатым, порой уникальным материалом, раскрывающим различные параметры социальной, классовой, профессиональной и социокультурной структуры общества стран Восточной Европы. Речь идет об изменении этой структуры по мере разрушения основ капитализма в экономике и политической сфере и создания новой системы, отождествлявшейся в теории, науке и в массовом сознании с социалистическим строем. Материалы сборника создают основу для столь необходимого в настоящее время изучения процесса рождения нового класса — бюрократии и становления административно-командной системы управления. Анализируя сегодня историю «социалистического строительства», следует сделать вывод, что в ходе его была подавлена самодеятельность масс, уничтожены элементы зарождавшегося в процессе революции самоуправления народа, растоптаны ростки гражданского общества. Тем самым была заблокирована возможность реализации подлинно социалистических целей, родились государства авторитарно-бюрократического типа.

**ДИНАМИКА И ПРОТИВОРЕЧИЯ.
СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ
СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 40—60-Е ГОДЫ**

Э. Г. Задорожнюк, В. Д. Кузнечевский, Г. П. Мурашко,
А. Ф. Носкова

Переходный период от одного состояния общества к другому, как свидетельствует история, представляет собой сложный и не всегда только поступательный процесс, состоящий из ряда этапов и подэтапов, существенно различающихся по характеру решаемых задач. Конкретное содержание отдельных этапов может быть раскрыто на основе исследования различных сфер жизни общества. Авторы данной статьи взяли в качестве объекта анализа социально-классовую структуру, исходя из того, какую роль социальная сфера играет в развитии всего общественного организма.

Хорошо известна значимость, которую придавали этой сфере классики марксизма-ленинизма, подчеркивая тесную связь политических вопросов с социальными¹. «Природа власти, это и есть политические условия,— писал В. И. Ленин,— А иной природы власти, кроме социальной, не бывает»². Экономический базис и политическая надстройка, а также постулируемые ее характером и формой политические, идеологические и другие области духовной жизни сообщаются, связываются между собою посредством социальной сферы³. Социальная сфера и ее стержень в современном обществе — социально-классовая структура,— являясь в генезисном плане порождением материально-экономической сферы, обусловливают весь характер функционирования политической надстройки, ибо последняя включает в себя идеологические отношения (политические, правовые и т. д.), связанные с ними взгляды, теории, представления, т. е. идеологию и психологию различных социальных групп или общества в целом⁴.

В марксистской литературе восточноевропейских стран существуют несколько определений социально-классовой

© Э. Г. Задорожнюк, В. Д. Кузнечевский, Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова, 1990

структуры общества. Однако большинство авторов сходятся в том, что она представляет собой сеть устойчивых, упорядоченных, взаимообусловленных связей между элементами социальной системы. Тип этих связей определяется взаимоотношениями основных классов и социальных групп, характером функционирования социальных институтов⁵, форм социальной организации общества и социальных действий людей.

Социально-классовую структуру каждого конкретного общества следует рассматривать не статично, не только через регистрацию количества людей, составляющих ту или иную социальную группу или класс, но необходимо анализировать и качественные характеристики составляющих ее элементов, интересы различных социальных слоев и групп, их изменение, формы взаимоотношений, которые в рамках общности в достижении повседневных интересов тем не менее нередко приходят в противоречие друг с другом. Сейчас уже является общепризнанным, что социальная структура общества должна рассматриваться не схематично как лишенная противоречий и динамики многообразных интересов различных слоев и групп, а именно через живую связь всего этого⁶.

Как показывает конкретно-исторический материал, радикальные изменения в социальной структуре, ее глубокая перестройка, теснейшим образом связанная с коренными преобразованиями экономического базиса, произошли и происходят на этапе смены формаций. Уровень социально-экономического развития и характер производственных отношений, т. е. «определенная фаза развития производства»⁷, выступают в качестве важнейших факторов, действующих на эволюцию социально-классовой структуры общества и определяют ее облик.

Авторы считали целесообразным остановиться прежде всего на том этапе переходного периода, когда народы стран Центральной и Юго-Восточной Европы, завершив революционные преобразования 1945—1948 гг., непосредственно приступили к строительству нового общества^{1*}.

---

* Приступая к сравнительному анализу, авторы считали необходимым опираться прежде всего на материалы общенациональной статистики указанных стран. Несмотря на имеющиеся различия в методике подготовки, эти материалы обеспечивают достаточно надежные и полные данные, позволяющие судить об основных тенденциях развития социально-классовой структуры общества в каждой из стран региона.

* * *

На исходных рубежах строительства нового строя в конце 40-х годов страны Восточной Европы представляли собой с точки зрения уровня экономического и социального развития достаточно пеструю картину. Четко выделяется группа промышленно развитых стран — ГДР и Чехословакия, где рабочий класс к моменту установления народной власти, являясь основным производителем национального богатства, составлял более половины всех занятых в народном хозяйстве. На долю же крестьянства приходилось менее $\frac{1}{4}$ экономически активного населения этих стран⁸. Значительную часть непролетарских масс ГДР и Чехословакии составляли средние слои города, которые, как и крестьянство, являлись уже продуктом предшествующего бурного капиталистического развития.

Группу аграрно-промышленных государств, где основная доля национального дохода (до 48%) создавалась в сельском хозяйстве, а в промышленности около $\frac{1}{3}$ его — составляли Польша и Венгрия. Доля рабочего класса в этих двух странах колебалась в пределах 26—39% экономически активного населения; мелкие товаропроизводители, основная масса которых концентрировалась в сельском хозяйстве, составляли более половины (соответственно 57,2% и 50,7%) занятых в народном хозяйстве⁹. Болгария, Югославия, Румыния и Албания составляли группу аграрных государств. Причем Албания даже на фоне этих государств отличалась экономической отсталостью. Около $\frac{3}{4}$ самодеятельного населения в этой группе стран было занято в сельском хозяйстве, а доля рабочего класса не достигала здесь и $\frac{1}{5}$ ¹⁰. В этих двух группах стран крестьянство, ремесленники, мелкие торговцы, а также определенная часть интеллигенции по происхождению и образу жизни тяготели к докапиталистической формации.

Таким образом, на рубеже 40—50-х годов к созданию нового общества приступали страны, находившиеся на разных уровнях развития. Несмотря на то, что поставленная цель — построение социализма, была для всех стран общей, конкретные задачи, которые вставали перед каждой из стран, были сугубо различны. За исключением ГДР и Чехословакии, перед всеми странами региона в качестве центральной в переходный период объективно вставала задача преодоления цивилизационной отсталости. Это означало, по сути дела, выполнение в рамках новой формационной

ориентации «пакета» общественных задач, нерешенных в условиях буржуазного строя в силу особенностей развития в странах «второго эшелона» капитализма. Речь шла прежде всего о завершении индустриализации и о связанный с ней урбанизации, о включении мелкотоварного производителя в новую систему общественного производства (имелось в виду прежде всего крестьянство), об изменении культурного облика населения и т. д. Поэтому и в деле формирования новой социально-классовой структуры объективно вставали задачи, существенно различавшиеся по своему содержанию в каждой конкретной стране.

В ГДР и Чехословакии — странах, прошедших этап длительного индустриального развития еще в условиях капитализма, к моменту утверждения народной власти рабочий класс уже занимал ведущее положение в системе материального производства. Это отражал и социальный состав населения. Во всех остальных странах региона в полный рост вставала проблема создания материальной и социальной базы нового общественного строя. Что касается материальной базы, то она могла появиться только в результате индустриализации. Социальная же база нового строя могла быть обеспечена как через количественный рост рабочего класса, так и посредством укрепления союза рабочего класса с трудовой частью непролетарских социальных слоев.

Существенными были различия в задачах изменения внутренней структуры рабочего класса в каждой из стран региона. Для ГДР и Чехословакии (в первую очередь для Чешских земель), как известно, еще в период капитализма было характерно преобладание внутри рабочего класса тех категорий, которые уже в течение нескольких поколений были связаны с индустриальным производством. Здесь в качестве главной и основной задачи новой народной власти в исследуемый нами период в целом выступала борьба за изменение социально значимых свойств рабочего класса как класса-субъекта. Речь шла, с одной стороны, о росте общей и политической культуры, о выравнивании культурной вооруженности его различных слоев, а также о повышении технических знаний рабочего класса, что зависело как от исходного уровня общего и профессионального образования, так и от потребностей развивающегося технического прогресса. Без связи рабочих с прогрессивными методами производства, с передовой техникой и технологией нельзя было решить главную экономическую задачу — обеспечить рост

производительности труда. С другой стороны, чрезвычайно важное значение приобретало развитие и совершенствование его идеально-политического облика, необходимого для успешного выполнения роли политического лидера на новом историческом этапе.

В других странах дело обстояло иначе. В Венгрии и Польше, несмотря на наличие ядра промышленных рабочих, значительная часть рабочего класса все еще была связана с мелким кустарным и полукустарным производством (например, в Венгрии в 1949 г. рабочий класс составлял 38,8%, а на долю занятых в фабрично-заводской промышленности приходилось лишь 13,9% экономически активного населения)¹¹. В силу этого здесь вставала задача, опираясь на имеющееся ядро промышленного рабочего класса, поднять удельный вес индустриальных рабочих путем как «внеборочного пополнения», так и включения в ряды индустриальных рабочих тех слоев, которые были связаны с кустарным и полукустарным производством. Таким образом, проблема массового повышения квалификации и культурно-политического уровня рабочего класса была весьма актуальной для этой группы стран. Но ее решение ограничивалось и тормозилось в значительной мере как общим, более низким, чем в ГДР и ЧССР, уровнем культуры рабочего класса указанных стран, так и уровнем развития производительных сил. Изменение социокультурных характеристик рабочего класса выступало как одна из важнейших предпосылок перестройки социальных отношений в обществе.

В Болгарии, Румынии, Югославии и Албании рабочий класс, как социальная сила прямо и непосредственно заинтересованная в индустриальном преобразовании общества, составлял, как уже отмечалось, весьма небольшую по своему удельному весу часть населения. В Болгарии, например, рабочие в 1946 г. составляли всего 15,3% активного населения. Характерной чертой внутренней структуры рабочего класса было то, что наиболее его многочисленные категории (в Болгарии до 90% рабочего класса) были заняты либо в добывающей и легкой промышленности, либо в отраслях, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье. В своей основной массе рабочий класс оставался доиндустриальным. Промышленное его ядро находилось в процессе становления или же только зарождалось. 2% болгарских рабочих трудились на предприятиях, имевших от 300 до 2 тыс. занятых¹². В связи с этим как первостепенная и главнейшая высту-

пала задача не только быстрейшего увеличения численности рабочего класса, но и изменения его характера и внутренней структуры, т. е. превращения в класс, связанный с крупным машинным производством и передовыми его отраслями. Лишь таким путем можно было обеспечить этому классу место важнейшего производителя материального национального богатства, привести в соответствие его экономические и политические позиции. Изменение качественных характеристик рабочего класса, обеспечивающих рост производительности труда, выступало для названной группы стран как особо важная задача. Ее решение было напрямую связано с преодолением общей экономической и культурной отсталости, обусловленной слабым и деформированным развитием капитализма, с необходимостью подъема производительных сил в промышленной сфере.

Исторический опыт стран Центральной и Юго-Восточной Европы показал, что становление рабочего класса индустриального общества, конкретное содержание этого процесса во многом определялось тем, какими путями и темпами шло создание материально-технической базы нового общества.

В ГДР и Чехословакии создание материально-технической базы протекало в первую очередь путем реконверсии и реорганизации уже имеющегося промышленного потенциала, в ходе которых осуществлялась ликвидация свойственных капитализму диспропорций в структуре промышленности. Индустриализация же отсталых в промышленном отношении областей выступала как сопутствующая задача, направленная на преодоление неравномерного размещения производительных сил и экономической отсталости отдельных районов. Изменение структуры рабочего класса указанных стран происходило под воздействием ряда факторов. Шло пополнение его рядов за счет выходцев из других социальных слоев, особенно сразу после войны. Но вместе с тем имел место и другой процесс: достаточно массовый переход рабочих из сферы материального производства в сферу управления. Причем следует иметь в виду, что вплоть до середины 50-х годов этот процесс развивался по нарастающей линии. Оба эти обстоятельства, как показывают исследования социологов ^{2*}, оказали прямое воздействие на качест-

^{2*} См., например, работы чехословацкого социолога Л. Калиновой.

венные характеристики рабочего класса. Сокращалась доля квалифицированных рабочих, возрастала текучесть кадров, снижалась политическая организованность и активность рабочих коллективов. Позднее структура рабочего класса стала изменяться и под воздействием технико-технологических сдвигов, вызванных научно-техническим прогрессом. Таким образом, в этих странах шли сложные и неоднозначные процессы изменения внутренней структуры рабочего класса. Но они не всегда находят отражение в статистике в силу определенной сбалансированности мобильности рабочего класса в обоих направлениях.

В остальных же странах региона процесс становления рабочего класса был напрямую и прежде всего связан с форсированной индустриализацией экстенсивного типа, развернувшейся с начала 50-х годов. Ее следствием был бурный рост численности рабочего класса, повышение его удельного веса в общей структуре активно занятого населения. Особенно интенсивно этот процесс развивался в группе аграрных стран. Так, в Болгарии в 1951—1960 гг. среднегодовое увеличение численности рабочих и служащих составляло 8,2%, в 1961—1970 гг.— 4,5%, тогда как в ГДР соответственно лишь 2 и 0,7%¹³.

Со всей определенностью можно констатировать, что к концу 60-х годов в НРБ и СПР рабочий класс превратился в численно превалирующую социальную категорию, хотя не составлял в обществе пока еще абсолютного большинства. Его удельный вес колебался в пределах 40% занятого населения. При этом на долю промышленности, строительства и транспорта, где трудилась основная часть рабочего класса, приходилось во второй половине 60-х годов в Болгарии 74% общественного продукта и 57% национального дохода, в Румынии соответственно 71,1 и 63,3%¹⁴.

В Венгрии этап превращения рабочего класса в самую большую категорию общества был пройден еще в 50-е годы. Уже к 1960 г. здесь рабочий класс составлял 50,8% активно занятого населения, а доля промышленности, строительства и транспорта в создании национального дохода составляла 71,8%¹⁵. Основное пополнение рядов рабочего класса вышеназванных стран шло, прежде всего, за счет выходцев из деревни и было связано как с итогами послевоенных аграрных реформ, так и с интенсивно происходившим в 50-е годы кооперированием деревни.

Представляется, что изучение процесса изменения доли рабочего класса в социальной структуре общества, а также эволюции его качественных характеристик в ходе послевоенного этапа развития всех вышеназванных стран Восточной Европы дает возможность раскрыть некоторые параметры продвижения общества по избранному им пути. По-видимому, историческая практика стран рассматриваемого региона, где в момент старта к социализму рабочий класс составлял меньшинство трудящегося населения, дает основания для вывода, что превращение этого класса в превалирующую социальную категорию может рассматриваться как качественный рубеж в сфере формирования социальной структуры нового общества в условиях экстенсивного экономического развития. Этот характерный для большинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы путь создания социальной базы нового строя был абсолютизирован в партийной теоретической мысли и рассматривался как единственно возможный. При этом оказалась отодвинутой на периферию возможность расширения социальной базы нового строя за счет развития и углубления союза с непролетарскими слоями трудящихся. Это оказало влияние на характер взаимоотношений между основными классами, социальными слоями и группами, на психологию поведения как самого рабочего класса, так и остальных, лишенных субъектности социальных групп и слоев.

Оценивая увелечение доли рабочего класса в обществе в результате проведения форсированной индустриализации и кооперирования, следует иметь в виду происшедшие качественные изменения в структуре и облике самого рабочего класса. В отличие от индустриально развитых стран, в данной группе определяющим было пополнение рядов этого класса выходцами из других социальных групп. Размах его был столь велик, что он как бы завуалировал имевший место и здесь переход части (и немалой) рабочего класса в управленческий аппарат. Это не всегда отражается статистикой, где зачастую отсутствует специальный учет категории служащих.

Таким образом, в первые послевоенные десятилетия во всех странах рабочий класс являлся наиболее «открытой» социальной категорией: с одной стороны, часть его меняла свое социальное положение, переходя в ряды служащих, а с другой — его состав интенсивно пополнялся выходцами из крестьянства и мелкобуржуазных городских слоев, а также, хотя и в очень незначительной мере,

за счет представителей бывших господствующих классов. Такая двусторонняя мобильность чрезвычайно усложнила и делала противоречивым процесс становления рабочего класса как правящего класса нового общества.

«Внерабочее пополнение», наиболее широкое в странах с преобладанием аграрного населения, привело к тому, что рабочие массы на определенное время, говоря словами В. И. Ленина, стали «гораздо менее пролетарскими»¹⁶. Это неизбежное качественное изменение, присущее всем странам, но в разной степени, не могло не воздействовать на производственный потенциал и затрудняло, тормозило решение главной производственной задачи — повышение производительности труда, усвоение и реализацию достижений научно-технического прогресса¹⁷. Скачкообразное расширение рядов рабочего класса, сопутствовавшее форсированной индустриализации, которая в тех условиях рассматривалась правящими партиями как единственный путь выхода аграрных и аграрно-индустриальных стран из экономической отсталости, неизбежно сопровождалось появлением ряда негативных моментов. Следствием прихода в промышленность массы людей, сформировавшихся как личности в сословной среде мелких производителей, были такие изменения социокультурных характеристик рабочего класса, которые вели к снижению уровня его культурной вооруженности и образовательного, профессионально-технического уровня, к ослаблению сознательной трудовой и политической дисциплины. Все это создавало почву для деформаций в развитии надстроек элементов общества, порождало стремление к ограничению демократии и утверждению бюрократических административно-командных методов управления как главных рычагов мобилизации трудящихся¹⁸. Такое положение, в свою очередь, не могло не оказывать отрицательного влияния на характер социальных отношений в обществе. Преодоление этих негативов на пути становления рабочего класса как класса правящего в новом обществе могло быть достигнуто лишь при условии разрушения административно-командной системы управления, которая низводила рабочий класс до уровня лишь исполнителя чужих решений и уничтожала в нем чувство активного субъекта общественной жизни. Необходима также была интенсивная государственная политика, направленная на освоение мировых культурных ценностей и технических знаний основными производителями национального богатства.

В ГДР и Чехословакии, где рабочий класс сложился еще в период капитализма, проблема формирования его как класса на новом витке развития стояла по-иному: имевшее место «внерабочее пополнение» по сравнению с другими странами было значительно меньшим по своим масштабам. Не случайно статистика этих двух стран фактически не фиксирует сколь-нибудь существенных изменений в соотношении доли рабочего класса и других социальных групп общества за период от конца 40-х до начала 70-х годов (например, в Чехословакии в 1946—1948 гг. рабочий класс составлял 58,6% экономически активного населения, а в 1970 г.—58,0%). Доля занятых в промышленности ГДР в 1952 г. составляла 32,5% экономически активного населения, а в 1967 г.—35,8%¹⁹.

Исследования социологов показывают, что и в этих странах в рассматриваемый период происходили сложные процессы, изменившие внутреннюю структуру рабочего класса под воздействием мобильности в двух направлениях. Так, в Чехословакии с 1948 по 1953 г. из рядов рабочего класса в другие социальные категории перешло около 250 тыс. человек. В это же время в ряды строительных и промышленных рабочих влилось около 0,5 млн человек, что составляло примерно $\frac{1}{4}$ общего числа занятых в этих отраслях²⁰. И все же главные источники пополнения рабочего класса в ГДР и Чехословакии находились не столько вне, сколько внутри его, хотя выходцы из нерабочей среды составляли довольно значительную часть пополнения, особенно в 50-е годы. Образовательный и профессионально-культурный уровень этого пополнения был другой, чем в аграрных и аграрно-индустриальных странах, а поэтому и его ассимиляция в рабочей среде протекала с меньшими издержками. Это давало возможность в названных двух группах стран ставить, как главную, задачу совершенствования личностных характеристик рабочего класса. Здесь изменение его облика и самой структуры проходило под воздействием технико-технологических процессов, связанных уже во второй половине 50-х годов с научно-технической революцией, развернувшейся в мире.

Центральное место в системе социальных отношений указанного периода занимали отношения рабочего класса и крестьянства. В результате проведенных народной властью аграрных реформ произошли существенные изменения во внутренней структуре и облике основной массы крестьянства. В большинстве стран имело место умень-

шение таких его социальных групп, как сельскохозяйственный пролетариат и малоземельные крестьяне, возросла численность мелкотоварных хозяйств, сократился удельный вес капиталистической прослойки, представленной крупными крестьянскими хозяйствами. Результатом этих процессов было снижение к концу 40-х годов социальных антагонизмов в деревне. Трудящееся крестьянство — средняки и мелкие крестьяне — составляли подавляющую часть сельскохозяйственного населения. Они-то и могли стать главным союзником рабочего класса в деле строительства нового общества.

В большинстве стран рассматриваемого региона именно крестьянство являлось численно преобладавшей социальной категорией населения. Так, в Албании, Болгарии, Румынии и Югославии крестьяне составляли от 67 до 87% активно занятых, в Венгрии и Польше соответственно — 39 и 47%. Только в ГДР и Чехословакии на их долю приходилось 20 и 16,9% активно занятого населения²¹. Эти данные свидетельствуют не только о принципиальной важности сопряжения объективно общепациональных целей рабочего класса с интересами индивидуальных мелких производителей, но и (особенно для группы аграрных и аграрно-индустриальных стран) о жизнеопределяющей значимости аграрно-крестьянского вопроса. Его решение означало устранение комплекса таких наиболее острых социальных проблем деревни, как относительное и абсолютное аграрное перенаселение, неустраненное в результате самых последовательных аграрных реформ, продолжающаяся и после реформ имуществоенная дифференциация крестьянства и вытекающая отсюда классовая борьба в деревне, низкая производительность труда и хищническое использование трудовых ресурсов и природных богатств, на чем, как писал В. И. Ленин, и основывается каждое мелкое доиндустриальное производство²² в экономически отсталой стране.

Как справедливо подчеркивает известный венгерский историк-аграрник Ш. Орбан, только завершение индустриализации позволяло изъять излишки рабочей силы из деревни и создать необходимые предпосылки для изменения способа производства в сельском хозяйстве²³. Решение этих задач влекло за собой изменение социального облика деревни. Интенсивные исследования историками и социологами разных стран Восточной Европы процесса коллективизации в последние годы позволили внести существенные корректизы в вопрос о ее социальных

итогах. Представляется правильным (с точки зрения оценки динамики изменения социальной структуры деревни в указанный период) выделение двух этапов в становлении кооперативного крестьянства в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы как целенаправленно создаваемого класса индустриального общества. На первом этапе, когда шло объединение частных крестьянских хозяйств в кооперативы, по сути дела развивался процесс централизации различных типов этих хозяйств, т. е. централизации мелкотоварного производства. Это могло быть лишь предварительным условием развития сельского хозяйства на базе крупного механизированного производства. Данный процесс завершился в большинстве стран к концу 50-х годов. Как показывает исторический материал, проводившаяся в эти годы механизация сельского хозяйства пока еще не создавала достаточных условий для принципиального изменения характера крестьянского труда. Члены кооператива в значительной мере сохранили свою принадлежность к разным социально-экономическим группам традиционного крестьянства, квалификация кооператоров определялась опытом и традициями их труда, приобретенными в условиях мелкого индивидуального хозяйства. Понятно, что этот опыт и традиции не были однозначными. Они имели как положительные (выработанное веками хозяйственное чувство к земле и обусловленное этим необыкновенное трудолюбие и рачительность крестьянина), так и негативные черты (жесточайшая эксплуатация наемных работников, ориентация на натуральное производство). Попытка путем кооперирования вырвать крестьянина из все еще в значительной мере замкнутого хозяйства и включить его в процесс общественного производства на первом этапе, когда преобладали внеэкономические методы организации кооперативов, а принципы кооперативной демократии были заблокированы, повлекла за собой утрату чувства хозяина земли и раскрепощение деревни. Лишь возврат в ряде стран (например, в Венгрии, Чехословакии, ГДР) к основополагающим принципам кооперации (производственная демократия, материальная заинтересованность, отказ от административного принуждения в отношениях кооператив—государство и др.) позволил преодолеть последствия администрирования и ускоренных методов общественной перестройки деревни.

Разные социальные категории сельских мелкотоварных производителей на протяжении 50-х годов оставались

главным источником пополнения формирующегося класса кооперативного крестьянства. В силу этого 50-е годы обоснованно рассматриваются многими исследователями только как начальный этап постепенного формирования класса кооперативного крестьянства²⁴.

Говоря о процессе становления класса кооперативного крестьянства, следует подчеркнуть, что по объективным и субъективным причинам^{3*} наблюдалось резкое обострение противоречий между интересами, которые тогда выдвигались на первый план как общегосударственные и общенациональные, с одной стороны, и социальными интересами крестьянства как особой общественной группы — с другой. Это было одной из важнейших причин кризисных ситуаций 1951—1953 гг., наблюдавшихся в большинстве стран региона, когда были не только замедлены темпы кооперирования, но и происходил распад кооперативов²⁵.

С середины 50-х годов в политике правящих коммунистических и рабочих партий большинства стран все более отчетливо стал проявляться курс на учет интересов деревни, крестьянского менталитета и потребностей сельского хозяйства. Это означало интенсивную государственную поддержку процесса становления кооперативов и формирования нового класса кооперативного крестьянства.

В Польше же и Югославии фактически главное внимание было сосредоточено на обеспечении роста производительности индивидуальных крестьянских хозяйств при одновременном развитии государственного сектора в сельском хозяйстве и экономических связей двух секторов²⁶. Думается, что изучение социально-экономических процессов в польской и югославской деревне требует новых подходов, которые, на наш взгляд, могут быть плодотворными только при условии отказа от толкования развития деревни этих стран во второй половине 50-х годов исключительно как попятного движения в деле ее общественной перестройки. Следует прежде всего разобраться, почему был прерван процесс ускоренного производственного

^{3*} Под объективными причинами следует понимать общегосударственные потребности в индустриализации как главном пути ликвидации экономической отсталости и обеспечения обороноподготовки стран Восточноевропейского региона, которая рассматривалась тогда как первоочередная задача. Субъективные причины — это широко распространенное в то время упрощенное понимание процесса перестройки деревни и командно-административные методы как средство такой перестройки.

кооперирования в этих двух странах, почему был взят курс на длительное сосуществование в аграрном секторе двух укладов — государственного и мелкотоварного, на включение мелкого производителя в систему новых экономических отношений через развитие различных форм простейшей кооперации и к каким реальным результатам привел этот курс через три десятилетия.

Ясно, что изменение аграрной политики повлекло за собой в этих двух странах изменение процесса классообразования в деревне. С одной стороны, сохранялся класс крестьян — мелких собственников, среди которых продолжалось прогрессирующее имущественное расслоение, результатом чего было возрастание числа разорившихся, неимущих крестьян и формирование слоя фермеров, а с другой стороны, в государственном аграрном секторе происходил рост рядов рабочего класса. Анализируя процессы, протекавшие в польской деревне, исследователи, например В. Даун и Г. Холай, считают, что основные тенденции изменений единоличных крестьянских хозяйств развиваются под влиянием расширяющихся взаимосвязей с обобществленным сектором экономики²⁷. С этим фактором они связывают и рост числа крестьян-рабочих.

Возвращаясь к вопросу о складывании класса кооперативного крестьянства, следует еще раз подчеркнуть, что завершение кооперирования в большинстве стран региона еще не означало завершения классообразующих процессов в деревне. Только в 60-е годы, когда развернулось интенсивное насыщение сельскохозяйственного производства новейшей техникой и технологией, стала целенаправленно осуществляться концентрация и специализация сельскохозяйственного производства, возникли новые организационные формы кооперации, традиционная ручная работа широко заменилась механизированным, квалифицированным трудом; стали происходить принципиальные изменения не только в социально-экономическом положении класса крестьян-кооператоров, но и в его профессиональной, квалификационной и социально-демографической структуре, в области сознания сельских тружеников.

Исследователи ГДР и ЧССР считали, что в 60-е годы развивался постепенный процесс слияния различных социальных групп крестьян, объединившихся в кооперативы. Конституировался класс, имеющий новую внутреннюю структуру и новые, внутренние и внешние, источники воспроизводства. Представляется, что правы те исследователи, которые расценивают 60-е годы как завершающий

этап формирования нового общественного характера кооперативного крестьянства²⁸.

Как одна из актуальных задач сегодня перед исследователями выступает изучение процесса организации отношений рабочего класса с интеллигенцией на новых принципах. По-видимому, именно здесь был еще один узел тех сложнейших социальных противоречий, которые следовало разрешить в изучаемый период. Не следует упускать из вида, что, утратив экономические и политические основы власти, бывшие господствующие классы сохраняли пока привилегию на такие общественные ценности, как технические знания и культура. С этой точки зрения рабочий класс, осуществляя политическое руководство развитием общества, оставался классом руководимым в техническом отношении, ибо, как писал В. И. Ленин, «социализм невозможен без использования завоеваний техники и культуры, достигнутых крупнейшим капитализмом»²⁹.

Разумеется, интеллигенция в период вступления общества в переходный период не являлась качественно однородной в идеологическом плане. Часть ее, и притом большую, составляли люди, которые либо прямо ставили целью своей деятельности службу господствующей до революции социальной системе, поскольку вели свое происхождение от господствующего класса — буржуазии и крупных землевладельцев, — либо же, хотя и были выходцами из средних слоев, разделяли мировоззрение первых, так как смысл своего существования видели в улучшении социального статуса в рамках буржуазного строя. Другая же часть, как правило, меньшая, видела смысл своего существования в служении трудовому народу. Из нее и формировалась революционно-демократическая прослойка, активно вступившая в революцию на стороне трудящихся масс. Между этими двумя частями находилась довольно значительная прослойка политически индифферентных работников умственного труда, которые могли склоняться как в ту, так и в другую сторону, в зависимости от изменения своих жизненных условий. За нее после революции рабочему классу и его партии предстояла упорная и длительная борьба, которая не всегда увенчивалась успехом.

Но главная задача виделась в создании новой интеллигенции, вышедшей из недр рабочего класса и крестьянства. Партии рабочего класса уже на первых этапах послевоенного развития осознали необходимость реше-

ния этой задачи, хорошо понимая, что с точки зрения практических задач интеллигенция выступает как один из важнейших составляющих элементов производительных сил. Однако практика стран рассматриваемого региона показала, что и этот процесс протекал с известными противоречиями. Естественная и правильная идеологическая линия на провозглашение рабочего класса гегемоном строительства нового общества сопровождалась некоторым снижением социального статуса интеллигенции. Это приводило к известным издержкам: шел рост числа работников умственного труда, но не везде был адекватным ему рост общественного авторитета этого труда. Можно констатировать, что в тех странах рассматриваемого нами региона, где правящие партии сумели сохранить относительно высокую престижность умственного труда, обеспечить интеллигенции сравнительно высокий уровень материального существования, создались хорошие условия для вступления в эпоху НТР. Там же, где эта задача понималась не до конца, интеллигенция оказывалась в неблагоприятном положении. Венгерский исследователь Т. Хусар отмечает: «Среди всех слоев населения, живущих на заработную плату, самым чувствительным было сокращение доходов у интеллигенции. Средняя заработка преподавателя средней школы с 13–14-летним стажем работы составляла в 1929 г. 246%, в 1947 г.– 162, в 1948 г.– 139 и в 1949 г.– 115% заработной платы квалифицированного рабочего. Несмотря на известные колебания, и в оплате других групп интеллигенции наблюдались аналогичные тенденции»³⁰.

Такая политика была типична и для ряда других стран, и она нередко приводила к отливу некоторых, по ряду довольно значительных, групп интеллигенции от активного участия в социально-политической жизни, замыканию ее в своем индивидуальном мире.

Статистические издания стран восточноевропейского региона нередко объединяют всю интеллигенцию под одной рубрикой «служащие». Это представляется неправильным. Как известно, к интеллигенции относятся люди, профессионально занимающиеся умственным трудом, по преимуществу сложным, имеющие, как правило, высшее специальное образование. Служащие – это также работники умственного труда, требующего в известной мере специального, но не высшего, а в лучшем случае среднего образования. Труд служащих по своему характеру и условиям все более сближается с трудом рабочих. Социо-

логические исследования показывают, что около половины кантонских и торговых работников относят себя к рабочему классу или же к промежуточному между рабочим классом и интеллигенцией слою. Те же социологические исследования показывают и наличие различных интересов у этих двух крупных социальных групп — служащих и интеллигенции.

В последние годы в рассматриваемых в статье странах встала задача сокращения управленческого персонала во всех сферах жизнедеятельности общества. Практически это в первую очередь относится к служащим. Имеется в виду замена многих функций, выполняемых ими, ЭВМ, средствами автоматизации кабинетарского труда и т. д. Если не разделить интеллигенцию и служащих, то линия на сокращение непомерно раздувшегося управленческого аппарата может приобрести характер сокращения контингента работников умственного труда, а значит, и интеллигенции. Такая ошибочная политика может нанести большой ущерб в эпоху НТР.

Решение принципиальных вопросов о месте и роли в социально-классовой структуре общества, вступающего на путь социалистического строительства, «старых» средних городских слоев (ремесленников, кустарей, мелких торговцев и мелких предпринимателей) требует на современном этапе новых подходов. Это касается и разработки понятийного аппарата, и выработки научной концепции, и оценки существа данной проблемы в широком социальном контексте. Они должны опираться на методологические указания основоположников марксизма-ленинизма, и в первую очередь на вывод К. Маркса о том, что ремесленничество, равно как и мануфактура, подпадает под воздействие господствующих общественных отношений³¹. Это же отмечал и В. И. Ленин, подчеркивая, что мелкотоварное производство в целом нигде и никогда не представляет собой самостоятельного способа производства, а существует в рамках того или иного способа производства, господствующего в данном конкретном обществе³². Отсюда возникает необходимость отказа от некоторых устоявшихся в науке стереотипов, которые не столько объясняли место городских мелких производителей в социально-классовой структуре общества стран Восточной Европы, их роль в системе производства и обмена, сколько давали не совсем правильное о них представление.

Безусловно, в решении вопроса о возможности прочного и долговременного союза рабочего класса и мелких

собственников города существуют значительные трудности, обусловленные тем, что наряду с общностью интересов рабочего класса и этих категорий трудящихся между ними имеются и серьезные различия. Эти различия, а в отдельных случаях и противоречия, если они правильно не учитываются правящими партиями, могут отрицательно сказаться на социальной динамике.

Исторический и далеко неоднозначный опыт Восточной Европы показал, что городские мелкие производители могут принимать участие в создании новой системы социальных отношений, в которой изменяется их статус, положение и природа. Задача подключения этих категорий трудящихся к созиданию этой системы, поиск их места в социально-классовой структуре нового общества постоянно находились в поле зрения коммунистических и рабочих партий. Однако формы и методы ее решения носили самый разнообразный характер. Именно поэтому задача выяснения адекватного места представителей «старых» средних городских слоев в строящем социализм обществе — одна из сложнейших. На наш взгляд, это место устанавливается гибкой политикой, нацеленной на выявление хозяйственного потенциала этих слоев, новых возможностей их экономической активности, особенно в условиях НТР, при отказе от административно-командных методов регуляции хозяйственной жизни. Контуры такой политики, в первую очередь в ГДР, обнаружились с достаточной определенностью.

В целом место мелких собственников города в социалистическом государстве определяется двумя ленинскими положениями: завоевать их на свою сторону и ужиться с ними. Дialectическое взаимоотношение этих установок во многом и должно определять социальную политику партий рабочего класса по отношению к данным категориям трудящихся. Опыт группы вышеназванных стран Восточной Европы показывает: и в первой и во второй установках в конкретных условиях каждой из стран имела место определенная непоследовательность. Преобладание в руководстве коммунистических и рабочих партий представлений о возможности форсированного «завоевания» этих категорий на сторону рабочего класса влекло за собой деформации в их политике. Это вело к снижению производственного потенциала мелких собственников, отражалось на состоянии рынка услуг, а также вызывало резкое сокращение необходимых населению товаров мелкосерийного промышленного производства. Особо-

знание правящими партиями негативных последствий исчезновения этих видов хозяйственной деятельности, а также связанных с ними слоев трудящихся диктовало политику их «восстановления». При этом решались вопросы качественного обеспечения разнообразных потребностей населения и одновременно преследовалась цель борьбы с паразитировавшей на государственных фондах «тепловой экономикой».

Как свидетельствует исторический опыт, «восстановление» потенциала мелкотоварного производства в городе и политика «уживания» с его представителями имеют свои пределы. Если установка на «уживание» начинает преобладать, то частнособственническая психология может оказывать деформирующее воздействие на психологию широких трудящихся масс, включая рабочий класс. Ослабление в политике коммунистических и рабочих партий механизмов, регулирующих развитие частного (индивидуального) производства в городе, стремление лишь «ужиться» с его носителями может привести к тому, что мелкие собственники начнут претендовать на большую роль в обществе, чем могут ее реально играть, выдвигая завышенные социальные и политические требования. Отсюда необходимость предельно внимательного подхода к количественным и качественным параметрам этой социальной категории, что позволяет правящим партиям строить правильную политику по отношению к ней.

В этом плане особую значимость приобретает позитивный и негативный опыт стран региона, включающий поиск и использование оптимальных вариантов вовлечения городского мелкого производства в строительство нового общества, диалектического сочетания различных структурных компонентов этого производства. Историческая практика стран Центральной и Юго-Восточной Европы чрезвычайно насыщена и богата тем, что каждая из них ориентировалась на свою модель городского мелкого производства, шла по пути «вычисления» оптимального сочетания различных компонентов городского мелкого производства либо в сторону его упрощения и утификации, либо в сторону усложнения и обогащения, новыми оттенками.

В решении проблемы интеграции городских мелких собственников в социально-классовую структуру общества, во многом зависевшей от выбора партиями рабочего класса той или иной модели городского мелкого производства, можно выделить четыре этапа.

Первый этап охватывает период 1944–1948 гг., когда коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы сделали первые шаги по выработке и определению оптимальной трехкомпонентной структурной модели городского мелкого производства. В ее основу был положен принцип взаимодействия и взаимодополняемости хозяйственной деятельности, базировавшейся на трех формах собственности: государственной, кооперативной и частной (индивидуальной). Иными словами, такая модель основывалась па идее многосекторной, смешанной экономики, точнее, па ее «философии». Названная модель должна была действовать не на уровне макросистемы экономики, а в пределах ее микросистемы, каковой, бесспорно, являлась сфера городского мелкого производства. Характерной чертой такой модели являлось то, что ее функционирование должно было осуществляться в условиях господства в экономике государственного сектора, признания его ведущей, лидирующей роли. Трехкомпонентная модель городского мелкого производства, таким образом, целенаправленно и последовательно по мере развития революционного процесса переносилась партиями рабочего класса в заведомо ограниченную, предельно локальную, подчиненную государственному сектору и второстепенную сферу производства.

При этом коммунистические и рабочие партии стран региона прокламировали идею о том, что в период перехода к социалистическому строительству и в его ходе главные, магистральные, решающие для судьб социализма процессы будут разворачиваться отнюдь не в данной, а в более глобальных сферах народного хозяйства посредством индустриализации. Несостоятельность такого проекта не отменяет факта его наличия.

Второй этап приходится на конец 40-х – первую половину 50-х годов. В данный период проводилась политика форсированного приобщения мелких производителей к планам «социалистического строительства» с деформацией их социальной природы. Во всех странах (кроме ГДР и Югославии) наметился отход от трехкомпонентной модели городского мелкого производства, построенной на принципе экономической целесообразности и конструктивности. При этом решительному осуждению был подвергнут один из важнейших составных элементов данной модели – хозяйственная деятельность, основанная на частной собственности. Результатом отхода большинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы от концеп-

ции трехкомпонентной модели явилась ориентация на упрощение социально-классовой структуры, неизбежного следствия проводимых преобразований.

Третий этап включает вторую половину 50-х — начало 60-х годов. Если в первой половине 50-х годов большинством коммунистических и рабочих партий вопрос решался однозначно в пользу государственной и кооперативной форм деятельности в городском мелком производстве, то уже к середине десятилетия определилась необходимость развития всех трех его компонентов на равноправных началах. Во второй половине 50-х годов обнаружилось, что развитие городского мелкого производства имеет свою внутреннюю логику. Эта логика определяется недостаточностью только двух (государственной и кооперативной) форм хозяйственной деятельности. На данном этапе, по сути дела, началась выработка стратегии подключения к городскому мелкому производству его третьего — частного (индивидуального) компонента и приобщения связанных с ним мелких собственников города к строительству нового общества.

Остановимся кратко на характеристике отдельных вариантов политики коммунистических и рабочих партий по отношению к этой категории общества. Можно выделить две полярные модели — ГДР и Чехословакию. В первом случае была осуществлена прямая «трансплантация» старых структур (ремесленных союзов, корпораций, семейных предприятий и т. д.) мелкотоварного производства в формирующуюся новую экономическую систему, разумеется, с планами качественно изменить их природу. Это позволило последовательно осуществлять политику учета интересов мелких производителей города. Вторая модель, которую дает Чехословакия, иллюстрирует запрещение воспроизводства указанных структур де-юре, хотя многие их параметры сохранились де-факто. Между ними расположены своеобразные «переходные» формы различных моделей. С одной стороны, это Венгрия, Польша и Югославия, где с середины 50-х годов был взят курс на последовательный учет интересов мелких собственников города, сопряжение их специфических интересов с интересами рабочего класса. В этих странах имели место и юридическое, и фактическое обеспечение государством деятельности трехкомпонентной модели городского мелкого производства. С другой — Болгария и Румыния, где при более последовательной начинке с середины 50-х годов реализации принципов поэтапности приобщения к фор-

мам обобществленного производства мелкого собственника политика «компромисса» с представителями частного кустарно-ремесленного производства тем не менее продолжала нести на себе печать некоторой непоследовательности, а в ряде случаев — и противоречивости. Эта непоследовательность выражалась, с одной стороны, в формальном разрешении деятельности частного компонента городского мелкого производства, с другой же — в фактическом его свертывании ³³.

Четвертый этап охватывает вторую половину 60-х — 80-е годы. В целом его можно оценивать как этап реализации политики, поощряющей функционирование трехкомпонентной модели городского мелкого производства в условиях развертывающейся научно-технической революции.

Если при экстенсивно развивающейся экономике одни потребности работника удовлетворялись главным образом на основе массового производства, а другие (к примеру, эстетические) не удовлетворялись вообще, то при переходе к интенсивному типу производства, где определяющим элементом является высококвалифицированный и постоянно обучающийся труженик, предполагается все более полное удовлетворение его индивидуальных потребностей. Работник, не удовлетворенный качеством и уровнем развития сферы услуг, в новых условиях, в рамках интенсивных технологий, хорошо работать не может. По-особому вопрос стоит в тех странах, где рабочий класс сформировался относительно недавно. На определенном этапе развития он может удовлетворяться сравнительно мало дифференциированной сферой услуг. Но когда перед этим классом встают задачи «скачки» на уровень интенсивного развития (бурное развитие электронной промышленности в Болгарии), следует, соответственно, предвидеть возникновение и стремительное нарастание спроса на услуги.

Осознание объективной необходимости и неизбежности этих проблем со всей настоятельностью поставило в ряде стран региона проблему подключения к действующей двухкомпонентной модели городского мелкого производства третьего компонента, т. е. индивидуальной трудовой деятельности.

Ключевым моментом эволюции частного компонента городского мелкого производства, а также связанных с ним категорий общества является то, что эти категории, подвергавшиеся разноправленной социальной транс-

формации в период проведения форсированной индустриализации, не являются исчезающим слоем или временным союзником рабочего класса. Напротив — это носители таких видов трудовой, предельно индивидуализированной деятельности, которая необходима для нормального функционирования любых форм крупного производства.

Таким образом, лозунги и практика вытеснения и даже «ликвидации» эксплуататорских классов, как показывает исторический опыт рассматриваемых стран Восточной Европы, так и не привели к упрощению социальной структуры общества. Различные группы трудящихся подверглись не нивелировке, а дивергенции и в технологическом, и в социально-профессиональном плане. Наглядной иллюстрацией этого процесса может служить такая сфера народного хозяйства рассматриваемых стран, как городское мелкое производство. Часть его представителей становится работниками мелких государственных предприятий, другая — кооператорами, остается и присущая дореволюционному обществу категория «частников», но уже в принципиально ином социальном контексте.

Таким образом, в социально-классовой структуре в условиях тотальной национализации и форсированной индустриализации проходили сложные, неоднозначные, часто противоречивые процессы. Рассмотрение конкретно-исторического материала стран Восточной Европы позволяет по-новому подойти к оценке итогов, достигнутых на разных этапах развития, и отказаться от их трактовок, превалировавших в историографии этих стран до конца 80-х годов, когда остро дискутировался вопрос о критериях завершенности переходного периода. Реальная история внесла в него свои коррективы.

Историческая дистанция и социальные процессы, развивающиеся сегодня в обществах стран Восточноевропейского региона, позволяют констатировать факт усложнения социальной структуры в ходе прокламировавшегося здесь социалистического строительства. Практика этих стран показывает, что «история никогда ни на одном направлении не достигала прогресса через упрощение. Наоборот, каждая следующая формация, социально-экономическая или политическая система, оказывались внутренне сложнее предыдущей»³⁴.

Не подлежит сомнению, что ликвидация эксплуататорских классов в ходе жестких социальных преобразований привела к устраниению классовых антагонизмов, повлекла за собой принципиальные изменения в общественном поло-

жении трудящихся масс. Но вместе с тем это не означало ни упрощения социальной структуры, ни исчезновения противоречий как между формирующимиися классами и слоями общества, так и внутри различных его социальных групп.

В частности, сохранившаяся или же реставрированная в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы трехкомпонентная модель городского мелкого производства, базирующаяся на трех формах собственности, подчеркивала существенные черты социального облика общества и богатство его социальной палитры³⁵. Принципиальные изменения произошли во внутренней структуре рабочего класса, крестьянства, в облике и роли промежуточных социальных слоев.

Совершенно очевидно, что в восточноевропейских странах сохранялась множественность социальных интересов, реально существующий мировоззренческий плурализм, основой которых выступала усложнявшаяся под влиянием объективных факторов, прежде всего под воздействием развивающейся научно-технической революции, социальная структура.

¹ См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 301, 489; Т. 16. С. 199.

² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 198.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6-7; Т. 20. С. 36; Т. 21. С. 1; Т. 37. С. 111; Т. 39. С. 256.

⁴ Там же. Т. 8. С. 145.

⁵ Под социальными институтами мы понимаем такие элементы социальной структуры, такие исторические формы организации и регулирования общественной жизни, которые представляют собой совокупность социальных норм и культурных образцов, которые обуславливают устойчивые формы и систему социального поведения и действия в соответствии с этими нормами (экономические институты, разделение труда, собственность, заработка плата и др.; политические: государство, армия, суд, партии и т. д.; воспитательные институты, институты в сфере культуры и т. д.).

⁶ *Горбачев М. С.* О перестройке и кадровой политике: Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 января 1987 года. Материалы Пленума ЦК КПСС. 27-28 января 1987 года. М., 1987. С. 8.

⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 427.

⁸ См.: *Felcman O.* Český proletáriát v boji za vítězství socialistické revoluce, 1945-1948. Pr., 1984. S. 132; Развитие народного хозяйства ГДР. М., 1957. С. 95; Вопросы германской истории. Днепропетровск, 1981. С. 24.

⁹ Подсчитано на основе данных: *Stružek B.* Rolnictwo europejskich krajów socjalistycznych. W-wa, 1963. S. 12; *Jedruszczak H.* Zatrudniennie a przemiany społeczne w Polsce 1944-1960. Ossolineum. 1972. S. 319; *Balint J.* Tarsadalni rétegződés és jövedeimek. Bp.,

1978. Old. 28–29; *Jarosz M.* Nierówności społeczne W-wa. 1984. S. 55; Общее и особенное в формировании социально-классовой структуры социалистического общества. М., 1980. С. 25, 152, 196; Развитие рабочего класса в социалистическом обществе. М., 1982. С. 489.
- ¹⁰ См.: *Stržek B.* Rolnictwo europejskich krajów socjalistycznych... S. 12; *Hradéčny P.* Albanská socialistická lidová Republika. Pr., 1977. S. 44, 211; Развитие рабочего класса... С. 481.
- ¹¹ Социальное развитие рабочего класса в социалистических странах. М., 1978. С. 130.
- ¹² Стопанска история на България, 681–1981. С., 1981. С. 453.
- ¹³ См.: *Gordon L. A.* Социально-экономическое развитие рабочего класса европейских стран социалистического содружества // Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы. М., 1987. С. 52–53; *Vaidig P.* Развитие рабочего класса в ходе построения развитого социалистического общества в ГДР // Социальное развитие рабочего класса... С. 71.
- ¹⁴ Социально-экономические и политические проблемы развития СПР. М., 1976. С. 45; Социально-классовая структура на социалистического общества в НРБ (1958–1975). С., 1981. С. 16; Экономика стран социализма. М., 1969. С. 237, 265, 423.
- ¹⁵ *Иллеш Я., Ковач Ф.* Основные тенденции развития рабочего класса Венгрии // Социальное развитие рабочего класса... С. 47.
- ¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 19.
- ¹⁷ *Gordon L. A.* Социально-экономическое развитие... С. 58.
- ¹⁸ Подробнее см.: Там же. С. 58–59; *Gordon L., Klopov Э.* Главная сила революционных преобразований // Коммунист. 1987. № 16. С. 19, 23, 25.
- ¹⁹ Развитие рабочего класса... С. 506–507; Экономика стран социализма... С. 285.
- ²⁰ *Kalinová L.* Vývoj struktury a postavení čs. průmyslových a hospodářsko-technických pracovníků v 50. letech // Revue dějin socialismu. Zvláštní číslo. 1968. S. 1025–1064.
- ²¹ Развитие рабочего класса... С. 483, 489, 506, 507; Из истории социально-политического развития... С. 87.
- ²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 176, 187.
- ²³ См.: *Orbán Š.* К вопросу о преобразовании кооперативного хозяйства и крестьянства // Acta Historica. 1985. № 1–2.
- ²⁴ Kapitoly z dějin socialistického pol'nohospodářstva v Československu. Br., 1985; Эволюция крестьянства социалистических стран в послевоенный период. М., 1984; *Купцше З.* 40 лет аграрной политики СЕПГ // Экономика сельского хозяйства. 1984. № 12; *Bach V.* Socialno-ekonomický vývoj slovenského pol'nohospodářského obyvatel'stva. Br., 1986.
- ²⁵ См.: *Марьина В. В., Мурашко Г. П.* Путь чехословацкого крестьянства к социализму. М., 1972; *Сакач Ш.* Становление и развитие социалистической аграрной политики в Венгрии // Acta Historica. 1985. № 1–2; *Трифонова М.* БКП и социалистического переустройство на селского стопапства 1944–1958 гг. С., 1981; Общее и особенное в развитии социальной структуры сельского населения социалистических стран. М., 1986; *Kaliński J.* Forsowna kolektywizacja rolnictwa. (1948–1956) // Kwartalnik Historyczny. 1984. N 1.
- ²⁶ Архив Министерства внешнеэкономических связей СССР (расп.: Архив ГКЭС). Ф. 365. Оп. 2. Д. 1474. Л. 72–77; Д. 1762. Л. 122; *Wspólne cele. W-wa*, 1980. С. 232–245; *Woś A.* Rozwój i

- postęp w rolnictwie polskim. W-wa, 1987. S. 50.
- ²⁷ См.: Даун В. Изменения в структуре сельского населения Польши // Общее и особенное в развитии социальной структуры сельского населения...; Холай Г. Социализм и аграрный вопрос. М., 1986; Slabek H. Cłopska ludność dwuzawodowa w Polsce // Dzieje Najnowsze. 1986. № 1 Herer W., Landau Z., Müller A. et al. U źródeł polskiego kryzysu. W-wa, 1985. C. 108, 322; Gałeski B. Społeczna struktura wsi. W-wa, 1962. S. 149–151.
- ²⁸ Кунцше З. 40 лет аграрной политики СЕПГ; Bauch V. Socialno-ekonomický vývoj...; Formovanie triedy družstevného roľníctva v Československu. Br., 1982.
- ²⁹ Ленин В. И. Полп. собр. соч. Т. 36. С. 310.
- ³⁰ Хусар Т. Венгерская интеллигенция на начальном этапе социалистических преобразований // Интеллигенция и революции XX века. М., 1985. С. 311.
- ³¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 307–308.
- ³² Ленин В. И. Полп. собр. соч. Т. 45. С. 374–376.
- ³³ Более подробно см.: Žadorožníková E. G. Socialistická prestavba mestskej malovýroby v krajinách Strednej a Juhovýchodnej Európy v rokoch výstavby základov socializmu // Historický časopis. 1987. N 4. S. 534–553.
- ³⁴ Яковлев А. Н. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки // Коммунист. 1987. № 8. С. 7.
- ³⁵ См.: Проблемы переходного периода от капитализма к социализму // Новая и новейшая история. 1987. № 5. С. 129–138.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ СССР И ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Х. Кестнер

Вплоть до недавнего времени индустриализация рассматривалась как основа формирования материально-технической базы социализма для восточноевропейских стран. В этом виделось ее принципиальное значение¹. В ходе индустриализации мыслилось создавать развитые производительные силы, государственная собственность на средства производства должна была стать господствующей. Процесс обобществления, начавшийся после политической революции, как полагали, приобретал новое качество, складывались диалектические отношения между производительными силами, с одной стороны, и качественно новыми производственными отношениями — с другой.

Историческое развитие Советского Союза и стран Восточной Европы показывает, что индустриализация рассматривалась не просто как восполнение непроведенной капиталистической индустриализации. Так, например, развитое и технически зрелое капиталистическое производство в ЧСР и Советской оккупационной зоне Германии, как тогда утверждалось, также не могло служить материально-технической базой социализма: оно содержало все экономические признаки, свойства и недостатки, присущие капитализму. Если осуществлявшуюся индустриализацию соотнести с задачами создания материально-технической базы то, в зависимости от конкретного уровня соответствующей страны, она выполняла в разной мере важные функции. Наряду с созданием новых промышленных производственных мощностей и проведением реконструкции имевшихся промышленных объектов важнейшими и наиболее существенными чертами реализовавшейся индустриализации можно несомненно назвать преодоление территориальных диспропорций в размещении производительных сил, формирование соответствующей потребностям общества отраслевой структуры. И то, и другое также в известной мере требует осуществления индустриализации.

© Х. Кестнер, 1990

В 1956 г. в ГДР развернулась дискуссия о содержании и месте реализовывавшейся индустриализации, открывшаяся выступлением экономиста Г. Кольмей. Анализируя опыт «социалистического строительства» в ГДР, Г. Кольмей представлял точку зрения, состоявшую в том, что новой и важной задачей индустриализации является не превращение аграрной страны в индустриальную державу, а устранение унаследованных от капитализма диспропорций и создание адекватной заданиям промышленной базы². В последние десять лет явно активизировался обмен мнениями по истории осуществленной индустриализации. Однако длительный спор между учеными на страницах «Ежегодника экономической истории» и «Ежегодника истории социалистических стран Европы» не привел к созданию междисциплинарных фундаментальных исследований о характере и сущности индустриализации³.

Предпосылки базовой индустриализации.

В СССР они были созданы в ходе первоначальной индустриализации России в 80—90-х годах прошлого века и в годы восстановления народного хозяйства (1921—1925). С образованием пяти районов сосредоточения промышленности (Москва, Петербург, Урал, Донбасс, Баку) была достигнута локально высокая концентрация капитала и труда, в то время как обширные пространства бывшей Российской империи по-прежнему оставались отсталыми в промышленном отношении. На территории, охватывающей 96% России, третья часть от всего рабочего класса страны производила 1/3 валового промышленного продукта⁴.

Благодаря производству в индустриальных центрах, Россия, несмотря на огромные территориальные диспропорции, достигла среднего уровня капиталистического развития и добилась в ряде важных отраслей высокого уровня производства⁵. Она занимала пятое место в мире по промышленному производству (после США, Англии, Германии и Франции), однако в перерасчете продукции на душу населения все еще оставалась далеко позади ведущих индустриальных государств, достигнув уровня Испании, Японии, Италии⁶. Сельское хозяйство имело заметный перевес в формировании национального дохода (60%), промышленность давала всего лишь 33%⁷. Соотношение групп А и Б в ней было 35,1 : 64,9⁸. При анализе положения дел в России В. И. Лепин отмечал: «Без известного уровня развития капитализма у нас бы ничего не произошло»⁹. В 1925—1926 гг. с восстановлени-

ем народного хозяйства, его производственной и отраслевой структуры были созданы предпосылки для проведения индустриализации страны.

Исходные условия осуществлявшейся индустриализации в странах народной демократии характеризовались как различиями в их экономическом развитии к концу второй мировой войны, так и результатами послевоенного восстановления пародного хозяйства. В сложившемся в 50-е годы блоке восточноевропейских государств существовало три группы стран, стартовые уровни экономического развития которых имели значительные различия.

Чехословакия и ГДР являлись индустриально развитыми государствами. Доля промышленности в общем валовом продукте составляла в довоенный период на территории ГДР 75%, а ЧСР — 57%. Доля производства средств производства в промышленной продукции достигала на территории ГДР 60,2%, в ЧСР — 49,3%¹⁰. В то же время в этих странах имелись заметные диспропорции в отраслевой структуре и территориальном размещении производительных сил.

Венгрия и Польша к тому времени превратились в аграрно-индустриальные страны, где доля промышленности в общем валовом продукте составляла в 1939 г. в Польше 47,4%, в Венгрии — 42,0%¹¹. В промышленности обеих стран преобладали отрасли по производству потребительских товаров.

Румыния и Болгария не перешагнули уровня отсталых аграрных стран, при этом высокие показатели добычи нефти определяли особое положение Румынии. В целом в обеих странах промышленность была слабо развита. В Болгарии, например, удельный вес промышленности в общем валовом продукте в 1938 г. составил 24,8%, производство средств производства достигло только лишь 22,6%¹².

Неразвитая структура, низкий технический уровень и неравномерное территориальное размещение промышленности последних четырех стран явились причиной целого ряда экономических трудностей. Как и в России, внутри в целом отсталых территорий формировались локальные индустриальные центры. Например, в Румынии — Бухарест и Брашов, в Венгрии — Будапешт, в Болгарии — София, Пловдив, Варна, Русе и Габрово.

В довоенный период сильными позициями в этих странах располагал иностранный капитал. После 1945 г. этот фактор явился причиной ряда дополнительных эко-

номических трудностей, выражавшихся в технической и технологической зависимости от Запада.

В годы войны относительно небольшие производственные индустриальные мощности стран региона в значительной мере были разрушены и восстановлены в 1948—1950 гг. Низкий экономический уровень большинства государств Центральной и Юго-Восточной Европы и их диспропорциональная экономическая структура не были, разумеется, пока еще преодолены. Для создания соответствующей задачам нового строя материально-технической базы требовался переход, как тогда считали, к политике ускоренной индустриализации.

Стратегическая постановка задач форсированной индустриализации коммунистическими партиями стран народной демократии в конце 40-х годов была осуществлена в связи с работой над первыми пятилетними планами. При этом здесь могли приступить, как считалось тогда, к индустриализации, имея более благоприятные, чем СССР, стартовые позиции и учитывая уже существующий опыт при разработке основных направлений хозяйственного развития. Народно-демократические революции в Центральной и Юго-Восточной Европе в 40-е годы произошли одновременно в ряде стран, которые не были блокированы враждебным окружением капиталистических государств, как в свое время СССР. Они могли рассчитывать на внешнюю помощь, на поддержку Советского Союза. Предполагалось, что экономическое сотрудничество стран Центральной и Юго-Восточной Европы с СССР и между собой в рамках образованного в 1949 г. СЭВ будет оказывать позитивное воздействие на ход и темпы преобразовательных процессов в этих странах. Развитие концепции индустриализации в 50-е годы опиралось на повторение коммунистическими и рабочими партиями рассматриваемых стран опыта КПСС.

Первые пятилетние — для Польши шестилетний — планы отразили тесную взаимосвязь между индустриализацией и программой создания нового общества. Так же как в свое время СССР, признавший форсированную индустриализацию главным звеном в цепи «социалистического строительства», братские партии сформулировали в принципе одинаковые цели. В постановлении о пятилетнем плане 1951—1955 гг. в Румынии подчеркивалось, что создание развитой промышленности позволит сформировать социально-экономическую базу в стране¹³. Основные черты польского шестилетнего плана 1950—1955 гг., ставившего

целью «создание основ социализма» и превращение Польши «в одну из наиболее индустриализованных стран Европы»¹⁴, отвечали задачам форсированной индустриализации. В проекте закона о пятилетием плане в Чехословакии указывалось, что он будет служить реконструкции чехословацкой экономики, а также ограничению, а впоследствии и устраниению капиталистических элементов во всех отраслях народного хозяйства, способствуя развитию Чехословакии в направлении к социализму¹⁵. Пятилетний план 1950—1954 гг. в Венгрии предусматривал быстрое развитие промышленности, преимущественно тяжелой индустрии¹⁶.

Пятилетний план в Румынии предусматривал, что промышленность получит половину всех капиталовложений в народное хозяйство, причем 80% из них будут направлены на производство средств производства¹⁷. Пятилетний план 1949—1953 гг. в Болгарии определил в качестве главной экономической и политической задачи «строительство основ социализма» путем индустриализации и электрификации страны, путем коллективизации и механизации сельского хозяйства¹⁸.

Главные задачи в сфере промышленного производства, сформулированные в первых пятилетних планах стран Центральной и Юго-Восточной Европы, виделись в значительном развитии промышленного производства, электрификации народного хозяйства либо же дальнейшем ее расширении, улучшении структуры народного хозяйства, повышении производительности труда и росте жизненно-го уровня трудящихся путем развития легкой промышленности¹⁹. В годы первых пятилеток предусматривался опережающий рост промышленности, в первую очередь отраслей, обеспечивавших производство средств производства. Тем самым следует констатировать далеко идущее совпадение целей первых пятилетних планов стран региона с задачами первого советского пятилетнего плана 1928—1932 гг. Советские пятилетние планы и опыт строительства крупного машинного производства, как основы материальной базы получили воплощение в долгосрочном планировании стран, приступивших к созданию нового общества на рубеже 40—50-х годов.

Типы ускоренной индустриализации. Типологию форсированной индустриализации следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, в плане сравнения промышленного развития государств в целом, во-вторых, в плане сопоставления различных видов форсированной индустриа-

лизации в рамках такого большого государства, как СССР. Если в качестве основы взять первый аспект, то можно выделить две группы, которые при всех различиях в частностях имеют много общего как в исходных позициях, так и в формах создания материально-технической базы. В связи с этим выделяются два типа индустриализации в восточноевропейских странах — членах СЭВ.

Первый тип характерен для группы стран, которую образуют Советский Союз, Болгария, Польша, Румыния и Венгрия. Капитализм оставил в этих странах незначительно развитую промышленность, промышленная революция не везде была завершена, она не привела к образованию индустриально развитых капиталистических государств. Индустриализация этих стран должна была осуществляться в соответствии с существовавшей тогда концепцией социализма. Индустриализация решала здесь задачу создания крупной машинной индустрии, которая заняла бы господствующие по отношению к сельскому хозяйству и простому товарному производству позиции и явилась бы качественно новой основой дальнейшего экономического и технологического развития всех сфер народного хозяйства.

Второй тип присущ ГДР и ЧССР. Эти страны еще при капитализме являлись высокоиндустриализованными по степени концентрации производства и централизации капитала. По их технологическим стандартам промышленного оборудования они также соответствовали уровню западноевропейских индустриальных государств. Происходившие здесь в ходе «строительства социализма» процессы индустриализации могли базироваться на уже существовавшей электрифицированной крупной промышленности. Форсированная индустриализация решала в этих двух странах задачи дальнейшего строительства и развития индустрии в целом, устранения диспропорций между отдельными отраслями промышленности и территориального размещения, а также задачи доведения промышленного развития до уровня, соответствующего потребностям промышленно развитого общества.

Если обратиться ко второму аспекту: разнообразие форм форсированной индустриализации в такой большой и социально-экономически дифференциированной стране, как СССР, — то, на наш взгляд, можно выделить пять региональных типов форсированной индустриализации.

Первый тип форсированной индустриализации, характерный для индустриальных (кроме Баку) центров,

опирался на имеющуюся относительно развитую промышленность. Здесь индустриализация протекала путем преимущественного развития промышленности группы А с очень высокими показателями роста. В период индустриализации Советского Союза, в 1926—1937 гг., это структурное развитие не изменилось, но от пятилетки к пятилетке становилось все более ярко выраженным. В советской литературе 40—60-х годов индустриализация сводилась только к этому типу, а дифференциация, которая соответствовала бы реальным процессам в стране, практически не проводилась.

Второй тип форсированной индустриализации характеризуется тем, что небольшие промышленные очаги в ряде советских районов были представлены преимущественно отраслями легкой (текстильная и пищевая) промышленности. Это касается, например, среднеазиатских республик, Бессарабии к моменту ее вхождения в состав СССР, Татарии и других территорий. Индустриализация в этих районах опиралась в первую очередь на легкую промышленность, она получала наиболее крупные капиталовложения и развивалась быстрее группы А. Лишь в послевоенные годы индустриализация этих районов была доведена до конца.

Третий тип социалистической индустриализации имел место на таких территориях, как Калмыкия, Крайний Север, Дагестан, Средняя Волга. Здесь в массовом порядке производилась сельскохозяйственная продукция, дальнейшая переработка которой удовлетворяла общенациональную потребность и представляла собой определенную отправную точку для проведения индустриализации. В результате при отсутствии заметных индустриальных основ были возведены производственные мощности в легкой промышленности, прежде всего консервные заводы. Таким образом было положено начало преимущественному развитию промышленности группы Б. Только во второй пятилетке в связи с проводившимися геологическими изысканиями было запланировано также возведение производственных мощностей тяжелой индустрии и начато их строительство. Образование соответствующей объективным возможностям этих районов отраслевой структуры произошло лишь в годы послевоенных пятилеток, когда и здесь удалось достигнуть опережающего развития тяжелой индустрии. Полезные ископаемые, освоение и переработка которых имели исключительное значение для общей индустриализации, высвобождали средства

для импорта современных машин, становились основой социалистической индустриализации этих районов. Это был четвертый тип индустриализации в СССР. В Якутии (золото), Грузии (марганец), Казахстане (медь, свинец, цинк) началось бурное развитие горнодобывающей промышленности, на основе чего опережающими темпами в первой и второй пятилетках создавалась промышленность группы А. Развитие других отраслей промышленности почти не имело места, в том числе и развитие достаточной энергетической и ремонтной базы горнодобывающей промышленности, так же как и образование комплексной, законченной индустриальной структуры. Только в годы послевоенных пятилеток началось решение этой задачи. Причины такого положения заключались в чрезвычайном значении сырья для общего процесса индустриализации в СССР: спачала в условиях растущей внешней угрозы, затем второй мировой войны и, наконец — «холодной войны».

Пятый тип форсированной индустриализации определялся географическими условиями СССР как страны с богатейшими запасами древесины, а также историко-экономическими особенностями (царская Россия была крупнейшим мировым экспортером леса). Лесная промышленность (лесозаготовки, перевозка, переработка, доставка) имела особое значение для осуществления политики индустриализации. Лесная промышленность обеспечивала стройматериалами внутренние потребности страны, приносила большое количество валюты, необходимой для закупки современной техники. Для Европейского Севера, части Сибири и Дальнего Востока бурное развитие лесной промышленности было исходным пунктом и основой индустриализации. Эта своеобразная «индустриальная монокультура» была преодолена только после Великой Отечественной войны.

Таким образом, индустриализация ранее отсталых районов СССР осуществлялась различными путями, но вела к одному результату. Хотя на всей территории СССР в годы первой и второй пятилеток не удалось достигнуть создания современной крупной промышленности с ее важнейшей отраслью — машиностроением, тем не менее тогда появились необходимые условия для решения этой проблемы. В Советском Союзе в ходе развития традиционных индустриальных центров была создана материально-техническая база социализма, а на отдельных территориях были сформированы промышленные

основы современной народнохозяйственной структуры, которые положили начало процессу стирания различий в уровнях экономического развития народов СССР.

- 1 Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926 / 1927–1930/1931 гг. // Материалы Центральной комиссии по пятилетнему плану. М., 1927. С. 35.
- 2 *Kohlmey G.* Formen und Abschnitte unseres Weges zum Sozialismus. Einheit. 1956. Н. 9. S. 891.
- 3 *Hoffmann F., Laschke M.* Einige Fragen der Erforschung der sozialistischen Industrialisierung // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte. 1977. Teil IV. S. 27 и др.
- 4 *Хавин А.* Социалистическая индустриализация национальных республик и областей. М., 1933. С. 16.
- 5 К столетию со дня рождения В. И. Ленина. М., 1970; Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977. С. 30; *Лельчук В. С.* Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии. М., 1975. С. 232.
- 6 *Минц И. И.* История Большого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 37; *Lorenz R.* Sozialgeschichte der Sowjetunion (1917–1945). Frankfurt a. М., 1976. S. 27.
- 7 Экономическая история СССР и зарубежных стран. М., 1978. С. 272.
- 8 Народное хозяйство СССР за 60 лет. С. 171.
- 9 Ленинский сборник. М., 1929. Т. XI. С. 397.
- 10 *Barthel H.* Die wirtschaftlichen Ausgangsbedingungen der DDR. B., 1979.
- 11 *Laschke M.* Grundzüge der sozialistischen Industrialisierung und des industriellen Wachstums europäischer RGW-Länder. Ein Beitrag zur Wirtschaftsgeschichte sozialistischer Länder. Diss. B., 1981.
- 12 25 Jahre auf dem Weg des Sozialismus. Sofia, 1970. S. 95.
- 13 За прочный мир, за народную демократию. 29.12.1950. С. 2.
- 14 Der Sechsjahrplan der wirtschaftlichen Entwicklung und der Errichtung der Grundlagen des Sozialismus in Polen. Warschau, 1950. S. 8, 10.
- 15 *Zapotocky A.* Die tschechischen Gewerkschaften im Kampf um den Sozialismus B., 1956. S. 73.
- 16 Fünfjährplan der Ungarischen Volksrepublik. Bp., 1950.
- 17 *Gheorghiu-Dej G.* Bericht über den Plan zur Elektrifizierung des Landes. Buk., 1950. S. 12.
- 18 Българска комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК. С., 1955. Т. 4. С. 146 и др.
- 19 *Laschke M.* Grundzüge der sozialistischen Industrialisierung...

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О КООПЕРАЦИИ И ЕЕ ФУНКЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРЕОБРАЗОВАНИИ ДЕРЕВНИ

Н. К. Фигуровская

Аграрные преобразования в истории Советского Союза являлись и являются сложнейшим вопросом экономического и социального развития общества. Аграрные отношения всего труднее поддаются перестройке, и в то же время их необходимо кардинально изменить в целях эффективного функционирования. Реформа в сельском хозяйстве в таких страшах, как Россия, является, как подчеркивал В. И. Ленин, главным и коренным общественным преобразованием, основным вопросом всего социалистического строительства, самой главной социалистической реформой¹.

В системе отраслей материального производства сельское хозяйство как основной источник ничем не заменимых предметов потребления играет исключительно важную, особую роль. Без прочной сельскохозяйственной базы, как писал В. И. Ленин, «невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни было великие планы — ничто». Подлинной реальной основой развития экономики является «продовольственный фонд», которым располагает общество, и без решения продовольственной проблемы социалистическая политика остается лишь пожеланием², т. е. немыслима, невозможна.

Поэтому вопросы аграрной политики были связаны со всем социально-экономическим развитием страны в целом, от их успешного решения в значительной мере зависело продвижение страны к социализму. С самого начала общественных преобразований возникла проблема использования кооперативных организаций, унаследованных от капиталистического строя. Кооперативная система, сложившаяся еще до революции и охватившая 24,4 млн членов различными кооперативными объединениями, которых насчитывалось 63 тыс., была в основном ориентирована на деревню. В исторических исследовани-

ях она справедливо характеризуется как одно из важнейших социально-экономических явлений капиталистической России, представлявших собой одну из материально-организационных и культурных предпосылок социализма. Поэтому кооперация как часть учетно-распределительного аппарата, созданного капитализмом, не должна подлежать слому³.

В. И. Ленин еще до революции раскрыл определенные возможности использования кооперации в строительстве социалистического общества. В 1910 г. на социалистическом конгрессе в Копенгагене он вместе с Ж. Гедом внес в резолюцию о кооперативах поправку, в которой говорилось, что кооперативы «помогают в известной степени подготовлять функционирование производства и обмена после экспроприации класса капиталистов»⁴.

Эта мысль была развита в проекте программы РКП(б). В ней Ленин отмечал, что кооперативы как единственный массовый аппарат «планомерного распределения» должны быть широко использованы в решении возникших экономических задач⁵. Такая постановка вопроса определялась существовавшей тогда концепцией хозяйственного развития. Она исходила из того, что необходимо неуклонно осуществлять замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. В этих целях предполагалась организация, объединение всего населения в единую сеть потребительских коммун, а их основой должна была стать существующая сельскохозяйственная и рабочая кооперация, «являющаяся самой крупной организацией потребителей и наиболее подготовленным историей капитализма аппаратом массового распределения»⁶.

Переходный период в нашей стране начался в условиях колossalного преобладания в экономике сельского хозяйства. Крестьянство составляло до 90% населения России.

Для В. И. Ленина было ясно, что строить социалпзм в деревне можно только путем «целого ряда постепенных предварительных ступеней», используя ряд переходных мер, вполне доступных крестьянину, идя на уступки в определении способов проведения общественных преобразований⁷.

Однако ленинский кооперативный план нельзя рассматривать как теорию, научную концепцию, которая возникла сразу и в окончательных формах. Ленинское учение о кооперации формировалось и складывалось по-

степенно. И творческое его осознание возможно только на основе анализа развития ленинских идей о природе кооперации, формах, путях ее использования. Процесс выработки ленинского учения о кооперации свидетельствует об единстве теории и практики в ходе этого сложнейшего творческого процесса. Научные прогнозы, теоретические предположения проверялись опытом хозяйственного и социального развития, а выводы о формах и путях перехода мелкотоварного производства к социализму складывались и формировались в процессе реализации новой экономической политики, на основе обобщения ее социально-экономических результатов. Базу для ленинских обобщений составили как опыт реального развития сельского хозяйства, всей экономики в период военного коммунизма, при переходе к пэпу и в условиях становления новой экономической политики, так и те обсуждения, дискуссии о путях социалистического строительства, которые тогда происходили. Начиная со второй половины 1918 г. в печати развернулась широкая дискуссия о том, в каких формах должно идти социалистическое преустройство крестьянских хозяйств — по линии организации совхозов или по линии организации коммун, которые в тот период зачастую стихийно стали создаваться в деревне представителями рабочего класса, интеллигенцией, солдатами, вернувшимися с фронта, и самими крестьянами. И первоначально коммуны преобладали среди коллективных хозяйств.

Эта дискуссия продолжалась на Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун (декабрь 1918 г.), на VIII съезде партии (март 1919 г.). Сторонники коммун называли их высшей и наиболее совершенной формой производства, а их оппоненты считали коммуны реакционным явлением, объединением мелких хозяйствиков. По их мнению, развитие крупного социалистического производства в деревне должно идти исключительно по линии создания государственных советских хозяйств. Сторонники этой точки зрения считали, что совхоз — единственная социалистическая форма сельскохозяйственного предприятия, идеальная и самая рациональная, и что все коммуны следует превратить в совхозы.

Дискуссия носила преимущественно альтернативный характер: или совхоз, или коммуна, хотя в ходе ее были и попытки выяснения преимуществ обеих общественных форм сельскохозяйственного производства⁸.

Дискуссия в целом отражала стремление форсированым путем построить социализм в деревне, выявила преобладание представления о непосредственном строительстве социалистического производства. Мелкое крестьянское производство рассматривалось как нерациональная форма хозяйства, источник частнособственных отношений, стихийных тенденций, обострения экономических и социальных противоречий в обществе. Поэтому и возникла оценка этой формы производства как быстро преходящей и отживающей, а в теоретической марксистской мысли преобладал тезис, что крупное социалистическое производство в земледелии автоматически выявит свои неоспоримые преимущества. Социализм в тот период просовался как единое государственное хозяйство и мыслился как нетоварное производство. Поскольку вне сферы товарно-денежных отношений функционирование кооперативных организаций было невозможно, развитию кооперации в целях социалистического переустройства крестьянских хозяйств в этот период не уделялось внимания.

В документах начала 1918 г. В. И. Ленин выдвинул план национализации кооперативов⁹. Первоначальный план использования кооперации состоял в ее огосударствлении. Ленин говорил о кооперативном распределительном аппарате, что «он временно может быть сохранен, но в дальнейшем и он должен слиться в работе с общегосударственным»¹⁰. Как предполагалось первоначально, кооперативы должны стать государственными организациями¹¹. Однако В. И. Ленин постоянно подчеркивал значение аппарата кооперации и присущих ей экономических методов для развития народного хозяйства: «Аппарат очень важный, связанный со средним крестьянством»¹².

В 1919 г., разрабатывая проект программы РКП(б), Ленин рассматривал кооперативы как «переходное средство» к достижению «централизованного распределения продуктов». Использование кооперативов расценивалось как задача, аналогичная с использованием буржуазных специалистов¹³.

Тогда еще не ставился вопрос о применении кооперативных форм в длительном процессе социалистического переустройства деревни, и в проекте программы РКП(б) В. И. Ленин писал: «Что касается мер перехода к коммунистическому земледелию, то РКП будет проверять на практике три главные меры, уже созданные жизнью: со-

ветские хозяйства, сельскохозяйственные коммуны и общества (а равно товарищества) общественной обработки земли»¹⁴. Тем самым преодолевалась односторонность мнений, высказанных в ходе первой дискуссии о путях развития деревни к социализму. Ленин не связывал путей социалистического преобразования с абсолютизацией и противопоставлением какой-то одной формы обобществления сельского хозяйства другой, высказывался за создание различных видов предприятий с разной степенью обобществления.

В этих представлениях сказывалась, проявлялась особая сложность переходного периода и особая сложность его первого этапа, который Ленин характеризовал как мучительный период начала социалистической революции¹⁵.

Подводя итоги очень бурным обсуждениям первых лет о том, как развивать процесс обобществления крестьянских хозяйств, Ленин позднее (на X съезде партии) говорил, что «если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то он, конечно, фантазер. И — нечего греха таить — таких фантазеров в нашей среде было немало»¹⁶.

К этим вопросам необходимо вновь возвращаться, поскольку они имеют не только исторический интерес. Опыт последующих народно-демократических революций и затем преобразований в странах с различным исходным уровнем экономического развития свидетельствует о постоянно повторяющихся попытках форсированного обобществления сельского хозяйства, которые осложнили весь процесс социально-экономического переустройства общества. Подводя итоги развития деревни в первые послереволюционные годы, отмечая неподготовленность производства, низкую производительность труда в возникших совхозах и колхозах, слабость материально-технической базы сельского хозяйства, В. И. Ленин сделал важнейший вывод о том, что мелкое крестьянское хозяйство в условиях переходного периода будет существовать «довольно долго»¹⁷. И необходимо содействовать укреплению экономических основ мелкого крестьянского хозяйства, осуществить ряд мер, направленных на его развитие. Подъем крестьянского хозяйства был необходим для выхода из колоссальных продовольственных трудностей, решения продовольственной проблемы. От улучшения хозяйства крестьянина зависело восстановление и подъем всего пародного хозяйства.

В период военного коммунизма в связи с натурализацией экономических отношений, резким сужением сферы товарно-денежных связей не было объективных условий для функционирования различных типов кооперации — сбыто-снабженческой, кредитной, действовавших в сфере обращения. Создание коммун, сельскохозяйственных артелей, товариществ по совместной обработке земли рассматривалось тогда вне связи с простейшими формами кооперации, а лишь как результат непосредственного обобществления крестьянских хозяйств или создания кооперативного хозяйства на базе помещичьих имений или выделенных земельных участков.

За время военного коммунизма кооперативная система, доставшаяся в наследство от дореволюционного периода развития капитализма, была существенно преобразована и деформирована. Вводилось обязательное членство в потребительской кооперации, в которой тогда объединили сельскохозяйственную и промысловую. Отдельные виды кооперации были резко сокращены или вообще ликвидированы.

Кооперативная система, сложившаяся еще в дореволюционной деревне, использовалась в тот период для осуществления заготовок, как аппарат для распределения продовольствия по заданиям государства среди населения, и «в этой работе оказала колossalную поддержку в деле укрепления рабочего государства»¹⁸.

Однако сама кооперативная система, претерпев существенную деформацию и утратив ряд черт, присущих кооперации как таковой, превратилась в подсобный распределительный аппарат при Наркомате продовольствия и стала по существу «полугосударственной организацией»¹⁹. Совершенно естественно, что проблема перспектив кооперации была поставлена самой экономической действительностью. Дискуссия, происшедшая на IX съезде партии (1920 г.), показала, что предложения об огосударствлении кооперации, сделанные на кооперативной секции, в значительной мере объясняются именно господствовавшими представлениями о социализме как едином государственном хозяйстве, исключающем развитие товарно-денежных форм и отношений. Докладчик на кооперативной секции IX съезда В. П. Милутин (в тот период заведующий кооперативной секцией ВСНХ) считал, что кооперативные хозяйствственные формы присущи лишь капитализму, а при социализме должны возникнуть принципиально иные, «новые формы хозяйственной жизни»

и нецелесообразно параллельное существование государственных и кооперативных предприятий²⁰. В. И. Ленин решительно выступил против резолюции об огосударствлении кооперации.

Роль и значение кооперации в тот период еще не могли быть осознаны в полной мере. Важно то, что значительное течение, которое было в партии, выступавшее за огосударствление кооперации, не было поддержано; резолюция, предложенная Миллютиным, была охарактеризована В. И. Лениным как неправильная с марксистской, деловой и практической точки зрения, а ее характер был определен как «чекистский», ошибочно перенесенный на анализ хозяйственного вопроса²¹.

Кооперация вносила элементы организованности в деревенскую стихию, преодолевала ее автаркичность, при ее посредстве устанавливались и осуществлялись экономические взаимосвязи между государственной промышленностью и двадцатью миллионами крестьянских хозяйств. Важно отметить, что В. И. Ленин на IX съезде партии решительно отверг предложение о национализации кооперации, аргументируя это тем, что данная хозяйственная организация связана с крестьянством, с классом, «пи в коем случае, не поддающимся национализации». Уже стало ясно, что крестьянское хозяйство «еще долго будет существовать»²², — как подчеркивалось в программе РКП(б). Следовательно, в непосредственных взаимоотношениях с крестьянами должны оставаться те хозяйственные организации, которые развивали инициативу непосредственных производителей, по природе своей не были построены на администрировании.

Для того, чтобы прийти к этому выводу, нужно было различать кооперацию как хозяйственную организацию и политику руководства кооперативного движения, не абсолютизировать определенное содействие кооперации росту «крепких слоев» крестьянства. Было бы ошибочным представлять госкапиталистическую тенденцию в развитии кооперации как всеохватывающую, как это делали некоторые деятели того времени, считавшие, что кооперация дает выгоды лишь зажиточному крестьянству и тем самым лишь отдаляет деревню от социализма. В представлении многих партийных работников кооперация была лишь синонимом кулацкой организации, интересы которой будут всегда противостоять интересам народного хозяйства как целого. Многое уже было сделано по линии преобразования дореволюционной кооперации

в новые формы, однако эти коренные перемены, осуществленные в рамках военного коммунизма, затрагивали собственно кооперативные черты. Добровольность вступления в кооператив была заменена обязательностью, в его деятельности превалировали черты администрирования, были отменены вступительные взносы и выплата в соответствии с паевыми накоплениями; соответственно работа кооперации не строилась на присущих ей ранее принципах самоокупаемости, сопоставления затрат и результатов, добровольности, самодеятельности. В общей концепции хозяйственного развития еще не был даже поставлен вопрос об отношении строящейся экономики к товарно-денежным отношениям, к рынку.

В этих условиях сделать вывод о необходимости сохранения кооперативов, их самостоятельного существования было очень сложно, и чтобы яснее представить, как непросто было прийти к такому решению, следует привести выдержку из статьи Н. И. Попова, видного специалиста по проблемам кооперации в 20–30-е годы. Он писал: «Во время IX съезда партии, в период наиболее острой борьбы с окопавшимися в кооперации антисоветскими элементами, Ленин резко восстает против идеи огосударствления кооперации. Через годы военного коммунизма Ленин проносит и сохраняет идею кооперации в расчете на то, что она явится методом хозяйственного творчества масс»²³.

Все отчетливее в этот период формируется общее представление о социально-экономических формах, в которых должно происходить аграрное развитие. Вопрос о массовом развитии колхозов уже не стоял на повестке дня. В связи с этим необходимо было добиться подъема производительных сил на основе мелкого крестьянского хозяйства и дать крестьянству «порядочный простор как мелкому производителю». Ленин выдвигает положение о том, что социализм надо строить «на личной заинтересованности крестьянина»²⁴.

Как известно, задача наладить государственное распределение, поставленная в связи с особыми условиями военного коммунизма, не была выполнена в связи с тем, что экономически она была невозможна впе экстремальных условий военной обстановки.

При переходе к пэпу первоначально были созданы лишь условия для местного хозяйственного оборота. Но даже и в такой ситуации кооперация сразу же получала большие возможности для своего возрождения и дальнейшего развития.

Система распределения, сложившаяся к тому времени, как свидетельствуют исторические исследования, впитала в себя многие черты огосударствления, но все же в своей основе, хотя и деформированной, кооперация сохранила в небольшой степени соответствующие ей методы хозяйствования, кооперативный демократизм. Она охватывала $\frac{3}{4}$ населения и выполняла функции заготовительного и распределительного аппарата.

В. И. Ленин пришел к выводу, что крестьянское хозяйство и в условиях переходного периода «продолжает оставаться мелким товарным производством», и только воссоздание товарно-денежных отношений оживит мелкое земледелие, даст ему стимул, побудит к развитию соответствующей ему экономической базы. К концу периода военного коммунизма крестьянское хозяйство замерло в своем развитии, ибо продразверстка изымала из него не только прибавочный продукт, но и часть необходимого. Не имея в целом стимулов к расширению производства за пределами того, что нужно для собственного потребления и осуществления простого воспроизводства, крестьянство резко сократило свою трудовую активность.

Развитие товарно-денежных отношений немедленно поставило вопрос о государственном капитализме — важнейшем укладе переходной экономики, о необычном использовании развития капиталистических отношений под контролем нового, Советского государства не только в целях развития производительных сил, как обычно считается, но и в целях развития и совершенствования общественных производственных отношений. В связи с этим выдвигается проблема определения социальной природы кооперации. Она становится тем более актуальной, что, по словам В. И. Ленина, «продуктообмен срывается», выливается в куплю-продажу, т. е. развитие товарно-денежных отношений оказалось невозможno замкнуть в рамки отдельных местных рынков.

Вопрос о социальной природе кооперации в период эпохи длительное время обсуждался в историко-экономических работах. Было совершенно ясно, что социальная природа кооперации не могла сразу же измениться, она не могла из формы капиталистического хозяйства моментально превратиться в разновидность социалистического предприятия.

Первоначально в исторической литературе была выдвинута концепция эволюции социальной природы кооперации, согласно которой кооперация в своем развитии

проходят три основных этапа: до революции она являлась разновидностью капиталистического предприятия, после революции, примерно до 1921—1922 гг., она выступала как разновидность государственного капитализма, после 1922 г.— становится формой социалистического предприятия. В противовес этой укоренившейся позиции в начале 60-х годов стала формироваться иная концепция сущности кооперации в переходный период, центральной идеей которой был отказ от однозначной оценки ее природы. Сторонники этой точки зрения считают, что кооперація выступает такой хозяйственной организацией, которая одновременно выполняет и государственно-капиталистические, и социалистические функции²⁵.

Итак, две оценки, данные В. И. Лениным кооперации в переходный период как госкапиталистической и социалистической организации, постепенно перестали рассматриваться как взаимоисключающие. Проблема состояла в определении их соотношения на различных этапах развития в разных формах кооперации.

Одновременно была рассмотрена проблема изменения характера социальных отношений крестьянства в различных формах кооперативных объединений, об основных чертах переходного типа производственных отношений, складывающихся в процессе кооперирования²⁶.

Вопрос об изменении социально-экономической природы кооперации в переходный период затем стал анализироваться и в аспекте всей системы производственных отношений, охваченных первичными формами кооперации. Речь шла о рассмотрении социально-экономических отношений единоличных крестьянских хозяйств, объединенных различными кооперативными формами, как сложной и подвижной системы, включающей и мелкобуржуазные, и капиталистические, и социалистические связи. Кооперативное предприятие, функционирующее в сфере обращения или производственного обслуживания крестьянских хозяйств, рассматривалось в двух аспектах: и как социалистическое предприятие, и как аппарат государственного контроля мелкобуржуазной стихии. В качестве предприятия кооперація входила в состав государственного сектора экономики, в качестве хозяйственного объединения крестьян она лишь частично трансформировала производственные отношения мелких производителей²⁷.

Отрижение самой возможности однозначной оценки кооперации на том или ином этапе ее развития в рамках переходного периода, утвердившееся в науке, предполага-

ло осмысление предпосылок, на основе которых В. И. Ленин характеризует кооперацию в 1921 г. как госкапиталистическую организацию, а в 1923 г. как социалистическую. Признание в науке неправомерности противопоставления этих оценок оставляло долгое время открытым вопрос о том, чем же были вызваны изменения в оценке Лениным социальной природы кооперации. Становилась очевидной неудовлетворительность объяснения в свое время Сталиным двух оценок распространенным предположением, что госкапитализм в перспективе станет господствующим, и кооперация, рассматриваемая в сочетании с ним, поэтому и оценивалась как госкапиталистическая, а затем приобрела социалистическую форму.

С новой постановкой вопроса о содержании ленинской оценки кооперации выступил в 1963 г. А. И. Коссой²⁸. Он подверг критике прочно вошедший в литературу тезис о том, что В. И. Ленин до 1923 г. рассматривал кооперацию как разновидность госкапитализма, так как исходил якобы из предположения о возможности превращения государственного капитализма в основную форму хозяйствования, а в 1923 г. дал новую оценку кооперации как социалистической, в связи с тем, что госкапитализм не привился, а государственный сектор экономики, прежде всего промышленность, вырос и окреп. А. И. Коссой обосновывал положение о том, что В. И. Ленин давал и в 1921 г. и в 1923 г. единую оценку природы и роли кооперации, что определение ее как разновидности госкапитализма и социализма связано не с преобладанием тех или иных форм экономики, а с выполняемыми кооперацией функциями и задачами. По мнению А. И. Коссого, кооперация в переходный период одновременно выполняла и госкапиталистические, и социалистические функции. В противовес оценке природы кооперации по принципу: или госкапитализм, или социализм, — А. И. Коссой обосновал иную оценку ее социально-экономической природы в переходный период: и госкапитализм, и социализм. Кооперация являлась формой госкапитализма, поскольку она выполняла «роль орудия государства по контролю и надзору за частным капиталом, направляя развитие капитализма в русло госкапитализма», а также органом государственного регулирования стихии мелкотоварного производства. Но одновременно, подготавливая в деревне коллективное производство, она становилась формой социалистической.

Кооперация представляла собой сложное явление. Важное значение имело осознание ленинской идеи совмещения в ее деятельности задач по осуществлению экономической связи мелких крестьянских хозяйств с государственным сектором посредством товарно-денежных отношений и по регулированию развития на этой основе капиталистических тенденций с перспективными задачами преобразования частного крестьянского производства путем постепенного обобществления отдельных сторон хозяйственной деятельности, мелких товаропроизводителей деревни. Эти задачи взаимно дополняли, а не исключали друг друга, подчеркивал А. И. Коссой, но это достигалось не автоматически, а на основе соответствующей экономической политики. Непременным условием гармонического сочетания различных задач кооперации, которое на практике не могло достигаться без преодоления различного рода противоречий, диспропорций, несответствий, являлась общая рыночная сбалансированность хозяйственных процессов, осуществление государственным сектором действительно ведущей роли. Именно в этих условиях возможно установление реальной экономической связи мелкотоварного уклада с социалистическим посредством кооперативных форм и отношений.

Важнейшей предпосылкой реализации заложенных в кооперативных формах функций выступает эффективное развитие государственного сектора. В связи с этим В. И. Ленин отмечал, что мы должны измерять успешность хозяйственного развития соотношением товарных связей крестьянских хозяйств с частной торговлей, мелкой промышленностью и государственными предприятиями²⁹. «Все значение в этом и только в этом: найти смычку той новой экономики, которую мы с громадными усилиями создаем, с экономикой крестьянской»³⁰.

Плодотворной и перспективной представляется концепция, рассматривающая развитие взглядов В. И. Ленина на социально-экономическую природу кооперации в связи с изменением подхода к принципам новой экономической политики, изменением ленинской оценки характера и закономерностей переходного периода. Трансформируется и оценка всех компонентов национальной экономики, в первую очередь товарно-денежных отношений. В начальный период, когда предполагалось допустить лишь продуктообмен в местных рамках, всякая торговля мыслилась еще как инструмент, сфера частнокапиталистического хозяйства,

и продуктообмен противопоставлялся торговле как социалистическая форма экономической связи. В этих условиях, естественно, «кооперация, выходящая на рынок, неизбежно относилась к капиталистической категории»³¹. За ней признавалась лишь социалистическая перспектива по мере охвата кооперативными отношениями всех экономических связей и сторон крестьянского хозяйства. Поэтому в исторических исследованиях обоснованно обращалось внимание на глубокую органическую связь между оценками природы товарно-денежных отношений и оценками природы кооперации, которая только и могла развиваться в условиях существования торговли. При иных формах экономических связей она неизбежно деформировалась и превращалась в придаток к государственным органам, в частности к Наркомпроду, как это было в период военного коммунизма.

Если в 1921 г. В. И. Ленин еще предполагал, что экономика страны будет строиться на основе не опосредованного рынком прямого продуктообмена, и рассматривал продналог как одну из форм перехода от военного коммунизма к «правильному социалистическому продуктообмену»³², то «окончательный возврат к товарно-денежным отношениям заставил в 1923 г. подойти к кооперации с другими мерками»³³. Новая оценка роли товарно-денежных отношений, тот факт, что они присущи экономике переходного периода, предопределяют и иной подход к кооперации. Идея о том, что наряду с государственными предприятиями могут существовать и кооперативные предприятия, выдвигается В. И. Лениным в статье «О кооперации».

В исторических исследованиях постепенно конкретизируется положение о том, что кооперация в переходный период предстает как сложная социально-экономическая форма, выдвигается определение кооперации как явления «многоукладного»³⁴. Это было дальнейшее развитие вывода о том, что социально-экономическую сущность кооперации нельзя определять однозначно. Даже в начале пэпа она не просто выступает в форме государственно-капиталистического предприятия, но под руководством Советского государства, выполняя его задания и находясь в орбите его экономической политики, ограничивает рост кабальных отношений, капиталистических элементов, приобщает к коллективным формам хозяйствования. В этом смысле и можно было истолковать положение А. И. Коссого, что кооперация не могла выполнять в

тот период общественные функции, не выполняя госкапиталистические задачи.

Итак, кооперация, поставленная под контроль нового, Советского государства, сохраняя первоначально в своей деятельности прежние методы работы и охватывая мелкобуржуазные по социальной природе слои крестьянства, выполняет госкапиталистические функции и одновременно все отчетливее в ее деятельности и в ее внутренней организации проявляются социалистические тенденции. Ибо наиболее важной чертой кооперации является то, что ни при каком социально-экономическом строев она не может быть самодовлеющей организацией. В конечном счете направление ее деятельности и ее социальной природы, а в переходный период — направление изменения ее социальной природы — определяет господствующий строй и господствующие производственные отношения. Изменения природы кооперации в социалистическом направлении не могут произойти автоматически. Но они происходят тем быстрее, кардинальнее и определеннее, чем более прочные социально-экономические позиции в обществе переходного периода занимает социалистический уклад и чем более определенно при помощи экономических методов он определяет пути и формы кооперативного развития. Это связано с тем, что кооперация представляет собой сложное переплетение и взаимовлияние различных социально-экономических укладов³⁵.

Конкретизация и развитие данного положения вылились в концепцию кооперации как такой хозяйственной формы, которая одновременно относится к двум или даже нескольким укладам, поскольку общество переходного периода в экономическом отношении соединяет в себе черты и особенности «различных систем... или экономических порядков»³⁶. Эта проблема была связана с уяснением специфических форм госкапитализма, т. е. как понимать природу нового экономического явления в экономике переходного периода³⁷.

В историко-экономических исследованиях (работы А. И. Коссого, В. П. Данилова) госкапитализм характеризуется не только как определенный ряд предприятий и хозяйств, которые могут быть выделены в данный уклад, но и как особая система методов и способов деятельности пролетарского государства, „система“ определенных функций и свойств предприятий или организаций, которые в то же время имеют и другие функции и свойст-

ва и сами по себе не могут быть выделены в особый уклад»³⁸.

В. П. Даниловым выдвинуто и обосновано положение о том, что кооперация в переходный период, до завершения обобществления крестьянских хозяйств, не может быть отнесена к какому-либо одному укладу, поскольку «вопрос о функциях, выполняемых кооперацией в мелкокрестьянской деревне, не тождествен ни вопросу о ее социальной природе, ни тем более вопросу о характере социально-экономических отпношений кооперированных крестьян»³⁹. В исторических исследованиях было показано, что многочисленные кооперативные организации, центры кооперации, сложившиеся к середине 20-х годов, представляли собой весьма сложную по своему составу систему хозяйственных организаций крестьянства. Входящие в систему кооперативные организации различались как по своим функциям и сфере деятельности — снабженческие, сбытовые, потребительские, кредитные,— так и по характеру установившихся внутри них социальных отношений, по значению элементов колLECTIVизма, которые вносились в хозяйственную деятельность крестьян. Потребительское общество, кредитное товарищество, сбыто-снабженческий кооператив — простейшие формы, в которые облекается процесс постепенного обобществления мелких крестьянских хозяйств. Основная роль в подготовке перехода на путь обобществления принадлежала сельскохозяйственной кооперации, которая наиболее глубоко вторглась в хозяйственную деятельность индивидуального крестьянского хозяйства. В процессе своего развития сельскохозяйственная кооперация, осуществляя снабженческие функции, оснащая сельское хозяйство машинами, выполняла агрокультурные функции. На этой основе формировались новые виды объединений — машинные, семеноводческие, мелиоративные,— тем самым создавались переходные ступени от кооперирования торгового оборота к кооперированию производства.

Длительное время в историко-экономической литературе обсуждался вопрос о характере производственных отношений в простейших кооперативных предприятиях — потребительской, кредитной, снабженческо-сбытовой кооперации, в машинных товариществах. В связи с этим В. П. Данилов обосновал необходимость различать функции кооперации в мелкокрестьянской деревне, ее социально-экономическую природу и характер социально-экономических отношений кооперированного крестьянства.

ва⁴⁰. Социально-экономические отношения крестьянских хозяйств, объединенных первичными формами кооперации, характеризовались как система сложных и подвижных связей, включающих мелкобуржуазные и капиталистические, переходные и социалистические. Система этих экономических отношений не предопределяла социальной природы кооперации как торгового, кредитного предприятия, действующего в сфере обращения, производственного обслуживания, поскольку не являлась только лишь отражением производственных отношений объединяемых крестьянских хозяйств. Выполняя плановые задания нового, Советского государства, выступая капиталом экономической связи между государственными предприятиями и мелкими крестьянскими хозяйствами, первичная кооперация выступала аппаратом по овладению и подчинению государственному контролю мелкобуржуазной стихии. В качестве предприятия кооперативы, действующие и в сфере обращения, входили в состав государственного сектора народного хозяйства; в качестве хозяйственного объединения крестьян они лишь частично трансформировали производственные отношения мелких товаропроизводителей⁴¹.

Кооперативная система в советской деревне достигла к концу 20-х годов значительного развития. Первый пятилетний план предполагал, что колхозное строительство (к концу пятилетки намечалось охватить колхозным движением 18–20% крестьянских хозяйств) будет опираться на простейшие формы сельскохозяйственной кооперации, на дальнейшее развитие всей кооперативной системы. К концу 1933 г. планировалось вовлечь в кооперативы 85% крестьянских хозяйств, причем свыше половины из них должны были войти в простейшие объединения⁴².

К концу 20-х годов в стране сложилась чрезвычайно сложная экономическая ситуация, связанная с осуществлением форсированным путем индустриализации, всесмерным развитием тяжелой промышленности. Пропало нарушение рыночного равновесия, резко «разошлись» платежеспособный спрос деревни и предложение промышленных товаров. Подобная политика привела к отставанию роста товарной продукции крестьянских хозяйств от потребностей значительно увеличившегося городского населения (за период с 1929 по 1932 г. оно возросло на 12 млн). Сырье и продовольствие поступало не в тех объемах и не в те сроки, которые были необходимы для развернувшейся в широких масштабах индустриализации

народного хозяйства. XVI съезд партии постановил пересмотреть задания пятилетнего плана в области сельского хозяйства. Развернувшаяся в конце 1929 г.—начале 1930 г. административная коллективизация означала прямой, непосредственный переход от частных крестьянских хозяйств к колхозам, минуя все остальные ступени кооперирования. Проведение предварительного кооперирования в простейших формах было уже невозможно при политике свертывания товарно-денежных отношений. Осуществление форсированной индустриализации и концентрация в руках государства значительных средств вели к нарушению эквивалентных отношений между городом и деревней. Сельское хозяйство рассматривалось как источник капиталов для ускоренной индустриализации. Колхозы же в складывающемся механизме административно-бюрократической системы управления должны были стать необходимым инструментом, обеспечивающим поступление продукции государству на основе неэквивалентного обмена. В связи с этим предполагалось завершить в основном коллективизацию деревни в рамках первой пятилетки. К ее концу было создано 200 тыс. колхозов и 5 тыс. совхозов.

Процесс постепенного кооперирования крестьянских хозяйств был прерван с конца 20-х годов. Значительная их часть была непосредственно объединена в крупные предприятия — колхозы, в которых все демократические принципы кооперативного хозяйства отсутствовал или были представлены в деформированном виде. И это определило административное формальное обобществление. В связи с этим и развитие кооперативной теории осталось незавершенным. Система кооперации — сложная сеть кооперативных организаций, охватывающих связи крестьянства по линии сбыта, кредита, снабжения и производства, — была сломана. Было оборвано органическое развитие хозяйственных процессов. Это нанесло невосполнимый урон всему последующему социальному-экономическому преобразованию страны.

В изучении ленинского кооперативного плана в течение длительного времени существовала прочная традиция связывать его исключительно с проблемами перевода мелкого крестьянского хозяйства на рельсы крупного коллективного, с использованием кооперации лишь для задач общественного преобразования сельского хозяйства. Между тем в советской исторической науке уже давно была выдвинута плодотворная идея, что ле-

линистское учение о кооперации следует рассматривать шире, вынести за пределы преобразования сельского хозяйства и связать с проблемой переустройства общества в целом. В правильности этой идеи убеждает изучение первых послереволюционных работ В. И. Ленина, посвященных кооперации, и последующих, в первую очередь статьи «О кооперации». Ленинское учение о кооперации показывает, «что планы Ленина, связанные с использованием кооперации, не ограничивались вопросами социалистического преобразования сельского хозяйства, хотя последнее и является краеугольным камнем ленинского кооперативного плана»⁴³.

Кроме тех положений, которые касаются обобществления крестьянских хозяйств, в ленинском учении о кооперации «есть и такие положения, которые имеют непосредственное отношение к перспективам развития кооперирования в нашей стране»⁴⁴.

Выдвижение в историко-экономической литературе отдельных положений, пересматривающих традиционное толкование ленинского кооперативного плана, послужило одной из предпосылок современного процесса творческого овладения теорией кооперации, раскрытия ленинской концепции социализма как строя «цивилизованных операторов».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 359; Т. 39. С. 309.

² Там же. Т. 42. С. 148, 150.

³ Кабанов В. В. Октябрьская революция и кооперация (1917–март 1919 гг.). М., 1973. С. 7, 10, 30, 59. Наиболее сложной по функциям и структуре была сельскохозяйственная кооперация. На конец 1917 г. в России насчитывалось 16 200 кредитных и ссудо-сберегательных товариществ, 6 тыс. сельхозобществ, 2,4 тыс. сельхозтовариществ и 3 тыс. маслодельных артелей, объединявших по примерным расчетам 11 млн членов (Экономическая политика советского государства в переходный период от капитализма к социализму. М., 1986. С. 100).

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 352.

⁵ Там же. Т. 38. С. 121.

⁶ Там же. Т. 38. С. 440.

⁷ Там же. Т. 37. С. 356; Т. 38. С. 102.

⁸ Подробнее см.: Фигуровская Н. К. Аграрные проблемы в советской экономической литературе 20-х годов. М., 1978. С. 42–50.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 209–210.

¹⁰ Ленинский сборник. XVIII. С. 271–272.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 160–161.

¹² Там же. Т. 37. С. 232.

¹³ Там же. Т. 38. С. 99.

¹⁴ Там же. Т. 38. С. 102.

¹⁵ Там же. Т. 36. С. 16.

¹⁶ Там же. Т. 43. С. 60.

- ¹⁷ Там же. Т. 42. С. 30, 180–181.
- ¹⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3. С. 234.
- ¹⁹ Проблемы аграрной истории советского общества. М., 1971. С. 187.
- ²⁰ См.: *Милютин В. И.* Социализм и сельское хозяйство. М., 1919. С. 47–48.
- ²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 276–279.
- ²² Там же. Т. 38. С. 438.
- ²³ *Попов Н. И.* Ленинизм и кооперация // Союз потребителей. 1925. № 1. С. 18.
- ²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 44. С. 164, 311.
- ²⁵ *Коссой А. И.* О природе и роли кооперации в переходный период от капитализма к социализму // Вопр. экономики. 1963. № 12. *Он же.* Государственный капитализм в условиях строительства социализма. М., 1975; Проблемы аграрной истории советского общества. С. 188, 197, 350.
- ²⁶ Проблемы аграрной истории советского общества. С. 237.
- ²⁷ *Данилов В. П.* Социально-экономические уклады в советской доколхозной деревне: их соотношение и взаимодействие // Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. М., 1974, С. 72–74.
- ²⁸ *Коссой А. И.* О природе и роли кооперации в переходный период. С. 87, 90–92. Эта точка зрения была поддержана В. П. Даниловым, В. П. Дмитренко, В. В. Кабановым. См.: Проблемы аграрной истории советского общества. С. 118, 188, 350.
- ²⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 271.
- ³⁰ Там же. Т. 45. С. 75.
- ³¹ Проблемы аграрной истории советского общества. С. 188.
- ³² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 219.
- ³³ *Кабанов В. В.* Октябрьская революция и кооперация. С. 28.
- ³⁴ Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. С. 296.
- ³⁵ Проблемы аграрной истории советского общества. С. 118.
- ³⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 158.
- ³⁷ Там же. Т. 44. С. 8.
- ³⁸ Новая экономическая политика: Вопросы теории и истории. С. 41, 68.
- ³⁹ Там же. С. 69–70.
- ⁴⁰ *Данилов В. П.* Социально-экономические уклады... С. 69–79.
- ⁴¹ Там же. С. 72–74.
- ⁴² Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М., 1929. Т. II, ч. 1. С. 336–337.
- ⁴³ *Кабанов В. В.* Ленинская идея использования кооперации в 1917–1919 гг. // Проблемы аграрной истории советского общества. С. 114–115.
- ⁴⁴ Проблемы аграрной истории советского общества. С. 195.

ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА В ЛАТВИИ [1940—1950 гг.]

Д. Блейере, И. Шнейдере

При изучении социально-классовой структуры Латвийской республики исследователь сталкивается с рядом серьезных проблем. Прежде всего следует учитывать существенные изменения демографического и социального состава населения республики в результате Великой Отечественной войны и социально-экономических преобразований послевоенных лет. Поскольку переписи населения производились в Латвии лишь в 1939 и 1959 гг., актуальность приобретает вопрос о полноте и репрезентативности источников базы. К сожалению, опираясь на нее, многим явлениям можно дать только косвенные характеристики.

Состояние источников в значительной мере определило и степень изученности проблемы. Социальная структура общества в Советской Латвии в переходный период рассматривается во многих исследованиях. Наиболее полно изучен рабочий класс, количественные и качественные изменения в его составе¹. Много внимания уделялось исследователями научно-технической и творческой интеллигенции². Менее изучены вопросы, связанные с изменением социальной структуры крестьянства, мелкобуржуазных и буржуазных слоев городского населения. Это обусловлено не только отсутствием источников, но и соображениями политического характера, в частности, невозможностью до недавнего времени открыто говорить о политических и социальных издержках классовой борьбы в Латвии в послевоенные годы.

До сих пор исследователи уделяли мало внимания изменениям национального состава различных классов и социальных слоев, влиянию форсированной индустриализации на эти процессы. В значительной мере это объясняется отсутствием полных статистических данных. Переход в ряды рабочего класса мелкобуржуазных слоев, социальные последствия этого процесса, а также влия-

© Д. Блейере, И. Шнейдере, 1990

ние эмиграции и миграции населения на социальный состав общества лишь констатировались без сколько-нибудь глубокого анализа. Не раскрыто воздействие этих процессов на облик отдельных социальных слоев и их качественные характеристики.

Задача настоящей статьи — показать по возможности наиболее полно изменения социально-классовой структуры общества в Латвийской ССР в 40-е годы, опираясь на имеющуюся литературу и статистические данные. Для уяснения истоков и особенностей этих изменений необходимо, на наш взгляд, обратиться к социально-экономической истории Латвии первой половины XX в.

В конце XIX — начале XX в. Латвия представляла собой одну из наиболее развитых в индустриальном отношении окраин Российской империи. Численность населения в 1914 г. составляла 2493 тыс. человек³, причем в городах проживало 38% населения края⁴. Экономика Латвии носила преимущественно индустриальный характер. В 1913 г., когда был достигнут наивысший дореволюционный уровень развития, промышленность давала около 52% валовой продукции. По приблизительным подсчетам исследователей, производство промышленной продукции на душу населения в Латвии примерно в 3 раза превышало общероссийский уровень⁵. Промышленность Латышского края развивалась при значительном участии иностранного капитала. Наибольшее развитие получили металлообрабатывающая и химическая отрасли. Сравнительно высоким был уровень концентрации промышленного производства.

Все эти процессы обусловили быстрый рост числа промышленных рабочих, в 1913 г. их было около 142 тыс. человек (5,7% всего населения). Всего наемных рабочих в городах было 271,5 тыс. человек, или 10,9% всего населения Латвии⁶.

Особенности аграрного строя выразились в значительной концентрации сельскохозяйственных угодий в руках помещиков и государства. В результате этого немалую часть сельского населения Латвии составляли безземельные крестьяне. Крупные крестьянские хозяйства не подлежали разделу (кроме Латгалии — восточной части Латвии, — входившей в состав Витебской губернии). Это обусловило большую, чем в других районах Российской империи, социальную дифференциацию крестьянства и наличие ярко выраженных противоречий как между помещиками и крестьянством в целом, так и внутри самого крестьянства:

Безземельные крестьяне являлись основным источником пополнения не только сельского, но и городского пролетариата. В 1913 г., по некоторым подсчетам, общая численность наемных рабочих в деревне составила 352 тыс. человек⁷. Таким образом, все пролетарское население (вместе с членами семей) Латышского края насчитывало примерно 1600—1700 тыс. человек, т. е. не менее 61% населения⁸.

Сравнительно высокий уровень развития капитализма в промышленности и сельском хозяйстве обусловил наличие значительного по численности класса буржуазии. Последняя (вместе с членами семей) в конце XIX в. составляла 22,2% населения (430 тыс. человек, в том числе крупная буржуазия и близкие к ней слои — 84 тыс., т. е. 4,4% всего населения). При этом большую часть (около 70%) этой группы составляла сельская буржуазия⁹.

Отдельные тенденции развития Латвии в начале XX в. проявляются и поныне. Одна из них — тенденция к чрезмерному развитию города Риги, где в 1913 г. проживало 55,4% городского населения Латвии¹⁰ и было сосредоточено более 70% промышленного производства¹¹.

Индустриальное развитие Латвии обусловило некоторые особенности национального состава ее населения. В деревне, где по численности абсолютно преобладали латыши, социальные противоречия между помещиками и крестьянством усугублялись национальными противоречиями, ибо помещики в подавляющем своем большинстве были немецкой национальности. Городское население было многонациональным. К примеру, в Риге в 1913 г. приблизительно 40% жителей в быту пользовались латышским языком, около 21% — русским, до 17% — немецким и примерно 13% — другими (польским, литовским, эстонским и т. д.)¹².

Крупная и средняя буржуазия была многонациональной: капиталистическая верхушка состояла в основном из прибалтийских немцев, масса городской средней и мелкой буржуазии — из латышей и евреев; сельская буржуазия в основном была представлена латышами¹³.

Первая мировая война принесла Латвии, ставшей театром военных действий, огромные людские и материальные потери. В 1915—1917 гг. крупные промышленные предприятия вместе с рабочими были эвакуированы в глубь империи, что привело к резкому сокращению численности городского пролетариата. Сельское население

Латвии было фактически разорено. Сотни тысяч людей погибли, эвакуировались в центральные районы России или эмигрировали. Общая численность населения Латвии за период с 1914 г. по 1920 г. сократилась почти на 1 млн человек, т. е. примерно на 40%.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции на не оккупированной войсками кайзеровской Германией части территории Латвии (Видземе и Латгалля) была установлена Советская власть. Однако в феврале 1918 г. вся Латвия была оккупирована немецкими войсками. В январе 1919 г. почти на всей территории Латвии была восстановлена Советская власть. Но в январе 1920 г. при поддержке внешних сил контрреволюция одержала победу. С 1920 по 1940 г. в Латвии существовала буржуазная республика.

В 1940 г. численность населения Латвии составляла 1886 тыс. человек (75,7% от уровня 1913 г.). На количественные изменения его состава непосредственное влияние оказали возвращение латышей из Советской России в 1920—1925 гг. (около 200 тыс. человек), депатриация немецкого населения в 1939—1941 гг. (около 70 тыс. человек), привлечение сельскохозяйственных рабочих из Литвы и Польши в 30-е годы (число их в 1937 г. составило 40 тыс.)¹⁴, а также в целом низкий естественный прирост.

Структурные сдвиги в народном хозяйстве, а именно его аграризация, обусловили изменения и в социальном составе населения. По данным переписи 1935 г., более 60% населения было занято в сельском хозяйстве, а в промышленности — 16,6%¹⁵. Удельный вес городского населения составлял 35%¹⁶.

В результате буржуазной аграрной реформы, начатой в 1919—1922 гг., было ликвидировано помещичье землевладение. Наделы, превышавшие 50—100 га, зачислялись в государственный земельный фонд. Часть его за выкупные илатежи, которые надлежало погасить в течение 41 года, была роздана безземельным и малоземельным крестьянам. Это привело к изменениям социального состава сельского населения. По данным сельскохозяйственной переписи 1939 г., численность сельского пролетариата составляла 159,6 тыс. человек, или 45,3% от уровня 1913 г.¹⁷ Значительное увеличение абсолютной численности крестьянских хозяйств, тем не менее не привело к уменьшению расслоения крестьянства. Почти половина земель была сосредоточена в хозяйствах площадью более

30 га¹⁸. Удельный вес промышленности в произведенном национальном доходе в буржуазной Латвии снизился по сравнению с началом XX в. и составил в 1940 г. 38%¹⁹.

В 1938 г. был достигнут максимальный за время существования буржуазной республики уровень численности промышленных рабочих: 81,5 тыс. человек, или 57,5% к уровню 1913 г.²⁰ Из них индустриальное ядро рабочего класса, т. е. промышленные рабочие, занятые на предприятиях с числом рабочих более 20 человек, составило 76,5 тыс. человек²¹, или 22,5% численности всего городского и сельского пролетариата и 4,1% всего населения²². Городской и сельский пролетариат в целом к 1940 г. составляли около 25% населения Латвии²³.

Таким образом, в буржуазной Латвии, по сравнению с дореволюционным периодом, снизился удельный вес пролетариата в общей массе населения. Но тем не менее его численность была значительной и он представлял существенную социальную базу для развертывания преобразований в Латвии в 1940 г.

Рабочий класс, его структура и место в общей социально-классовой структуре общества в рассматриваемый период исследованы наиболее полно. По-иному обстоит дело с другими классами и социальными слоями. Их количественные и качественные характеристики неполны, так как критерии отнесения к той или иной социальной группе представляют значительные сложности и не до конца определены. Это объясняется двумя важнейшими факторами. Во-первых, пераработанностью вопроса в историографии, во-вторых, тем, что статистика буржуазной Латвии исходила из отличных от советских принципов.

При определении удельного веса буржуазных и мелкобуржуазных слоев города в исторической литературе имеются определенные расхождения. Экономист Л. В. Стародубский распределяет по классовому признаку все население буржуазной Латвии на пять основных социально-экономических групп: 1) пролетариат, 2) полу proletariat (беднота), 3) мелкая буржуазия (середняки и т. п.), 4) средняя буржуазия (кулаки и т. п.) и 5) крупная буржуазия (включая высших чиновников и им подобных)²⁴. При этом автор руководствовался следующими основными критериями: к пролетариату были отнесены лица, лишенные средств производства и вынужденные вследствие этого продавать свою рабочую силу. Конкретно в эту группу вошли городские рабочие, сельские батраки и безработные вместе с семьями. Полупролетариат состав-

ляли собственники карликовых бедняцких хозяйств и ремесленники, не применяющие наемную рабочую силу, а также лица, заработка которых находились на уровне или ниже среднего заработка промышленных рабочих (младший обслуживающий персонал учреждений, мелкие служащие, учителя и т. д.). К мелкой буржуазии Л. В. Стародубский причисляет крестьян-середняков, ремесленников, эпизодически прибегавших к найму рабочей силы, и мелких торговцев. К средней буржуазии отнесены купечество, ремесленники и владельцы магазинов, которые использовали наемную рабочую силу, хотя и сами участвовали в производстве. И, наконец, крупную буржуазию составила малочисленная группа капиталистов и членов их семей, на чьих предприятиях использовался исключительно наемный труд, а также крупные финансисты и банкиры. Интеллигенция распределена по всем трем слоям буржуазии в зависимости от уровня ее доходов, что, на наш взгляд, неверно. Но с предложенным распределением по социальным группам буржуазии можно согласиться, как и с данным составом социально-классовых групп в целом.

Материалы Л. В. Стародубского дают возможность определить социально-классовую структуру населения, занятого в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, исключая группы, не участвовавшие в хозяйственной деятельности (административный аппарат, военнослужащие, лица свободных профессий, работники здравоохранения и образования, раптье, пенсионеры и т. п.).

Население, занятое в сельском хозяйстве, распределялось следующим образом: 21,5% составляла буржуазия, 29,3% — мелкая буржуазия, 31,4% — полупролетариат, 17,8% — пролетариат. В промышленности и торговле 1,3% принадлежали к крупной, 5,8 — к средней, 17,6% — к мелкой буржуазии, 11,9% — к полупролетариату и 63,4% — к пролетариату²⁵. В соотнесении с общей численностью населения Латвии в 1935 г. названные социально-классовые группы в промышленности и торговле составляли соответственно 0,4%; 14,4; 22,4; 21,9 и 29,2%. К оставшимся 11,7% населения относились в основном интеллигенция, чиновничество, военнослужащие и некоторые другие категории.

Подсчеты Л. В. Стародубского, на наш взгляд, отвечают реальному соотношению классов и социальных групп в буржуазной Латвии накануне включения ее в состав СССР в 1940 г.

Что касается крестьянства, то, как правило, исследователи при распределении его по социально-классовым группам руководствуются размером земельного надела. В частности, хозяйства площадью более 30 га причисляются к кулацким, от 20 до 30 га — к середняцким, менее 20 га — к бедняцким. Но прав Э. Жагар, отметивший, что принадлежность земельных собственников к тому или иному социальному слою определяется не размером хозяйства, а тем, в какой мере использовался в нем наемный труд²⁶. Подтверждают это положение и данные о том, что в 1939 г. 2500 хозяйств площадью свыше 30 га (6,1% их общего количества) не использовали, а 3298 хозяйств площадью менее 30 га (1,7% их количества) использовали наемную рабочую силу. В дальнейшем, во второй половине 40-х годов, такой подход привел к небоснованному завышению числа кулацких хозяйств.

В буржуазной Латвии произошли определенные сдвиги в национальном составе населения. Основным из них явилось увеличение доли коренной национальности в общей численности населения. По данным 1930 г., латыши составляли 73,4% населения, к остальным наиболее многочисленным этническим группам относились русские (10,6%), евреи (5%), немцы (3,7%)²⁷.

В то же время пролетариат, хотя и в меньшей степени, чем в начале XX века, сохранил свой интернациональный состав. Сельское население оставалось преимущественно латышским.

Латыши преобладали в средних слоях торгово-промышленной буржуазии. Среди крупной буржуазии ведущие позиции принадлежали немцам и евреям.

Такова была в общем виде социально-классовая структура Латвии накануне 1940 г.

На начальном этапе качественной структурной трансформации общества, охватывавшем июль 1940 — июнь 1941 г., рабочий класс, как утверждалось в печати и пропаганде, стал ведущей силой общества. Начавшиеся в Латвии политические и экономические преобразования наметили определенные сдвиги в структуре населения, отдельных его классов и слоев.

В результате национализации крупной, средней и частично мелкой промышленности были созданы условия для развертывания индустриализации республики. Быстрый рост промышленного производства обусловил резкое увеличение численности рабочего класса (на 30 тыс. человек). Источниками пополнения его рядов в

это время были безработные (в ноябре 1940 г. их насчитывалось 8544) ²⁸, а также ранее не занятые на производстве городское население (женщины, молодежь). Некоторое сокращение численности рабочего класса в июне 1941 г. по сравнению с 1938 г. было обусловлено переходом рабочих в категорию служащих, их выдвижением на партийную и советскую работу, что меняло их социальный статус.

Советская аграрная реформа 1940—1941 гг. привела к укреплению позиций среднего крестьянства, сокращению численности сельского пролетариата, улучшению экономического положения малоземельных крестьян, получивших прирезки к своим наделам. Был установлен максимальный размер крестьянских хозяйств, равный 30 га. Главным итогом аграрной реформы явилось ослабление экономических позиций сельской буржуазии.

В результате национализации капиталистической собственности крупная и средняя городская буржуазия как класс фактически перестали существовать. Накануне Великой Отечественной войны обобществленный сектор давал более 95% промышленной продукции. После национализации в феврале 1941 г. мелких предприятий с числом рабочих более 20 человек в частном секторе торговли и промышленности к началу апреля 1941 г. было занято лишь 24,5 тыс. человек, или менее 10% общей численности рабочих и служащих ²⁹.

В июне 1941 г. органами НКВД из Латвии было депортировано (главным образом в Красноярский край) около 20 тыс. человек. Основную их часть составляли представители бывшей крупной и средней буржуазии. Оценивая сегодня эту меру, следует сказать, что она носила внереальный, а точнее политический характер и была осуществлена в характерных для периода культа личности Сталина условиях нарушения правопорядка и законности.

Что касается соотношения городского и сельского населения и их национального состава, то к началу Великой Отечественной войны они не претерпели существенных изменений.

В результате войны и немецко-фашистской оккупации численность населения сократилась почти на треть. Тысячи людей погибли на фронтах, 40 тыс. человек эвакуировались в советский тыл, около 100 тыс. жителей республики было уничтожено гитлеровцами в тюрьмах, лагерях и гетто (в том числе 89,5% всего еврейского на-

селения и почти все цыгайское население³⁰. Около 120 тыс. человек покинули Латвию вместе с немецкими войсками (одни были угнаны силой, другие поддались фашистской пропаганде, часть же покидала родину сознательно, не желая признать Советскую власть). Значительную долю послевоенной латышской эмиграции составляли представители интеллигенции, в том числе и научно-технической, что серьезно затруднило восстановление народного хозяйства. Все это отразилось на численности, национальном и социальном составе населения непосредственно после окончания войны.

Изменения в социально-классовой структуре общества Латвийской ССР на следующем этапе переходного периода (1944—1950 гг.) определялись прежде всего высокими темпами индустриализации. Приоритет получило развитие отраслей, производивших средства производства; тогда как удельный вес группы «Б» в общем объеме промышленной продукции постоянно снижался.

Если в 1946 г. валовая продукция промышленности республики составила 85% от уровня 1940 г., то в 1950 г.— превысила его более чем в 3 раза³¹. В то же время развитие сельского хозяйства в послевоенный период было подвержено серьезным колебаниям, и в 1950 г. его валовая продукция составила лишь 76% от уровня 1940 г.³²

Высокие темпы восстановления промышленности, решение поставленных задач по индустриализации обусловили восстановление дооценной численности населения в очень короткие сроки³³. Этому способствовал ряд благоприятных условий: сравнительно небольшой ущерб, причиненный народному хозяйству прямыми военными действиями, наличие значительного числа неиспользованных в буржуазной Латвии производственных площадей, а также удовлетворительных экономической и социальной инфраструктур. Все это создало базу для относительно быстрого развертывания промышленного производства, что в свою очередь повлияло на интенсивный рост рядов рабочего класса.

Количество рабочих, занятых в народном хозяйстве республики, выросло с 179 тыс. в 1940 г. до 329 тыс. человек в 1950 г., т. е. в 1,8 раза. В том числе занятых в промышленности соответственно с 84,8 тыс. до 135,8 тыс. человек, т. е. в 1,6 раза. Следует учитывать, что в 1945 г. насчитывалось всего 54,8 тыс. промышленных рабочих (64,6% от уровня 1940 г.)³⁴. Наиболее интенсивным был прирост численности рабочих в машино-

строительной и металлообрабатывающей отраслях. В связи с этим уменьшился удельный вес занятых в таких традиционных для довоенной Латвии отраслях промышленности, как лесная, деревообрабатывающая, легкая и пищевая.

Быстрыми темпами увеличивалась численность рабочих прежде всего в крупнейшем промышленном центре Советской Латвии — Риге, а также в Лиепае, Даугавпилсе, Резекне, Елгаве и других городах. Именно этот процесс в значительной степени определил опережающий рост численности городского населения. Если по данным на 1 января 1947 г. городское население составляло около 38% всего населения, а сельское — немногим более 62%³⁵, то на 1 января 1951 г. это соотношение составило 47% и 53%³⁶.

Основным источником пополнения рабочего класса было ранее не занятое в общественном производстве мелкобуржуазное по своей социальной первооснове городское население, сельское население Латвии, а также мигранты из других республик СССР. В первые послевоенные годы рабочий класс пополнялся также за счет реэвакуированных; депатрированных граждан и лиц, демобилизованных из рядов Советской Армии. Существенным источником пополнения рабочего класса во всех отраслях промышленности были женщины, ранее не занятые в общественном производстве или занимавшие должности, непосредственно не связанные с производством. В результате выросла не только численность, но и удельный вес женщин среди рабочих промышленности — с 33% в 1945 г. до 43% в 1950 г. Однако возможности этого источника были несколько ограничены, ибо еще в период буржуазной Латвии процент занятости среди населения, в том числе и женщин, был весьма высоким.

Сельское население Советской Латвии в 1945—1946 гг. весьма незначительно пополняло ряды рабочего класса. Это объясняется проведением в республике земельной реформы. Десятки тысяч крестьян получили земельные наделы или прирезки, им оказывалась значительная материальная и денежная помощь. Однако начиная с 1947 г. стало наблюдаться значительное увеличение притока сельских жителей в ряды рабочего класса. Особенно резкий скачок приходится на 1949—1950 гг., когда в республике проводилась сплошная коллективизация.

Большое влияние на изменения социально-классовой структуры в Латвийской ССР оказали миграционные про-

дессы. Среди мигрантов из других союзных республик были специалисты и квалифицированные рабочие, командированные в Латвию. Подавляющую их часть составляли жители разоренных войной северо-западных областей РСФСР, Белоруссии и Украины. Велика была доля мигрантов из числа сельского населения.

В рабочий класс влилась также некоторая часть ремесленников, кустарей и мелких торговцев, других непролетарских слоев. Таким образом, в 40-е годы в Латвийской ССР качественно изменился и количественно вырос рабочий класс, главным образом его индустриальное ядро — промышленные рабочие. Значительная часть их, так же как в начале XX века и в период буржуазной Латвии, концентрировалась в Риге.

На наш взгляд, самые значительные изменения как количественные, так и качественные произошли в составе крестьянства. С первых дней оккупации фашисты лишили 75 тыс. батрацких, бедняцких и середняцких хозяйств права пользования землей, полученной ими из рук Советской власти в 1940—1941 гг. После освобождения, в сентябре 1944 г., Президиум Верховного Совета Латвийской ССР принимает указ «Об изменениях и дополнениях к „Закону о земле“ от 29 июля 1940 г.», в соответствии с чем были восстановлены все права трудящихся крестьян и безвозмездно передана в пользование батраков, безземельных и малоземельных крестьян земля, отобранная у них немецко-фашистскими оккупантами.

В 1945 г. аграрная реформа была в основном завершена. В ходе ее почти 50 тыс. крестьянских хозяйств были наделены землей, а 20 тыс. малоземельных получили прирезки. Количество хозяев увеличилось по сравнению с 1940—1941 гг. в два раза. На 1 января 1947 г. в Латвийской ССР насчитывалось 836,6 тыс. крестьян-единоличников (49% населения республики), в то время как рабочие и служащие составляли 44% населения³⁷. Основную часть крестьянства составляли середняки.

В 1947 г. решениями уездных исполкомов кулацкими были объявлены 10 тыс. хозяйств, или 3,8% от их общего числа³⁸. В последующие годы резкое увеличение налогообложения кулацких хозяйств обусловило сокращение их числа. Однако, если исходить из ленинского определения кулачества как эксплуататорского класса, следует признать, что существовало весьма расширительное официальное его толкование. Это привело к неоправданному завышению числа кулацких хозяйств в республике.

В то же время значительное число крестьянских хозяйств оставалось малоземельными. Так, на 1 января 1946 г. хозяйства размером до 5 га составляли 13,6% их общего числа, в 5—10 га — 21,1%³⁹. Незначительную часть сельского населения составляли батраки. В 1945 г. их было зарегистрировано 2 тыс., а в 1946 г.— немногим более 1 тыс.⁴⁰.

После восстановления Советской власти в Латвии в 1940 г. руководство Коммунистической партии и правительство республики осуществляли политику, направленную, с одной стороны, на ограничение и вытеснение капиталистических элементов в деревне, а с другой — на постоянное поощрение и расширение обобществленного сектора. 1949 год вошел в историю Латвийской ССР как год сплошной коллективизации. Если в конце 1948 г. колхозы объединяли 10% крестьянских хозяйств, на 1 июля 1949 г.— уже 76,7%, то в конце 1949 г.— 85,3%. В 1950 г. были коллективизированы почти все крестьянские хозяйства (96,5%)⁴¹. На этом этапе произошел поворот в политике партии, выразившийся в переходе от ограничения эксплуататорских тенденций кулачества посредством налогового обложения к его ликвидации как класса. Следует отметить, что ликвидация кулачества как класса в условиях культа личности Сталина осуществлялась не только посредством мероприятий экономического характера, но и политически. Это проявлялось прежде всего в принудительном перемещении за пределы республики части кулацких семей, что было грубейшим нарушением социалистической законности. Так, в марте 1949 г. 4 тыс. семей кулаков в административном порядке были высланы из Латвии⁴².

Таким образом, в результате коллективизации сельского хозяйства был ликвидирован последний эксплуататорский класс — кулачество. Создание колхозов вызвало к жизни процесс образования нового класса послевоенного общества в Советской Латвии — колхозного крестьянства, составившего 35,3% населения. Число колхозных дворов в 1950 г. достигло 227 тыс.⁴³; в латвийской деревне насчитывалось: крестьян-единоличников — 6%, членов первичных сельскохозяйственных кооперативов — 1,7%⁴⁴.

Часть сельского населения Советской Латвии была занята на государственных сельскохозяйственных предприятиях. Если в марте 1947 г. их число составляло 4,4 тыс. рабочих, то в мае 1950 г.— уже 12,8 тыс.⁴⁵. Однако, не-

смотря на быстрый рост этого отряда сельского населения, его удельный вес был небольшим.

Происходившие в республике в первые послевоенные годы политические и социально-экономические изменения оказали глубокое влияние не только на количественные и качественные характеристики рабочего класса и крестьянства, но и других социальных слоев населения.

Перед интеллигенцией Латвийской ССР в 40-е годы остро стояла проблема выбора. Интеллигенция была социально неоднородным слоем, что определяло широкий диапазон политических настроений, присущих различным ее отрядам: от крайне реакционных, враждебных Советской власти до прогрессивных, демократических⁴⁶. В такой ситуации весьма важной была задача формирования новой народной по духу интеллигенции, опираясь на ее демократические круги, а также путем выдвижения представителей рабочего класса и трудового крестьянства на руководящую работу, подготовки новых специалистов в высших и средних специальных учебных заведениях.

В итоге численность инженерно-технических работников в промышленности за 1940—1950 гг. выросла в 2,3 раза, научных работников — почти в 2 раза⁴⁷. Достаточно высокие темпы были характерны для роста отрядов интеллигенции, непосредственно не связанных со сферой материального производства, а трудившихся в сфере здравоохранения, образования, культуры и искусства.

Характерной чертой динамики социальной структуры в Латвийской ССР явился рост численности и удельного веса служащих. В 1935 г. они составляли 10% населения Латвии, в 1950 г. — 18,3%⁴⁸. Даже учитывая возможные погрешности из-за различий в методике подсчета, нельзя не констатировать их весьма значительный прирост. В рассматриваемые годы обозначились тенденции к падению социального престижа труда служащих, занятых малоквалифицированным умственным трудом. Этот процесс ярко проявился в 50-е годы.

Непосредственно после освобождения основной части территории Латвийской ССР (без Курземе) осенью 1944 г. наблюдалось некоторое оживление мелкой частной торговли (в 1944 г. она составляла 10% товарооборота), деятельности кустарей и ремесленников, возобновившейся во время немецко-фашистской оккупации. Однако уже к концу 1945 г. частные торговые предприятия были ликвидированы, а кустари и ремесленники объединены в артели промкооперации. Иными словами, к 1946 г. класс

буржуазии в городе практически перестал существовать.

Процесс включения бывших мелкобуржуазных слоев городского населения в новую социально-классовую структуру общества Латвии был весьма сложным и неоднозначным. Оценка ему может быть дана при условии взвешенного анализа социально-политических условий второй половины 40-х годов и классовой борьбы в Латвии.

В первое послевоенное пятилетие наметились тенденции усложнения национального состава населения Латвийской ССР, которые, однако, более ярко проявились в 50-е годы. Привлечение в индустриальные отрасли народного хозяйства республики весьма значительного количества мигрантов привело к сокращению удельного веса латышей в общем составе городского населения. Этот процесс, однако, не был однозначным, ибо вследствие перераспределения рабочей силы внутри республики численность и удельный вес промышленных рабочих коренной национальности увеличился с 55,8% в 1948 г. до 58,6% в 1950 г.⁴⁹ Значительных изменений в национальном составе сельского населения не произошло.

Таким образом, в 40—50-е годы в Латвийской ССР за короткий исторический срок произошли коренные преобразования в социально-классовой структуре общества: исчезли эксплуататорские классы, количественно вырос и окреп рабочий класс, формировался класс кооперативного крестьянства. Несомненно, огромное значение имел тот факт, что Латвийская ССР являлась составной частью СССР и была вынуждена копировать сформировавшуюся там социально-классовую структуру. Конкретно-исторические условия 40-х годов (Великая Отечественная война, необходимость в кратчайшие сроки восстановить народное хозяйство, культ личности Сталина с его упором на административно-командные и репрессивные методы решения не только экономических, но и социально-политических проблем и т. д.) обусловили неоправданную спешность и насильственность в решении ряда социальных вопросов, необоснованность отдельных мероприятий. Это прежде всего относится к методам социалистического преобразования сельского хозяйства, форсированию темпов коллективизации, использованию внеэкономических рычагов вытеснения кулачества, свертыванию деятельности мелкобуржуазных слоев городского населения (ремесленников, мелких торговцев и др.). В Латвии произошло копирование темпов и методов изменения соци-

ально-классовой структуры, которые имели место в 20–30-е годы в СССР. В условиях республики необходимости в форсированных темпах не было, ибо экономика Латвийской ССР входила в народнохозяйственный комплекс страны, что само по себе определяло ускорение становления социально-классовой структуры общества, соответствовавшей СССР.

Вместе с тем хотя в 40-е годы имела место известная незавершенность процессов, тем не менее социально-классовая структура была в основном создана в виде, соответствовавшем по тогдашним представлениям социалистическому строю. В 1950 г. рабочие, колхозники и служащие составили 85,5% населения Латвийской ССР⁵⁰. В 1959 г. эта цифра достигла 99,5%⁵¹.

Следует заметить, что многие процессы и тенденции, уже имевшие место и наметившиеся тогда в социально-классовой структуре общества, ярко проявились в 50–80-е годы (процесс урбанизации; концентрация производства и соответственно населения в Риге, миграция из других союзных республик и др.).

¹ Подробно об этом см.: Крегере О. К. Исследование истории рабочего класса // Историческая наука Советской Латвии на современном этапе. Рига, 1983. С. 151–170.

² Подробнее об этом см.: Ашмане М. Е., Виксна Д. А. Историография культуры Советской Латвии: Вопросы истории и историографии социалистической культуры. М., 1987. С. 205–220.

³ Численность и размещение населения Латвийской ССР. Рига, 1979. С. 5.

⁴ Население Советской Латвии. Рига, 1986. С. 40.

⁵ Гуллян П. В. Латвия в системе народного хозяйства СССР. 2-е изд., перераб. и доп. Рига, 1982. С. 12.

⁶ Очерки экономической истории Латвии (1900–1917). Из истории экономических предысколов Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии. Рига, 1968. С. 139.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 138–139.

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Народное хозяйство Латвийской ССР в 1965 году: Стат. ежегодник. Рига, 1986. С. 21–22.

¹¹ Очерки экономической истории Латвии (1900–1917). С. 9.

¹² Данных о национальной принадлежности статистические материалы того периода не дают. См.: Рига, 1861–1917. Рига, 1978. С. 22–23. На латыш. яз.

¹³ Очерки экономической истории Латвии (1900–1917). С. 11.

¹⁴ Киртовский И. Х., Федотов А. Н. Несостоятельность буржуазных интерпретаций этнодемографических процессов в Советской Латвии. Идейное противоборство: опыт, проблемы, направления. Рига, 1987. С. 96.

¹⁵ Четвертая перепись населения Латвии 1935 года. Рига, 1939. С. 9, 463. На латыш. яз.

- ¹⁶ Народное хозяйство Латвийской ССР в 1985 году. С. 21.
- ¹⁷ Рабочий класс Латвийской ССР, 1940–1980. Рига, 1985. С. 32. На латыш. яз.
- ¹⁸ Гулян П. В. Латвия в системе народного хозяйства СССР. С. 16.
- ¹⁹ Развитие народного хозяйства Латвийской ССР: Стат. сб. Рига, 1962. С. 55.
- ²⁰ Гулян П. В. Латвия в системе народного хозяйства СССР. С. 25.
- ²¹ Рабочий класс Латвийской ССР. С. 32.
- ²² Рассчитано по: Рабочий класс Латвийской ССР. С. 31, 32; Народное хозяйство Латвийской ССР в 1985 году. С. 21.
- ²³ Рабочий класс Латвийской ССР. С. 32.
- ²⁴ Стародубский Л. В. Статистика буржуазной Латвии на службе реакции. Рига, 1953. С. 91.
- ²⁵ Там же. С. 93. Рассчитано по данным таблицы.
- ²⁶ Жагар Э. А. Социалистические преобразования в Латвии, 1940–1941. Рига, 1975. С. 105. На лат. яз.
- ²⁷ Советская Латвия. Рига, 1985. С. 113.
- ²⁸ Рабочий класс Латвийской ССР. С. 50.
- ²⁹ Там же. С. 48.
- ³⁰ Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Рига, 1970. С. 318–320.
- ³¹ Развитие народного хозяйства Латвийской ССР. С. 75.
- ³² Сельское хозяйство Латвийской ССР: Стат. сб. Рига, 1970. С. 36–37.
- ³³ Однако только в 1976 г. в Латвийской ССР стало больше жителей, чем было до первой мировой войны (Население Советской Латвии. С. 30).
- ³⁴ См.: Рабочий класс Латвийской ССР. С. 125.
- ³⁵ Рассчитано по: Андриксон А. Я. Коммунистическая партия Латвии в борьбе за осуществление лепинского кооперативного плана (1940–1958 гг.). Рига, 1971. С. 21.
- ³⁶ Население Советской Латвии. С. 30.
- ³⁷ Андриксон А. Я. Коммунистическая партия Латвии... С. 21.
- ³⁸ История Латвийской ССР: С древнейших времен до наших дней. Рига, 1986. Т. 2. С. 240. На латыш. яз.
- ³⁹ Удачин С. А. Земельная реформа в Советской Латвии. Рига, 1948. С. 258.
- ⁴⁰ Рабочий класс Латвийской ССР. С. 202.
- ⁴¹ История Латвийской ССР. С. 242.
- ⁴² Андриксон А. Я. Коммунистическая партия Латвии... С. 71.
- ⁴³ Развитие народного хозяйства Латвийской ССР. С. 143.
- ⁴⁴ Андриксон А. Я. Коммунистическая партия Латвии... С. 77.
- ⁴⁵ Рабочий класс Латвийской ССР. С. 206, 208, 209.
- ⁴⁶ Ашмане М. Е. Проблемы формирования социалистической интеллигенции Латвии // Изменения социальной структуры социалистического общества: (На материалах Латвийской ССР). Рига, 1971. С. 34.
- ⁴⁷ Латвийская ССР в цифрах в 1969 году: Стат. сб. Рига, 1971. С. 94, 424.
- ⁴⁸ Андриксон А. Я. Коммунистическая партия Латвии... С. 77.
- ⁴⁹ Рабочий класс Латвийской ССР. С. 135.
- ⁵⁰ Андриксон А. Я. Коммунистическая партия Латвии... С. 77.
- ⁵¹ Население Советской Латвии. С. 56.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ В ЭСТОНИИ

Х. Роотс

Эстляндская и Лифляндская губернии царской России характеризовались сравнительно высоким уровнем развития капиталистических отношений. Однако в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств эстонский трудовой народ потерпел поражение в гражданской войне и на двадцатилетний период на исторической арене появилась буржуазная Эстонская Республика. Территориально она охватывала Эстляндскую и северную часть Лифляндской губерний. Что означало создание буржуазной республики с точки зрения социально-классовых отношений? Во-первых, национальная государственность в тех условиях способствовала укреплению национальной буржуазии, имущих классов, связанных с промышленным и финансовым капиталом. Во-вторых, буржуазная земельная реформа положила конец помещичьему землевладению, капиталистические производственные отношения получили полную свободу развития в аграрном секторе экономики. Это, в свою очередь, привело к углублению социально-экономической дифференциации крестьянства. В-третьих, крупная промышленность Эстонии (текстильная, кораблестроительная и др.), которая раньше была ориентирована на российский рынок, потеряла свои прежние экономические связи, оказалась первоначально в кризисном состоянии и стала затем переориентировываться на Запад. Эта переориентация шла, однако, с большими затруднениями. Численность рабочих в крупной промышленности сократилась.

Буржуазная Эстония была в основном аграрной страной. По данным переписи населения 1934 г. сельскохозяйственное население составляло 59,4% всех жителей республики, торгово-промышленное — 28,6%, непроизводственное — 12%¹. Удельный вес городского населения составлял в 1940 г. 33,6%, что тогда было немногого выше соответствующего показателя в среднем по СССР². На-

кануне революции 1940 г. в городах Эстонии насчитывалось около 40 тыс. рабочих, занятых в крупной промышленности, общая же численность городского рабочего класса и пролетарских слоев составляла 223 тыс. человек³. К рабочему классу относилось почти 60% городского населения Эстонии.

Наряду с ростом городского пролетариата происходили изменения и в составе буржуазии. Перед революцией 1940 г. эстонской национальной буржуазии принадлежала примерно 1/3 капитала, в крупной же промышленности — лишь 1/5⁴. Главные позиции здесь занимал немецкий, английский и шведский капитал. Влиятельной социально-экономической силой выступали также прибалтийские немцы, которых проживало в Эстонии 16,4 тыс. человек, и из них свыше 80% принадлежали к зажиточным слоям городского населения⁵. Начиная с октября 1939 г. прибалтийские немцы стали выезжать в Германию. Основная масса их успела это сделать до июня 1940 г., к осени в Эстонии осталось примерно 2 тыс. немцев⁶. В начале 1941 г. выехали и они. Под видом и с документами немцев из нее выехало также определенное число эстонских буржуа.

Переселение прибалтийских немцев привело к известному сокращению удельного веса буржуазии в социальной структуре населения. По имеющимся подсчетам, численность городской буржуазии в 1939 г. была в Эстонии 33,5 тыс. человек, или почти 9% городского населения⁷.

Что касается сельского населения накануне социалистической революции, то в крестьянских хозяйствах работало в общей сложности 495 тыс. человек, среди которых 62,6 тыс. человек было постоянными наемными рабочими⁸. Основная часть наемной рабочей силы была сосредоточена в кулацких хозяйствах. Последние, составляя лишь 16% общего числа хозяйств, давали свыше половины всей товарной продукции. Кроме постоянных и сезонных батраков, в сельском хозяйстве работало еще 72,4 тыс. поденщиков из сельской бедноты⁹. Поденщики становились бобыли и владельцы карликовых (до 5 га) хозяйств. В экономически более развитых уездах, где ощущалась нехватка рабочих рук, работало также около 4,8 тыс. завербованных в Польше сельскохозяйственных рабочих¹⁰.

Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют о классовом расслоении населения буржуазной Эстонии, что способствовало обострению классово-антагонистических

Таблица 1.

Социальная структура Эстонии накануне включения ее в состав СССР (считая неработающих членов семей), %

Социальная группа	Город	Село
Пролетарские и полупролетарские элементы	57,8	49,0
Средние слои	33,7	38,0
Капиталистические элементы	8,5	13,0

Источник: Пуллат Р. Городское население Эстонии..., С. 108, 158, 175, 187.

противоречий и вызреванию как объективных, так и субъективных предпосылок социалистической революции¹¹.

Уже в первые дни революции рабочие многих крупных промышленных предприятий поставили деятельность хозяев, особенно в финансовой сфере, под свой контроль. Спустя месяц, 23 июля 1940 г., революционный парламент принял декларацию о национализации банков и крупной промышленности Эстонии. К концу августа 1940 г. социалистический сектор в промышленности охватывал уже почти 90% предприятий¹². Национализированы были также все крупные предприятия транспорта.

Революционное правительство добивалось быстрейшего пуска тех предприятий, которые в годы буржуазной Республики находились на консервации, а также достижения полной мощности всех действовавших. Одновременно с расширением производства шел рост рядов рабочего класса. В октябре 1940 г. в государственной промышленности было занято уже 52 тыс. рабочих, в декабре — 74,6 тыс.¹³ Развернулся процесс кооперирования кустарей и ремесленников. В апреле 1941 г. в артелях промысловой кооперации состояло 7 тыс. ремесленников, или около 25% от их общей численности¹⁴. Часть бывших ремесленников перешла на работу в государственный сектор:

Поворотным пунктом в жизни трудового крестьянства Эстонии стала декларация об объявлении земли всемародным достоянием, принятая революционным парламентом в июле 1940 г. Отменялись все выкупные платежи и недоимки по налогам и штрафам. Всего в результате земельной реформы землю получили около 50 тыс. батраков, безземельных и малоземельных крестьян, что составляло, однако, лишь немногим более 40% от их общей

численности¹⁵. Полного решения аграрного вопроса в Эстонии земельная реформа 1940—1941 гг. не дала. Ее главная ценность заключалась в ликвидации крупных (свыше 30 га) землевладений, в создании предпосылок для трансформации производственных отношений в сельском хозяйстве. Одновременно сократилась численность карликовых хозяйств размером до 5 га. В социальной структуре села увеличилась доля середняков, значительная часть деревенской бедноты получила средства к существованию.

Начал развиваться государственный сектор в сельском хозяйстве. На базе бывших государственных имений были организованы первые совхозы. В 1940—1941 гг. КП(б) Эстонии не взяла еще курса на коллективизацию сельского хозяйства.

Что касается эстонской интеллигенции, то демократическая ее часть пошла вместе с Советской властью. Другая часть интеллигенции враждебно встретила новую власть, но не осмеливалась выступать против нее открыто. Враждебность этих людей проявлялась в очернении и высмеивании мероприятий властей, в попытках сеять провокационные слухи, разжигать национализм. Вполне естественно, что для многих представителей старой интеллигенции разрыв с прежним мировоззрением и переход на новые позиции были не простым делом. Требовалось время, чтобы критически переоценить прежние взгляды и представления. Старая интеллигенция не смогла еще за первый год Советской власти пройти весь этот сложный путь преодоления прежних и формирования новых убеждений.

Деятельно включились в решение задач хозяйственного и культурного строительства в Эстонии сотни прибывших сюда коммунистов-эстонцев, проживавших до этого в других союзных республиках. Наряду с этим была развернута работа по подготовке новых кадров интеллигенции из рабочих и крестьян. Изменился социальный состав студенчества.

Итак, профессиональные революционеры-интеллигенты, демократически настроенные представители старой интеллигенции, специалисты из других союзных республик, выдвинутые на руководящую работу рабочие, выходцы из трудового народа, получившие возможность приобрести высшее образование, составляли основные социальные силы, из которых начала формироваться социалистическая интеллигенция Советской Эстонии.

Эстонская буржуазия, вынужденная в силу сложившихся внешне- и внутриполитических обстоятельств уступить государственную власть без вооруженной борьбы, ждала только подходящего момента, чтобы попытаться взять реванш за свое поражение летом 1940 г. Свои надежды свергнутые классы связывали прежде всего с ожидаемым нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. В рамках укрепления безопасности республики и с целью пресечения деятельности антисоветских элементов в ночь на 15 июня 1941 г. была проведена крупномасштабная операция по ликвидации остатков бывших имущих классов. Бывшие депутаты буржуазного парламента, руководители и активисты националистических организаций, бывшие работники полиции, некоторые капиталисты-землевладельцы, крупные чиновники буржуазного государственного аппарата, а также члены их семей — всего 10,2 тыс. человек — были в принудительном порядке переселены в глубинные районы СССР. Из общего количества переселенных мужчин (в возрасте от 20 до 50 лет), которые потенциально могли бы выступить против Советской власти с оружием в руках, составляли только 21,5%¹⁶. Основную массу отправленных в Сибирь летом 1941 г. эстонцев составляли женщины, дети, старики. Возможно, что эта акция способствовала очищению приграничных районов от враждебных элементов накануне войны. Однако нет сомнения и в том, что беспрецедентное в истории эстонского народа принудительное выселение граждан без суда и следствия воспринималось населением республики как акт беззакония. Это нанесло огромный политический ущерб Советской власти. Чувство страха и беззащитности перед репрессивными действиями советских органов побудило десятки тысяч эстонцев в вихре вскоре начавшейся войны сделать свой выбор не в пользу социалистической перспективы.

Начатые социально-экономические и идеально-политические преобразования были прерваны войной. Территория Эстонской ССР была временно оккупирована. Однако это ничуть не умаляет принципиального значения глубоких структурных преобразований 1940—1941 гг. Во-первых, окончательно и бесповоротно были подорваны корни крупного капитала в промышленности, на транспорте, в торговле, в сфере финансов. Во-вторых, особенный след в сознании трудового крестьянства оставила советская земельная реформа. В-третьих, ликвидация безработицы, мероприятия по улучшению условий труда и жизни рабочего

класса, впервые испытанное чувство хозяина на своем предприятии подняли революционную сознательность и активность рабочих.

После захвата прибалтийских Советских республик гитлеровской Германией оккупационные власти объявили все сельскохозяйственные угодья, как и все промышленные предприятия, собственностю германского рейха. Земли у новых владельцев были отобраны и переданы в пользование прежним хозяевам. На промышленные предприятия, однако, эта мера не распространялась, их руководителями стали гитлеровские чиновники. Оккупационный режим тем самым привел к восстановлению только сельской буржуазии, а не эстонского промышленно-финансового капитала.

Ущерб, нанесенный войной народному хозяйству Эстонской ССР, был впоследствии оценен в 16 млрд рублей. Республика понесла большие потери также в рабочей силе. Численность населения сократилась на 204 тыс. человек, или на 19%¹⁷⁻¹⁸. Рабочий класс пострадал к тому же в результате дезорганизации производства, что привело к распылению кадров. Если в апреле 1941 г. в ЭССР насчитывалось 89 тыс. промышленных рабочих, то накануне освобождения республики в промышленности работало 26 тыс. человек¹⁹. В январе 1945 г. их численность достигла 40,3 тыс.²⁰. Острая нехватка рабочей силы характеризовала весь период индустриализации в республике. В этом — одна из особенностей переходного периода в ЭССР по сравнению с ситуацией в 20—30-е годы в Советском Союзе.

В конце 1944 г. началась реэвакуация населения ЭССР из советского тыла, в конце 1945 г. — демобилизация старших возрастов личного состава из Советской Армии. Всего до конца 1946 г. в ЭССР прибыло 27,3 тыс. демобилизованных военнослужащих²¹. Лица, вернувшиеся из эвакуации, и демобилизованные воины Советской Армии составляли наиболее сознательную и идеологически закаленную часть рабочего класса. Вместе с пережившими оккупацию кадровыми рабочими они содействовали сравнительно быстрой консолидации рабочего класса Эстонии.

Многие пришедшие на работу в промышленность происходили из тех слоев населения, которые ранее не участвовали в общественном производстве (молодежь, домохозяйки). Начиная с 1948 г. значительное пополнение рабочему классу начало давать и крестьянство. До этого,

Таблица 2.

Источники роста численности населения ЭССР в 1945–1949 гг.
 (в границах 1945 г.), тыс.*

	Все население	В том числе:	
		городское	сельское
Прирост	242,7	249,1	-6,4
в том числе за счет:			
а) естественного прироста	4,2	12,9	-8,7
б) миграции населения	238,5	207,9	30,6
в) административно-территориальных преобразований	-	28,3	-28,3

* В таблице не отражено изменение численности населения республики в связи с утверждением новых границ ЭССР и РСФСР.

Источник: Rootс X., Тамме Ю. Изменения в социально-классовой структуре... С. 29.

в 1945–1947 гг., миграционные потоки направлялись в обратную сторону — из города в село.

Однако главным источником пополнения рабочего класса Советской Эстонии в рассматриваемые годы была межреспубликанская миграция. Как показывают данные, приведенные в табл. 2, естественный прирост давал в годы первой послевоенной пятилетки менее 2% общего прироста населения республики, а более 98% прироста происходило за счет мигрантов.

Форсированное развитие промышленности и связанный с этим интенсивный приток населения обусловили бурный рост городов республики. К концу 1951 г. в городах ЭССР проживало уже больше людей, чем на селе. Среднесоюзные показатели урбанизации достигли этого рубежа в 1961 г., т. е. ровно 10 лет спустя. Этот процесс имел и свои негативные стороны — фактически до конца 50-х годов продолжалось ухудшение жилищных условий в городах. Обеспеченность жилой площадью в расчете на одного жителя достигла довоенного уровня только в середине 70-х годов²².

Численность промышленных рабочих удвоилась за годы первой послевоенной пятилетки, достигнув в 1950 г. 86,7 тыс. человек²³. Примерно 1/4 из них была занята в легкой промышленности. Возросло число занятых в то-

ливной промышленности, машиностроении и металлообработке.

В начале 1950 г. рабочий класс был уже самым многочисленным классом в социальной структуре населения, рабочие и члены их семей составляли 32,7% населения ЭССР²⁴.

Форсированная индустриализация окончательно вытеснила из промышленности республики частный сектор, доля которого в 1945 г. еще составляла 7%. В 1947 г. последние частные предприятия были национализированы. Что касается кустарей-одиночек, живших своим трудом, то часть из них устраивались рабочими на государственные предприятия, а большинство объединилось в различные производственные кооперативы (артели). Лишь единицы продолжали работать по-старому. В дальнейшем, начиная с 1956 г., артели промысловой кооперации постепенно переходили в государственный сектор, а еще через 31 год — начали создаваться вновь.

После освобождения Эстонии от немецко-фашистской оккупации социальный состав сельского населения республики соответствовал трем основным укладам в ее экономике: обобществленный сектор представляли рабочие и служащие государственных сельскохозяйственных предприятий; мелкотоварное производство — основная масса крестьян-единоличников; капиталистический сектор — кулачество, владельцы мельниц и т. п., а также батраки, поденщики, бобыли и другие сельские пролетарии.

Послевоенное восстановление сельского хозяйства Эстонии может быть рассмотрено как одновременная подготовка к его коллективизации. Существенное значение в этом имело завершение начатой еще в первый, довоенный год Советской власти земельной реформы. Земельная реформа 1944—1947 гг. имела ярко выраженный классово-политический характер. Ее острое было направлено против приспешников оккупантов и тех, кто выступал против властей.

В ходе реформы землю получили 24,7 тыс. безземельных и 17,7 тыс. малоземельных крестьян²⁵. На удовлетворение их нужд было использовано 45% общей площади отчужденных земель. Остальные 55% перешли в ведение совхозов, МТС, подсобных хозяйств предприятий. В ходе земельной реформы в значительной степени выравнивалась структура землепользования в сельском хозяйстве Эстонии. Реформа, однако, не смогла полностью удовлет-

ворить потребности и нужды беднейших слоев крестьянства. Значительная часть бедняцких хозяйств сохранилась и после реформы, во многих из них не было ни лошадей, ни коров. Вообще в ходе земельной реформы 1944—1947 гг. возросли главным образом численность и роль бедняцких хозяйств с годовым доходом ниже 2 тыс. рублей, а также хозяйств с доходом от 2 до 5 тыс. рублей. В июле 1946 г. таких было уже 51% от всех хозяйств в эстонском селе, доля более доходных хозяйств заметно сократилась²⁸. С другой стороны, стали обнаруживаться факты систематической эксплуатации наемного труда некоторыми из тех, кто получил землю по реформе, имел место процесс превращения их в кулаков.

В целом по республике в июле 1947 г. было зарегистрировано более 2 тыс. батраков. Это было несколько меньше, чем до земельной реформы. Воспроизводство этой социальной группы шло главным образом за счет приехавших в Эстонию бывших колхозников из разоренных войной колхозов Псковской, Великолукской, Ленинградской и Калининской областей РСФСР. Так, из указанного числа батраков (2 тыс. человек) только каждый третий был местной национальности. В мае 1949 г. в связи с ликвидацией кулачества как класса правительство республики окончательно запретило использование наемного труда в сельском хозяйстве.

Экономические позиции наиболее зажиточных слоев крестьянства были существенно ослаблены уже земельной реформой. В дальнейшем их вытеснение значительная роль принадлежала экономическому најиму, налоговой политике государства. До 1947 г. система ставок сельскохозяйственного налога была построена так, что при доходе свыше 10 тыс. рублей он составлял 55% от суммы доходов. В августе 1947 г. кулацкие хозяйства были выделены в особую категорию, которая облагалась повышенным налогом. Например, с годового дохода в 25 тыс. рублей хозяйство, признанное кулацким, должно было платить сельхозналог в 2,5 раза большем размере, чем средняцкое хозяйство с такой же доходностью. В следующем, 1948 г. налог был повышен еще на 100%. Хозяйства, признанные кулацкими, оказались в безвыходном положении — общая сумма налогов начала превышать уровень их реальных денежных доходов. Многие кулаки под давлением налоговой политики ликвидировали или бросили свои хозяйства, сотни из них были привлечены к уголовной ответственности за невыполнение налоговых

обязательств. Осеню 1948 г. хозяйства кулаков и немецких пособников (падель последних были при проведении земельной реформы сокращены до 5–7 га) составляли около 4% всех крестьянских хозяйств²⁷.

Резкое ослабление экономических позиций кулачества одновременно с первыми мерами по колективизации сельского хозяйства позволили властям поставить вопрос об окончательной ликвидации кулачества как класса. Несмотря на то что в эстонской деревне за все послевоенные годы даже не возникал вопрос «кто — кого», для ликвидации кулачества был применен тот же метод, что и в СССР в начале 30-х годов,— экспроприация и переселение в отдаленные районы страны. 25–26 марта 1949 г. из ЭССР было выселено почти 3 тыс. кулацких семей и около 5 тыс. семей пособников оккупантов, всего 20,7 тыс. человек. Мужчины в возрасте от 20 до 50 лет составляли в этом контингенте лишь 7,5%, остальные 92,5% были женщины, дети, люди преклонного возраста²⁸. Если в 30-е годы в СССР применялся, хотя и далеко не всегда, дифференцированный подход к кулачеству в зависимости от уровня экономической мощи хозяйства и антисоветской политической активности хозяина, причем к различным категориям были применены меры различной степени строгости, то в Эстонии в ходе проведенной органами госбезопасности по составленным ими же спискам военной операции был взят курс на стопроцентное переселение всех без исключения кулаков и пособников. Кроме планового задания — выселить 7,5 тыс. семей, был установлен также резерв из 1,9 тыс. семей. Чтобы обеспечить план, из резерва фактически была выселена 1,3 тыс. семей²⁹. По общему количеству семей переселенных в дальние области страны, план был выполнен, по количеству людей образовался недобор.

Бюро ЦК КП(б) Эстонии обсудило это мероприятие, так сказать, задним числом — на пятый день после его проведения. Типичная ситуация для времен, когда действия органов госбезопасности зачастую выходили из-под партийного контроля. С юридической стороны эта акция не выдерживает никакой критики — произвол и беззаконие были и остаются произволом и беззаконием. С экономической стороны смертельный удар по зажиточному крестьянству был нанесен уже ранее, путем установления разоряющего налогового обложения; репрессии и в этом плане не могут быть ничем оправданы. В смысле классовой борьбы принудительному переселению кресть-

янства сопутствовало не угасание, а паоборот — оживление проявлений бандитизма в республике. В социально-психологическом плане упомянутая акция имела последствия двойкого рода — сиюминутные, кратковременные и долгосрочные. С одной стороны, в последние дни марта и в апреле 1949 г. крестьяне начали вступать в колхозы целыми деревнями и волостями. За 1949 г. численность колхозников возросла с 15,3 тыс. до 190,8 тыс. человек³⁰. С другой же стороны, основательно и надолго искажались представления огромного количества людей о гуманной сущности Советской власти, деформировался сам образ социализма в их сознании. В течение последующих 38 лет сам факт переселения официально либо замалчивался, либо оправдывался.

Было бы неправильным считать принудительное переселение крестьян единственной предпосылкой сплошной колLECTIVизации в Эстонии. Подготовка к колLECTIVизации была начата еще в 1947 г., когда ЦК ВКП(б) принял постановление «О создании колхозов в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР». Это постановление носило закрытый характер и не доводилось до сведения крестьянских масс. На селе в то время завершалась земельная реформа с официально предусмотренным торжественным вручением крестьянам актов на бессрочное пользование землей. К началу 1949 г. было создано уже 455 колхозов, в составе которых доминировали середняцкие хозяйства. Последнее обстоятельство объясняется тем, что начиная с 1948 г. систематическое повышение сельхозналога поставило в затруднительное положение не только за jaki托чных крестьян, но и середняков. Это и привело к заметному возрастанию их активности в колхозном движении. Коренным перелом в ходе сплошной колLECTIVизации наступил весной 1949 г. В начале 1950 г. колхозники были уже вторым по численности классом в социальной структуре Советской Эстонии — вместе с неработающими членами семьи их доля составляла 28,8% от общей численности населения республики. Удельный вес крестьян-единоличников и членов их семей снизился к этому времени до 11,4%. К концу года колLECTIVизация сельского хозяйства была в Эстонии завершена. К этому времени насчитывалось более 2 тыс. колхозов, которые объединяли 93% крестьянских дворов³¹.

Укрепился и государственный сектор в сельском хозяйстве. Численность работников совхозов возросла с 3,6 тыс. человек в 1945 г. до 11,9 тыс. в 1950 г.; числен-

ность работников МТС соответственно с 1 тыс. до 4,6 тыс. человек³².

В послевоенные годы Эстонская ССР ощущала острую нехватку специалистов. В начале 1941 г. в народном хозяйстве ЭССР было занято 4,8 тыс. специалистов с высшим и 9,8 тыс. со средним специальным образованием³³. Затем многие из них погибли на фронтах, часть выехала на Запад. Несмотря на помощь братских республик, павших на работу в ЭССР своих инженеров, техников и др., не было возможности заполнить все ответственные должности людьми с соответствующей квалификацией. Существенным источником пополнения рядов технической интеллигенции стало выдвижение передовых рабочих на руководящие посты. В 1946 г. из директоров крупнейших предприятий 88,7% были выдвиженцами³⁴. Среди руководящих и инженерно-технических работников было также немало демобилизованных воинов и специалистов, вернувшихся из эвакуации. В среднем каждый шестой руководящий работник и специалист народного хозяйства ЭССР был выходцем из других республик. Представители других республик составляли в строительстве почти половину, на транспорте — почти треть всех инженерно-технических кадров³⁵. Тем не менее 62,4% лиц, занятых в народном хозяйстве ЭССР на должностях специалистов и руководителей, не имели в 1947 г. соответствующей подготовки, основная масса их не имела и полного среднего образования³⁶. Само понятие специалиста получило в тех условиях политическую окраску: «Когда диктатуре пролетариата были нужны люди, проводящие ее политику в области экономики, управления, вооружения, а также в области культуры, эти люди в первую очередь выдвигались из тех членов партии, которые уже в прошлых боях многократно доказали свою приверженность идеям социализма»³⁷.

Одновременно следует сказать, что подбор кадров в основном по признаку политической верности не означал до VIII пленума ЦК КП(б) Эстонии в марте 1950 г. вытеснения старой интеллигенции из сферы умственного труда. Руководство КП(б) Эстонии во главе с первым секретарем Николаем Каротаммом сумело в 40-е годы соблюдать дифференцированный подход к различным группам и группировкам внутри интеллигенции, серьезно занималось воспитанием и перевоспитанием ее представителей. Конечно, и в Эстонской партийной организации выполнялось постановление ЦК ВКП(б) 1946 г.

«О журналах „Звезда“ и „Ленинград“» но огульное недоверие к интеллигенции, массовые чистки творческих союзов, репрессии видных деятелей науки и культуры, нигилизм в отношении к национальной культуре и культурному наследию прошлого начались только после упомянутого VIII пленума в марте 1950 г.

Сразу после освобождения территории республики от немецко-фашистских оккупантов правительство ЭССР приняло решительные меры для восстановления и дальнейшего развития системы подготовки квалифицированных кадров. В середине ноября 1944 г. начались занятия в Таллиннском политехническом институте и Тартуском государственном университете. В них было тогда около 2,5 тыс. студентов. В 1950/51 учебном году в вузах ЭССР обучалось уже 8,8 тыс. студентов, что было в 2,4 раза больше, чем в высших учебных заведениях Эстонии в 1939/40 учебном году³⁸. Изменились также социальные источники формирования студенчества. Многие эстонские юноши и девушки получили высшее образование и в вузах братских республик. Постепенное перевоспитание старой интеллигенции в духе социалистической идеологии, формирование новых кадров из рабочих и крестьян, пополнение рядов интеллигенции специалистами из других республик послужили основными источниками формирования эстонской советской интеллигенции. В начале 1950 г. специалисты, служащие и неработающие члены их семей составляли 17,6% общей численности населения ЭССР³⁹.

Итак, к началу 50-х годов социальная структура населения Эстонии была коренным образом преобразована. Еще в начале 1947 г. наиболее многочисленным классом в социальной структуре Советской Эстонии было крестьянство, на долю которого приходилось 48,9% общей численности населения республики. В процессе принципиальной реконструкции народного хозяйства, индустриализации и коллективизации происходило существенное перераспределение трудовых ресурсов между сельскохозяйственным и индустриальным производством. В итоге колхозное крестьянство никогда не достигало численности и удельного веса доколхозного крестьянства. Наиболее высокой была его доля (включая неработающих членов семьи) в начале 1951 г. — 33,6%, затем она стала постепенно снижаться. Крестьяне-единоличники вместе с членами их семей составляли в 1951 г. 3,1% населения ЭССР, кооперированные кустари — 2,1%.

Если же взять социальную структуру не всего, а только занятого населения, то можно сказать, что в результате преодоления многоукладности экономики в 1951 г. в социалистическом секторе было сосредоточено 95,9% трудящихся Эстонии против 38,4% в 1947 г. (см. табл. 3). Это и дает основание говорить о формировании социально однотипной структуры общества в Советской Эстонии.

Приведенные цифровые данные позволяют сделать некоторые выводы относительно специфики процесса социально-классовых преобразований в Эстонии. Думается, что основные особенности динамики социально-классовой структуры ЭССР в 40-е годы связаны главным образом с тремя факторами: во-первых, сравнительно высокий уровень социально-экономического, политического и культурного развития буржуазной республики; во-вторых, переход политической власти в руки новых сил в момент, когда в Европе уже шла вторая мировая война; в-третьих, включение Эстонии в состав СССР.

Думается, что последний фактор был решающим. С одной стороны, эстонский народ не был один на переломе своей истории, а мог опираться на экономическую и поли-

Таблица 3.

Социально-классовая структура занятого населения
Эстонской ССР в 1947—1951 гг. (на начало года), %

Социальная группа	1947 г.
<i>Государственный сектор</i>	
Рабочий класс	24,46
Служащие и интеллигенция	12,60
<i>Кооперативный сектор</i>	
Колхозное крестьянство	—
Кооперированные кустари	1,31
<i>Частный сектор</i>	
Некооперированные кустари	0,34
Крестьяне-единоличники	61,10
Прочие (торговцы, промышленники, извозчики, служители культа, частнопрактикующие врачи и т. д.)	0,19
Всего	100,00

Источник: ЦГАОР ЭССР. Ф. р-10. Оп. 18. Д. 37. Л. 2, 6, 9, 13, 16. Расчеты произведены автором.

тическую мощь всего Советского Союза, использовать практический опыт преобразований, накопленный другими союзными республиками. Он получил непосредственную экономическую, материально-техническую, финансово-ющую и кадровую помощь от других союзных республик. Этим именно и объясняются такие специфические черты проводившейся реконструкции, как ее высокие темпы, синхронность процессов, именовавшихся созданием основ социализма во всей Прибалтике, а также то, что основной вопрос переходного периода — «кто — кого» — в Эстонии, как и во всей Прибалтике, не возникал.

С другой стороны, необходимо учитывать не только то, что Эстония входила в состав СССР, но и то, какой период в те годы переживал сам Советский Союз. Это была страна, где необоснованно провозгласили построенными основы социализма, страна, где социалистическими были названы общественные отношения, деформированные административно-командной системой. И, наконец, это была страна, где господствовал культ личности Сталина, имели место массовые репрессии, утвердилась абсолютная централизация управления и власти, ущемлялись местные интересы, подавлялась местная инициатива, допускались грубые ошибки в национальной политике.

Вместе с тем нельзя не видеть того, что в своей борьбе за социализм эстонский народ постоянно ощущал под-

1948 г.	1949 г.	1950 г.	1951 г.
26,54	28,33	30,84	35,04
13,67	14,61	16,60	16,65
0,02	2,88	36,15	42,18
1,55	2,00	1,84	2,05
0,11	0,09	0,08	0,07
58,00	50,90	14,38	3,90
0,11	1,19	0,11	0,11
100,00	100,00	100,00	100,00

держку и получал бескорыстную помощь от всех советских народов. Эти два момента не подлежат никакому сомнению. Одновременно со всем этим конкретные формы и методы социалистического строительства были административным, — если не сказать приказным, — путем предопределены центром, без должного учета хозяйственной, исторической, национальной специфики данного региона. Зафиксированное в партийных документах того времени «построение основ социализма» в Эстонии означало реализацию той административно-командной модели общества, которая действовала к этому времени в СССР и считалась единственно правильной и социалистической.

Следует сказать, что до конца 40-х годов руководство республики не мирилось с отведенной ему исполнительной ролью и сохранило свой взгляд на целесообразность того или иного пути строительства социализма в Эстонии. Особого мнения оно придерживалось по целому ряду вопросов: о характере и направлениях форсированной индустриализации; о возможностях и путях преодоления дефицита рабочей силы; о судьбах доколхозных форм кооперации; об отношении к интеллигенции и т. д.

Этот список можно было бы продолжить. Но и так уже видно, что речь шла о коренных проблемах переходного периода. По всем этим проблемам руководство КП(б) Эстонии и правительство республики стремились к одному варианту решения, а исторические условия диктовали другое. Подобное «разнотечение» в понимании путей и темпов строительства социализма продолжалось до марта 1950 г. Тогда руководство республики было полностью заменено, после чего и в теории, и на практике вопрос о специфике строительства социализма в Эстонии был снят и настойчиво подчеркивались лишь якобы общие черты всего общественного развития. В научном плане вопрос о диалектике общего и особенного в этом развитии и не пытались даже ставить.

Соответственно формировались и представления широких слоев трудящихся о социализме. В социальной памяти народа образовалось весьма противоречивое переплетение социального и национального. Корни многих современных социально-политических и идеологических явлений явно уходят в существование процессов, протекавших в Эстонии в конце 40-х — начале 50-х годов.

- ¹ Пуллат Р. Городское население Эстонии с конца XVIII века до 1940 года: Историко-демографическое исследование. Таллинн, 1976. С. 148.
- ² Народное хозяйство Эстонской ССР в 1980 году: Стат. ежегодник. Таллинн, 1981. С. 12.
- ³ Пуллат Р.. Социальная структура Советской Эстонии: Сравнительно-исторический анализ основных тенденций развития. Таллинн, 1976. С. 38.
- ⁴ Пуллат Р. Городское население Эстонии... С. 167.
- ⁵ Eesti arvud, 1920–1935. Tallinn, 1937. Lk. 12.
- ⁶ Райд Я. Прибалтийские немцы в буржуазной Эстонии (1920–1940). Таллинн, 1978. С. 108.
- ⁷ Пуллат Р. Городское население Эстонии... С. 175.
- ⁸ История Эстонской ССР. Таллинн, 1974. Т. III. С. 400.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ История Эстонской ССР. С. 401.
- ¹¹ Освещение революционной ситуации в Прибалтике летом 1940 г. см.: Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти. М., 1978. О ходе последующих социальных преобразований см.: Построение социализма в Советской Прибалтике. Исторический опыт компартий Литвы, Латвии, Эстонии. Рига, 1982.
- ¹² Более подробно об этом см.: Ruus V. Sotsialistlikud ümberkorraldused Eestis,, 1940–1941. Tallinn, 1980. Lk. 47–54.
- ¹³ Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Таллинн, 1970. Ч. III. С. 61.
- ¹⁴ История Эстонской ССР. С. 587.
- ¹⁵ Tõnurist E. Sotsialatliku põllumajanduse arengust Nõukogude Eestis // Sotsialistliku põllumajanduse areng Nõukogude Eestis. Tallinn, 1976. Lk. 12.
- ¹⁶ Laasi E. Nõnede lünkade täiteks // Sirp ja Wasar. 1987. 27. nov.
- ^{17–18} Poortc X., Тамме Ю. Изменения в социально-классовой структуре Эстонской ССР в период строительства и упрочения социализма // Труды по истории КП Эстонии. Таллинн, 1982. Вып. X. С. 26.
- ¹⁹ Кала К., Poortc X. Развитие рабочего класса Советской Эстонии (1945–1975 гг.) // Проблемы социальной структуры республик Советской Прибалтики. Таллинн, 1978. С. 93.
- ²⁰ Poortc X., Тамме Ю. Изменения в социально-классовой структуре... С. 31.
- ²¹ Там же. С. 28.
- ²² История рабочего класса Советской Эстонии. Таллинн, 1985. С. 560.
- ²³ Кала К., Poortc X. Развитие рабочего класса Советской Эстонии. С. 97.
- ²⁴ Poortc X. Социальные процессы индустриализации Эстонской ССР // О формировании социальной однопородности. Таллинн, 1981. С. 123.
- ²⁵ Poortc X., Тамме Ю. Изменения в социально-классовой структуре... С. 42.
- ²⁶ Там же. С. 43.
- ²⁷ Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. С. 291.
- ²⁸ Laasi E. Mõnede lünkade täiteks // Sirp ja Vasar. 1987. 27. nov.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Poortc X., Тамме Ю. Изменения в социально-классовой структуре... С. 49.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 50–53.

³³ Достижения Советской Эстонии за 20 лет: Стат. сб. Таллинн, 1960. С. 73.

³⁴ Schmigt E. Kesk – ja kõrgema haridusega kaadri ettevalmistamisest Nõukogude Eestis. Tallinn, 1959. lk. 86.

³⁵ Roots H., Võõrmann M. Eesti nõukogude intelligentsi nüüdisjooni. Tallinn, 1987. lk. 27.

³⁶ Ibid. lk. 28.

³⁷ Kiis A. Социальная структура социалистического общества: Мифы и реальность. М., 1981. С. 177.

³⁸ Народное хозяйство Эстонской ССР в 1967 году: Стат. сб. Таллинн, 1967. С. 252.

³⁹ Rootc X. Социальные процессы индустриализации... С. 123.

ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ОБЩЕСТВА ЧЕХОСЛОВАКИИ В ХОДЕ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

М. И. Копашева

В изучении процесса коренного преобразования социальной структуры общества Чехословакии период 1944—1948 гг. занимает особое место. Анализ произошедших в годы революции существенных сдвигов в социальном составе населения, характера взаимосвязей классов и социальных слоев и изменения их политической и идеологической роли в обществе позволяет внести уточнения в трактовку хронологических рамок переходного периода от капитализма к той модели общества, которая идентифицировалась с социализмом. В Чехословакии этот период начался уже в ходе народно-демократической революции, в условиях острой политической борьбы за альтернативы общественного развития.

Национальная специфика становления социальной структуры нового типа в каждой отдельной стране во многом определяется исходным уровнем, который был перед революционными преобразованиями во всех сферах общества, прежде всего в экономике, а также социальными, общественно-политическими и идеологическими связями в обществе.

В отличие от большинства государств Центральной и Юго-Восточной Европы Чехословакия накануне второй мировой войны принадлежала к развитым капиталистическим странам. На долю промышленности там приходилось 57% произведенного национального дохода, а сельского хозяйства — 23%. При этом промышленное производство характеризовалось относительно высокой степенью концентрации, особенно в металлургической, машиностроительной и горнодобывающей отраслях¹. Вместе с тем для народного хозяйства буржуазной Чехословакии было характерно резкое различие в уровне социально-экономического развития индустриально развитых Чешских земель и Словакии, имевшей преимущественно аграрный характер. Удельный вес словацкой промышленности составлял

© М. И. Копашева, 1990.

лишь около 10% общего объема промышленного производства². Непропорциональное развитие экономики обеих частей страны усугубляло национальные противоречия, связанные с недооценкой самобытности словацкой нации.

Характеру экономики соответствовала социально-экономическая структура населения Чехословакии: в промышленности, ремесле и строительстве было сосредоточено 34,9%, в сельском хозяйстве — 34,6, в непроизводственной сфере — около 21% всего населения³. Таким образом, по сравнению с другими странами региона (за исключением Германии), в Чехословакии значительно преобладало население, занятое вне сельского хозяйства. Самой многочисленной социальной группой являлся рабочий класс, составлявший более 57% всего населения Чехословакии (по последней довоенной переписи 1930 года, численность населения ЧСР была около 14 млн чел.)⁴. 22,2% населения составляли мелкие и средние крестьяне, 8,2% — мелкая городская буржуазия, 0,5% — категория лиц свободных профессий. Господствующее положение в обществе занимал класс буржуазии, составлявший 5,5% населения (к правящему классу относились промышленная, финансовая и торговая буржуазия, крупные землевладельцы, высокопоставленные государственные чиновники). Ведущей группой класса буржуазии являлись представители в основном чешского финансово-монополистического капитала, контролировавшие ключевые отрасли экономики и определявшие политическое развитие страны в межвоенный период. Особым социальным слоем являлась внутренне дифференцированная (по социальному происхождению, профессиональной структуре и политической ориентации) интеллигенция, составлявшая 7,7% всего запятого населения⁵.

Различия в уровне социально-экономического развития Чешских земель и Словакии проявились и в структуре населения этих частей страны. В то время как в Чешских землях в промышленности, ремесле и строительстве было занято 41,4%, а в сельском хозяйстве — 25,5% всего населения, в Словакии эти показатели равнялись 19% и 57%⁶. При этом в Чешских землях удельный вес рабочего класса составлял 60,4% всего населения, мелких и средних крестьян — 17,3%, а в Словакии — соответственно 47,4% (причем большинство составляли сельскохозяйственные рабочие) и 37,5%⁷. Доля сельскохозяйственного пролетариата достигала там 24% экономически активного населения.

В социальной структуре доминиканской Чехословакской республики проявились антагонистические черты, свойственные капиталистическому обществу⁸. Главным антигопионистическим классовым противоречием являлось противоречие между буржуазией и пролетариатом, социальные противоречия переплетались с национальными.

Ликвидация Чехословакской республики в марте 1939 г. имела различные социально-политические последствия для чешского и словацкого общества⁹. В условиях режима протектората, установленного Германией на оккупированных Чешских землях, чешская буржуазия как класс в целом утратила свое монопольное положение в экономической и политической жизни. Внутри буржуазного лагеря произошла существенная перегруппировка сил. Большая часть финансово-монополистических кругов ради обеспечения своих классовых интересов перешла на позиции коллаборационизма. Тем самым основные интересы крупной буржуазии оказались в противоречии с государственными и национальными интересами общества.

Вследствие принудительной милитаризации экономики германским капиталом подвергалась разорению значительная часть средней буржуазии, связанной с отраслями легкой промышленности. Одновременно усилилась дифференциация мелкобуржуазных слоев общества. Основная масса городской мелкой буржуазии, не выдержавшая конкуренции с германскими монополиями, в том числе с немецким «средним сословием», становилась дополнительным источником рабочей силы для военного производства. Другая ее часть, принимавшая участие в обслуживании военных нужд германского фашизма, увеличивала свои прибыли.

Осуществлявшие управление страной в межвоенный период политические группировки в лице национально-демократической, аграрной и торгово-ремесленной партий представляли интересы правого крыла буржуазных кругов, которые проявили себя как откровенно антинациональная сила. Вместе с тем немалая часть средней и мелкой буржуазии, интересы которой оказались в прямом противоречии с интересами сотрудничавших с оккупантами политических группировок чешской крупной буржуазии, заняв антигерманские и антифашистские позиции, перешла в движение Сопротивления.

Немецко-фашистская оккупация и тоталитарный режим, установленный в Чешских землях, неодинаково отразились на положении интеллигенции и служащих. Значи-

тельная часть чиновников, численность которых в первые годы существования протектората увеличивалась, сотрудничала с оккупантами в аппарате управления. В то же время широкие слои интеллигенции, связанные с духовной жизнью нации, и прежде всего педагоги, журналисты, художественная и научная интеллигенция, уничтожались нацистами. Национальная катастрофа 1938—1939 гг. и оккупация оказали сильное воздействие на политическую ориентацию различных слоев интеллигенции, часть ее стала активной силой антифашистской освободительной борьбы¹⁰.

Установление тоталитарного режима и структурная перестройка экономики в соответствии с военными нуждами германского империализма оказали влияние на положение рабочего класса и его внутреннюю структуру¹¹. Значительная часть кадровых чешских рабочих была отправлена на заводы в Германию. Определенные перемещения произошли вследствие принудительного перевода рабочей силы на военные предприятия внутри страны. В результате этого рабочий класс пополнялся выходцами из других, прежде всего средних городских, социальных слоев чешского общества. Пролетариат оказался лишенным своих прежних демократических прав.

Утрата национальной независимости и коллаборационизм значительной части крупной буржуазии создали, таким образом, условия для отмежевания большинства нации от монополистических кругов и складывания на антифашистской национально-патриотической платформе широкого союза разнородных социальных слоев и групп общества. Интересы этих слоев объективно оказались в едином русле с интересами рабочего класса, социальное освобождение которого было связано с решением основной общенациональной задачи — восстановлением государственной независимости.

По-иному развивалась ситуация в Словакии. Создание в 1939 г. при покровительстве и участии фашистской Германии клеро-фашистского Словацкого государства породило, особенно в первые годы его существования, сильные национальные и социальные иллюзии у различных слоев словацкого общества. В силу этого в Словакии сложилась более противоречивая обстановка, чем в чешском обществе. Германизация экономики, проводившаяся в основном за счет чешского капитала, не затронула непосредственно экономических позиций словацкой буржуазии, сосредоточенной в среднем и мелком производстве. Более того,

численность словацких предпринимателей возросла в результате проводившейся «артизации» предприятий, банков и крупных ремесленных мастерских. По сравнению с Чешскими землями, в Словакии, таким образом, произошло укрепление экономических и государственно-политических позиций словацкой буржуазии как класса.

Укрепилось также положение словацкой интеллигенции и служащих, которые заняли места на государственной службе, освободившиеся после изгнания фашистами оттуда чехов. Численность работников квалифицированного умственного труда возросла по сравнению со временем буржуазной республики в результате создания новых словацких государственных и культурных учреждений¹².

В условиях военной конъюнктуры заметно увеличилась численность словацкого рабочего класса в промышленном производстве. Причем большая часть его нового пополнения оказалась занятой на относительно крупных предприятиях, находившихся в руках германских монополий.

Распространившиеся среди всех социальных слоев общества иллюзии относительно самостоятельного Словацкого государства, которые усиленно подогревались Глинковской словацкой народной партией, рассеивались постепенно, по мере проявления подлинной сути тоталитарного режима, зависимого от фашистской Германии¹³. Нараставшие в Словакии антифашистские настроения были присущи, однако, менее широкому, чем в чешском обществе, кругу социально разнородных сил.

Антифашистскую борьбу чехов и словаков против оккупантов, вылившуюся в 1944 г. в Словацкое национальное восстание, возглавил рабочий класс, руководимый коммунистами. Революционный взрыв, произошедший в Словакии в обстановке приближавшегося освобождения Чехословакии Советской Армией, положил начало антифашистской и антиимпериалистической по своему характеру народно-демократической революции.

Революционный процесс 1944—1948 гг. стал начальным этапом формирования качественно новой социальной структуры в Чехословакии. В этот относительно короткий по времени период произошло принципальное изменение положения рабочего класса в экономической и политической жизни общества. Еще в ходе антифашистского освободительного движения и политической борьбы внутри движения Сопротивления за программу коренных социально-экономических преобразований рабочему классу и его политическому авангарду — КПЧ — удалось установить

тесные связи со всеми патриотическими силами и объединить их в Национальном фронте чехов и словаков. Предложенные коммунистами концепции послевоенного устройства ЧСР способствовали укреплению коалиции рабочего класса с крестьянством, мелкой и частью средней буржуазии, поскольку они принимали во внимание интересы всех социальных слоев, участвовавших в движении Сопротивления¹⁴. Национальный фронт, являвшийся политическим выражителем классового и социального союза рабочего класса, крестьянства, прогрессивной интеллигенции, городских мелкобуржуазных слоев и части средней буржуазии, одновременно был блоком политических партий, которые принимали участие в антифашистской борьбе и намеревались строить народно-демократическую республику. В его состав вошли Коммунистическая партия Чехословакии¹⁵, ставшая самой влиятельной политической силой в стране, Чехословацкая социал-демократическая партия, Чехословацкая национально-социалистическая партия и Народная партия, действовавшие в Чешских землях, и две политические партии Словакии — организационно самостоятельная Коммунистическая партия Словакии и Демократическая партия¹⁶. Партии крупной буржуазии, предавшей национальные интересы, были лишены возможности участия в политической жизни.

На общедемократическом этапе революции, до февраля 1948 года, в Чехословакии были существенно подорваны политические и экономические позиции буржуазии как класса¹⁷. Новый лидер прогрессивных сил нации — рабочий класс — превратился из класса эксплуатируемого, лишенного средств производства, а в годы войны и демократических прав, в класс, овладевавший совместно со своими союзниками по Национальному фронту командными высотами в экономике. Подрыв базовых структур монополистического капитала начал осуществляться в Чехословакии с введения национального управления на предприятиях, являвшихся собственностью оккупантов и коллаборационистов. На основании декрета от 19 мая 1945 г. под национальное управление было взято 10 125 промышленных предприятий, на которых было занято около 1 млн рабочих¹⁸. В банковской системе под дейст-

¹⁴* В конце войны в рядах КПЧ состояло около 37 тыс. человек, а в августе 1945 г. — уже 712 тыс. (Очерк истории КПЧ. М., 1979. С. 242).

¹⁵* В 1946 г. в Словакии возникли две новые партии — Партия труда и Партия свободы, которые не пользовались, однако, серьезной поддержкой в массах.

вне этого декрета подпадала одна треть акционерного капитала. Установление национальных управлений на первом, так называемом национальном этапе национализации, проходившем под патриотическими, антифашистскими лозунгами, отстраняло от организации производства не только германский капитал, ранее контролировавший ведущие отрасли экономики Чехословакии, но и наиболее реакционные круги чешской и словацкой буржуазии.

Под давлением рабочего класса, добивавшегося национализации ключевых отраслей и всех крупных предприятий в промышленности и банков, принадлежавших отечественной буржуазии, 24 октября 1945 г. президентом Э. Бенешем были подписаны четыре декрета о национализации банков, страховых компаний, 27 отраслей промышленного производства и о конфискации имущества оккупантов и предателей. На основании октябрьских декретов из рук частного капитала была изъята вся финансово-кредитная система, страхование, горнорудная промышленность, шахты, энергетические ресурсы. Передаче государству подлежало также 76% химической промышленности, 73 металлургической, 63 промышленности стройматериалов, 58 кожевенной, 67 стекольной, 61 бумажной, 55% текстильной промышленности¹⁷. В большинстве отраслей были национализированы предприятия, где число занятых в одну смену составляло 300—500 человек, а в некоторых отраслях — 150—200.

В результате национализации промышленности 1945 г. предприятия обобществленного сектора составили 16,4% от их общего числа. Они охватывали 61,2% всех занятых и производили по стоимости 57% продукции отрасли. На долю частнокапиталистического сектора приходилось соответственно 49,23 и 27%¹⁸. Кроме того, 12,5% промышленного потенциала страны составили так называемые конфискаты — многочисленные средние предприятия, изъятые у оккупантов и коллаборационистов и не попавшие под действие закона о национализации. На этих предприятиях, находившихся под временным национальным управлением, было занято около 13% всех промышленных рабочих. Таким образом, капитализм в Чехословакии становился одним из экономических укладов переходного общества.

Все эти мероприятия народной власти проводились при активном участии органов рабочего класса на местах — фабрично-заводских комитетов, что было закреплено в законодательном порядке. Рабочий контроль в

промышленности и финансовых учреждениях осуществлялся также через представителей Центрального совета профсоюзов¹⁹. Таким образом, с самого начала революционного процесса в экономике Чехословакии произошли принципиальные изменения структуры собственности. Первый этап национализации и введение национальных управлений создали основу для формирования некапиталистических производственных отношений. Рабочий класс, установивший контроль в промышленности и финансовой системе, получил возможность вмешательства в сферу капиталистической собственности и экономических отношений.

Социальная революция рабочего класса слилась в единый революционный поток с борьбой трудящегося крестьянства за последовательное проведение земельной реформы. Летом 1945 года в Чехословакии началось осуществление глубоких демократических аграрных преобразований, в ходе которых были разрушены крупнокапиталистические структуры в сельском хозяйстве и остатки помещичьего землевладения. Подлинно демократический характер земельной реформы проявился в том, что практическое ее осуществление передавалось народной властью крестьянским комиссиям.

Аграрная реформа, проводившаяся в три этапа, имела существенные социальные последствия. Уже в результате проведения первого, антифашистского, этапа началось изменение социальной структуры деревни. На основании декрета от 21 июня 1945 года в общей сложности было конфисковано 2 946 395 га земельной собственности коллаборационистов, которая была передана за небольшой выкуп безземельным и малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим; 1726 тыс. га, большую часть которых составили лесные массивы, перешли государству. При этом основная масса конфискованной сельскохозяйственной земли (908 040 га) находилась в чешских пограничных районах, где средний размер наделов земли, изъятой у предателей, составил 8,3 га. В пограничных районах Словакии фонд земельной реформы был намного меньше (37 997 га) и надел достигал в среднем 5,4 га. Во внутренних районах Чешских земель и Словакии средний надел конфискованной земли составлял 2–2,5 га²⁰.

Одновременно с сужением сферы крупного землевладения, составлявшего в основном собственность немецких и венгерских помещиков и аграрной буржуазии, несколько снизилась аграрная перенаселенность в Словакии. Увели-

чился удельный вес средних крестьянских хозяйств в чешском пограничье.

Заселение конфискованных земель осуществлялось в чешских пограничных районах параллельно с переселением немецкого населения в Германию ²¹. Большинство переселенцев из внутренних областей Чехословакии составляли чешские и словацкие малоземельные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие, получившие от народной власти землю и сельскохозяйственное имущество на льготных условиях. В результате крестьянин-середняк в чешском пограничье стал надежным союзником рабочего класса.

Из 213 036 крестьянских семей, получивших конфискованную землю на первом этапе аграрной реформы, 109 040 поселилось в чешских пограничных районах, 7119 — в пограничных районах Словакии, 46 287 — во внутренних областях Чешских земель и 50 590 — внутри Словакии ²¹.

Летом 1947 г. КПЧ добилась проведения второго этапа аграрной реформы (так называемая ревизия аграрной реформы в довоенной ЧСР), что имело важное значение для завоевания на сторону рабочего класса основной массы среднего и мелкого крестьянства с целью создания решающего перевеса сил для мирного развития революции. Согласно закону от 11 июля 1947 г., вся земля сверх 150 га пахотной и 250 га всей сельскохозяйственной площади подлежала выкупу и передавалась в Национальный земельный фонд для распределения среди малоземельного крестьянства и сельскохозяйственных рабочих. В результате отчуждения 127 025 га обрабатываемой земли ее получили в собственность 100 310 новых владельцев; 839 686 га, преимущественно лесных угодий, стали собственностью государства ²². Таким образом был нанесен новый удар по помещичьему землевладению и ограничена социально-экономическая база капитализма в сельском хозяйстве.

---

²¹* В соответствии с решением Потсдамской конференции в период с осени 1945 до ноября 1946 г. из Чехословакии было переселено в Германию около 2,2 млн немцев из их общей численности в 2,5 млн человек. Немецким антифашистам было предоставлено право выбора страны проживания.

Вопрос о гражданах венгерской национальности решался путем частичного переселения и обмена проживавших в ЧСР венгров на граждан словакской национальности, живших в Венгрии.

Следствием социально-экономических преобразований, осуществленных после освобождения Чехословакии от фашизма и установления политической системы народной демократии в виде «диктатуры блока», явилось устранение наиболее острых классовых антагонистических противоречий. Одновременно происходило формирование новых социальных связей в обществе Чехословакии. В ходе борьбы за последовательное проведение аграрной реформы упрочился союз рабочего класса с трудовым крестьянством. В результате существенного ограничения позиций крупного капитала ослабла тенденция к пролетаризации городских мелкобуржуазных слоев, улучшилось их положение. Многочисленные мелкие частные предприятия (в Чешских землях, например, в конце 1946 г. насчитывалось 117 119 ремесленных мастерских с числом занятых 564 820 человек, кроме того, существовало 82 046 мелких торговых предприятий со 184 476 работниками и 42 229 разного рода других предприятий сферы обслуживания, в которых было занято 124 337 чел.²³⁾) были вовлечены народно-демократическим государством в решение задач восстановления и развития народного хозяйства. Изменился общественный статус различных категорий интеллигенции, занятых в обобществленном секторе экономики.

Осуществление КПЧ политики конструктивного компромисса между представителями основных общественных классов и интеллигенции, выработанного в условиях антифашистской борьбы, предопределило установление в Чехословакии народно-демократической власти — коалиционной власти демократического блока. Такое сочетание классовых и политических сил на начальном этапе революционного процесса позволило решать общедемократические задачи и в то же время способствовало сплочению вокруг рабочего класса и его политического авангарда трудового большинства общества²⁴⁾.

О произошедших сдвигах в социальном составе чешского и словацкого общества в годы войны и первых лет революции дают представление результаты переписей населения 1946—1947 гг. Согласно переписи 1947 г., в Чешских землях, где проживало 8,7 млн человек, рабочий класс составлял 53,3%, мелкие и средние крестьяне — 16,6, служащие (включая интеллигенцию) — 16, городские мелкобуржуазные слои — 14,1% населения²⁵⁾.

Колебания численности чешского рабочего класса в середине 40-х годов, помимо гибельных последствий войны и фашистской оккупации, были связаны с переселением

из Чехословакии в Германию около 650 тыс. промышленных рабочих немецкой национальности, с сокращением сельскохозяйственного пролетариата, а также с переходом части рабочих в социальные категории средних городских слоев (прежде всего в пограничных районах). В восстановительный период развития народного хозяйства численность рабочего класса начала возрастать за счет притока сельского населения (за первое послевоенное пятилетие из сельского хозяйства произошел отлив 843 тыс. работников), молодежи и женщин. В 1947 г. она достигла 1 млн 878 тыс., причем 64% из них составляли промышленные рабочие.

Изменение удельного веса мелкого и среднего крестьянства, как и сокращение доли сельскохозяйственных рабочих, явилось результатом осуществления земельной реформы, которая уменьшила социальную дифференцию в чешской деревне. Исчезла категория сельской бедноты, а крестьяне-середняки составили 46% всех земельных собственников.

Согласно данным переписи 1946 г., в Словакии, где проживало 3,4 млн человек, 37,5% населения составлял рабочий класс, 41,1 — мелкие и средние крестьяне, 9,4 — служащие (включая интеллигенцию), 12% — городские мелкобуржуазные и буржуазные слои²⁶. Таким образом, различные слои сельскохозяйственного населения по-прежнему преобладали в социальном составе словацкого общества. Причем и после проведения земельной реформы словацкая деревня осталась в основном мелкокрестьянской. Крестьянские хозяйства размером от 5 до 20 га составляли 33%²⁷.

Численность рабочего класса Словакии достигла осенью 1946 г. 569 тыс. человек, при этом 31% приходился на долю промышленных рабочих. Особенностью интеллигенции Чехословакии являлось ее демократическое происхождение — в основном это были выходцы из средних городских слоев и сельской мелкой буржуазии. Подавляющее большинство представителей этого социального слоя (среди чешской интеллигенции более 96%) имело статус работников наемного труда. В 1946—1947 гг. численность чешской и словацкой интеллигенции составляла соответственно 591,5 и 106,7 тыс. человек. Самой многочисленной ее профессиональной группой являлись административные работники в сфере государственного и общественного управления, что далеко не отвечало общественным потреб-

постям. У чешской интеллигенции ^{4*} эта категория составляла 71%, далее по удельному весу располагались группы технических специалистов, педагогов, священнослужителей, медиков, юристов ²⁸. Доля творческой интеллигенции была небольшой — около 2%, однако ее общественно-политическая активность была весьма высокой.

Революционно-демократическая интеллигенция, которая сформировалась в межвоенный период, а во время войны самоотверженно боролась против фашизма, затем включилась в строительство новой республики. Патриотически настроенная буржуазная интеллигенция ^{5*}, сотрудничавшая с прогрессивными силами в общей борьбе против оккупантов, также переходила на службу народно-демократическому государству. Признание широкими кругами прогрессивной интеллигенции новой политической системы, сохранившей традиционную многопартийность и допускавшей плюрализм взглядов (за исключением фашистской и другой реакционной идеологии) свидетельствовало о создании в стране благоприятных условий для развития революционного процесса. Часть интеллигенции, как и средних городских слоев, занимала выжидательную позицию. Тем не менее реакционным группировкам не удалось создать из них социальную опору.

После Февраля 1948 г. правительство Национального фронта приняло ряд новых законов, за которые шла длительная политическая борьба: о земельной реформе (третий этап демократической аграрной реформы), о национализации, закон о единой государственной школе и др. Закон о новой земельной реформе от 21 марта 1948 г. был направлен на полную ликвидацию крупного землевладения в стране. Максимальный размер земельного надела был определен в 50 га. Вся остальная земля выкупалась у прежних владельцев и передавалась пуждающемуся крестьянству. Трудовому крестьянству, а также государству было передано 700 тыс. га пахотной земли и лесов. В результате осуществления этого закона группа крестьянских хозяйств размером свыше 50 га сократилась по сравнению с 1930 годом на 23,8% ²⁹. Капиталистические элементы в деревне были представлены лишь 7,3% крестьянских хозяйств.

^{4*} Опубликованные данные переписи населения Словакии 1946 г. не содержат сведений о профессиональных группах интеллигенции.

^{5*} До национализации 1945 г. буржуазная интеллигенция в Чешских землях составляла всего 1,2% от ее общей численности.

Таким образом, в 1945–1948 гг. в Чехословакии была перераспределена значительная доля земли – 4,4 млн га сельскохозяйственных и лесных угодий. Из них – около 1,7 млн га сельскохозяйственной площади было передано малоземельным крестьянам и сельскохозяйственным рабочим. Важнейшим социальным последствием аграрной реформы было лишение экономических позиций крупных землевладельцев и «осереднячивание» деревни (прежде всего в Чешских землях). Удельный вес средних крестьянских хозяйств размером от 5 до 20 га увеличился в целом по стране по сравнению с 1930 г. на 19,7%, составив 27,5% от их общего числа; они располагали 34,9% земли³⁰. В то же время значительно уменьшилось число мелких и парцельных хозяйств: размером в 1–2 га – почти на 14%, а в 2–5 га – на 13%³¹.

На национализированной части земли (530 тыс. га сельскохозяйственных угодий) были созданы госхозы, работники которых влились в отряды рабочего класса и служащих. В 1950 году доля государственных хозяйств в Чехословакии составляла 8% всей сельскохозяйственной площади. В целом же аграрная реформа усилила мелкотоварный характер крестьянского производства.

Буржуазия была полностью лишена экономических позиций после осуществления второго этапа национализации. Согласно новому закону о национализации от 28 апреля 1948 г., в собственность государства переходили все предприятия, имевшие свыше 50 работников, а также вся внешняя и внутренняя оптовая торговля. В результате этой акции уже в конце 1948 г. доля государственного сектора в промышленном производстве составила 96,4%. В стране уже не существовало частных предприятий с более чем 20 занятыми рабочими³².

В торговом обороте доля обобществленного сектора достигла более 60%. В целом удельный вес социалистического сектора в произведенном национальном доходе страны возрос с 49% в 1947 г. до 70% в 1948 г., в нем было занято 46% всех трудящихся (в Словакии, где преобладали средние и мелкие предприятия, эти показатели составляли соответственно 60% и 26%)³³.

Итак, в Чехословакии после завершения глубоких социально-экономических преобразований – национализации промышленности, банков и осуществления демократической аграрной реформы – капитализм перестал быть экономической формацией и сложились три экономических уклада: общественный, капиталистический и мелко-

товарный. Причем уже на начальном этапе революционного процесса обобществленный сектор стал информационно определяющим^{6*}.

Рассмотрение социально-классового состава общества Чехословакии в период революционных преобразований 40-х годов показывает, что социальная база народной демократии в этой стране создавала благоприятные возможности для развития общественного прогресса. Установленная в республике власть демократического, антифашистского блока, «диктатура блока», опиралась на широкие социальные слои, существовавшие в преобладающей степени за счет собственного труда.

¹ Ekonomika průmyslu CSSR. Pr., 1964.

² Hospodářský vývoj Slovenska. Br., 1964.

³ Statistická ročenka Republiky Československé. 1935. Pr., 1936. S. 10.

⁴ Atlas obyvatelstva CSSR. Pr., 1962. S. 32.

⁵ Dynamika sociálnej štruktury v ČSSR. Br., 1968. S. 95.

⁶ Statistická ročenka Republiky Československé. 1935. S. 10.

⁷ Atlas obyvatelstva CSSR. S. 32.

⁸ Průcha V. Sociální struktura československé společnosti v předměstech republiky. Pr., 1970.

⁹ См.: Мурашко Г. П. Политическая борьба в Чехословакии в 1944–1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986. С. 16–42.

¹⁰ Hyršlová K. Česká inteligence a protifašistická fronta. Pr., 1985.

¹¹ Král V. Otázky hospodářského a sociálního vývoje v Českých zemích, 1938–1945. Pr., 1957. Díl 1.

¹² Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie. Pr., 1965. Díl 1. S. 234.

¹³ Barnovský M. Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944–1948. Br., 1978.

¹⁴ Мурашко Г. П. Политическая борьба... С. 79–80.

¹⁵ Cesar J., Snítíl Z. Československá revoluce 1944–1948. Pr., 1979.

¹⁶ Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. М., 1979. С. 189.

¹⁷ K dějinám socialistického Československa. Pr., 1986. S. 61.

¹⁸ Мурашко Г. П. Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. С. 201.

¹⁹ Vrablic E. Revolúcia a znárodnenie na Slovensku. Br., 1975. Felcman O. Český proletariát v boji za vítězství socialistické revoluce, 1945–1948. Pr., 1984.

²⁰ K dějinám socialistického Československa. S. 58.

²¹ Ibid.

²² Недорезов А. И.: Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954. С. 131.

²³ K dějinám socialistického Československa. S. 108.

^{6*} В задачу автора не входил анализ производственных отношений и экономических последствий широкого огосударствления средств производства в Чехословакии.

- ²⁴ Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Исторический феномен // Сов. славяноведение. 1987. № 6; Иванов А. Народная демократия: через коалиционные формы власти к социалистическим преобразованиям (Из опыта Народной Польши) // Сов. славяноведение. 1989. № 2.
- ²⁵ Soupisy obyvatelstva v Československu. V. 1. 1946–1947. Pr., 1951. S. 84–85, 114–115.
- ²⁶ Ibid. S. 23, 120–127.
- ²⁷ Cambel S. Slovenská agrárna otázka, 1944–1948. Br., 1972.
- ²⁸ Maňák J. Početnosť a struktúra české inteligencie v 1. 1945–1948 // Sociologický časopis. 1967. Č. 4. S. 405–409.
- ²⁹ Марьина В. В., Мурашко Г. П. Путь чехословацкого крестьянства к социализму. М., 1972. С. 29.
- ³⁰ Из истории социально-политического развития социалистических стран Европы. М., 1987. С. 25.
- ³¹ Марьина В. В., Мурашко Г. П. Путь чехословацкого крестьянства... С. 29.
- ³² Průcha V. et al. Hospodářské dějiny Československa v 19 a 20 století. Pr., 1974. S. 276.
- ³³ Statistická ročenka Republiky Československé. 1958. Pr., 1959. S. 30.

ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ ФОРСИРОВАННОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (1949—1956 гг.)

З. Козик

Процессы формирования социальной структуры польского общества являются темой многочисленных разработок демографов, социологов, экономистов Польши¹. Традиция исторических исследований этой проблематики уходит своими корнями в межвоенный период². Что же касается изучения изменений в структуре польского общества после второй мировой войны историками, то в этой области знаний указанная проблематика разрабатывается весьма робко и не без трудностей³. Между тем именно историки, анализируя общественные, политические и экономические процессы, применяя исторический метод анализа прошлого, могут внести определенный вклад в изучение социальной структуры польского общества. Такие попытки имеют место в Институте истории Польской академии наук. Однако результаты ведущихся работ можно ожидать лишь в будущем.

Уже в довоенных исследованиях польских историков подчеркивалось, что социальная структура общества и ее динамика — это не только результат воздействия на общество многообразных внешних факторов (например, индустриализации), чему обычно уделяется первостепенное внимание. Социальная структура — это совокупный эффект объективного развития самого общества, результат как самодеятельности людей, так и воздействия субъективных установок и обстоятельств⁴.

Такой подход, учитывающий диалектику связей между субъективным и объективным в историческом процессе, оказывается исключительно плодотворным при исследованиях социально-политических форм послевоенных обществ стран Восточной Европы, когда наряду с как бы спонтанными результатами объективных действий, важное место занимают ранее предусмотренные и сознательно направляемые людьми изменения. На это обращают внимание и социологи. Последнее, по их мнению, играет первостепенную роль⁵.

Способы осуществления социальной перестройки поль-

ского общества в послевоенные годы, приведшей к его коренным изменениям, отвечали принятым тогда на вооружение взглядам на пути достижения нового, справедливого строя. Это следует иметь в виду, возвращаясь к еще недавним оценкам значения методов социальной трансформации польскими обществоведами. Известный польский историк Е. Топольский это значение видел, например, в трех следующих, взаимосвязанных друг с другом характерных факторах:

«1. В принятии в качестве основного элемента, управляющего программой деятельности, целостного, основанного на марксистской аксиологии социалистического общества, к формированию которого следует стремиться.

2. В принятии в связи с этим принципа интегрального подхода к хозяйственным, общественным, культурным и другим реформам и действиям, которые должны вести к выполнению не только определенных задач в данной сфере, но одновременно к соответствующим изменениям во всем облике общества, придавая всему переплетению действий идеологическое и политическое выражение — как главенствующей цели.

3. В стремлении установить связи спонтанных процессов с принципом управления строительством нового общества»⁶.

До второй мировой войны польское общество по своему типу относилось к мелкобуржуазным. Крестьяне и мелкая буржуазия города составляли в целом около 63% населения⁷. Причем большая часть населения черпала основные средства существования в сельском хозяйстве. Крестьяне составляли около 50% жителей страны, а вместе с крестьянами-рабочими — около 60%, рабочий класс соответственно — 30,2, интеллигенция — 5,7, буржуазия — 0,9, помещики — 0,3%⁸.

Первый этап преобразования социальной структуры польского общества начался с возникновения Народной Польши и был связан с коренными социально-экономическими преобразованиями, развернувшимися после установления в июле 1944 г. народной власти. Это были прежде всего аграрная реформа и являвшаяся ее непосредственным результатом ликвидация помещиков, а также национализация ключевых отраслей крупной и средней промышленности, банков, страховых компаний, повлекшая за собой исчезновение средней и крупной буржуазии как класса. Представители бывших господствующих классов растворились в других группах польского общества.

Польские демографы, а также историки все еще довольно поверхностно подходят к изучению социальной структуры Польши в первое послевоенное пятилетие, т. е. в период, предшествовавший реализации программы ускоренного хозяйственного роста и индустриализации, повлекших за собой принципиальные изменения в социальном составе населения. Тогда, в 1945—1949 гг., произошел значительный рост городского населения. Трудности уточнения сопоставимых величин, показывающих этот процесс в сравнении с довоенным периодом, не позволяют дать точное их определение. Тем не менее из расчетов видно, что так называемый коэффициент урбанизации, т. е. процентное отношение городского населения ко всему населению страны, в период между 1945 и 1950 гг. увеличился с 31,8% до 39%⁹.

Это явилось главным образом следствием значительного миграционного движения в связи с изменением границ страны. Следует отметить, что рост городского населения не был еще результатом преобразований в экономике. Он был следствием перемен прежде всего в сфере политических отношений. К 1950 г. доля лиц, черпавших средства на существование из сельского хозяйства, значительно снизилась по сравнению с довоенным периодом и составляла лишь 47,1% общей численности населения¹⁰.

В первые послевоенные годы происходили изменения в области внутристатусовых структур, а также в образе жизни людей, занимаемой ими в государстве и обществе позиции. Это относится ко всем классам и слоям польского общества: рабочим, крестьянам, трудящейся интеллигенции, мелкой буржуазии и бывшим крупным собственникам.

Социально-профессиональное расслоение польского рабочего класса было вызвано ростом количества рабочих крупной и средней промышленности, исчезновением весьма многочисленной перед войной группы домашней прислуги, а также значительным снижением количества рабочих мелких ремесленных мастерских и выполняющих надомные работы. Коренным образом изменилась также позиция рабочего класса в обществе. Он составлял опору народной власти и нового строя, стал лидером нации, классом, руководившим общественным развитием государства.

Изменил свое место в обществе и класс крестьянства. Хотя в данном случае — в силу глубокого внутреннего

социального расслоения крестьян — изменения не были одинаковы для различных его прослоек. Наделение землей сотен тысяч безземельных семей в результате проведенной народной властью аграрной реформы сильно уменьшило численность существовавшего в межвоенной Польше сельского пролетариата. По этой же причине увеличение размеров многих мелких хозяйств, а также массовое поселение на воссоединенных с Польшей в 1945 г. исконно польских западных землях предопределяли улучшение материального положения значительной части крестьянства.

Иного рода изменения происходили в среде трудящейся интеллигенции. Здесь следует иметь в виду начавшийся существенный рост ее численности. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы, что было обусловлено новой концепцией функционирования экономики, опирающейся на обобществленный сектор, и связано с распределением функций и изменением роли государства. Только в промышленности количество занятых работников умственного труда увеличилось с 77,4 тыс. в 1945 г. до 205,9 тыс. в 1949 г.¹¹ Тогда был полностью использован профессиональный потенциал интеллигенции, несмотря на разнообразные — от глубоко консервативных до прогрессивных и демократических — политические позиции ее представителей.

Во второй половине 40-х годов стал заметным процесс перехода из рабочего класса и крестьянства в интеллигенцию. Причем последняя тогда была «подкреплена» наиболее динамичными элементами из этих классов. В процессе реализуемой народной властью программы социальной миграции в среду интеллигенции менялся социально-профессиональный статус рабочих и крестьян. Отныне многие из них занимались умственным трудом, переходя тем самым в новую культурную среду, повышая свою квалификацию, но понижая средний уровень квалификации интеллигенции. По сравнению с довоенным положением интеллигенция испытывала далеко идущий процесс эгалитаризма, который имел как экономические (уменьшение «ножниц» в доходах), так и культурные и бытовые последствия. Тогда же начала уходить в прошлое традиционная изоляция интеллигенции от классов, представители которых занимались физическим трудом. Свою роль сыграл также ее отказ от имевшей ранее место самоизоляции, чувства превосходства и т. д. Следует напомнить, что в ходе и в результате революцион-

ных преобразований прежней интеллигенцией был утрачен ее традиционный ориентир — бывшие господствующие экономически и политически классы.

Последующие изменения в социальной структуре польского общества были тесно связаны с первым этапом форсированной индустриализации, с развитием процесса общественно-политического преобразования сельского хозяйства. Программа ускоренного экономического развития страны конкретизировалась сначала в принятых на учредительном съезде ПОРП в декабре 1948 г. новых стратегических установках, а затем в плане социально-экономического развития на 1950—1955 гг. Предполагалось, что реализация содержащихся в этом плане основных положений будет означать построение в Польше основ социализма в материальной и духовной сферах. В докладе, прозвучавшем на I съезде ПОРП, речь шла о таких переменах, как значительное повышение уровня развития производительных сил с особым акцентом на производство средств производства; ограничение капиталистических элементов и лишение их серьезного влияния в какой-либо области народного хозяйства; существенный шаг вперед в области добровольного перехода мелкотоварного хозяйства на пути производственного кооперирования, устранения таким образом источников воспроизводства капитализма; значительное повышение материального благосостояния, улучшение жизненных условий и повышение культуры трудящихся¹².

Деятельность партии была направлена не только на преодоление экономической отсталости, на реализацию первого этапа форсированной индустриализации и преобразований в сельском хозяйстве. Она преследовала также цель создания в стране новой социально-классовой структуры. Таким образом, речь шла об обществе, которое посредством формирования нового профессионального и социально-классового состава населения могло стать в будущем качественно иным.

Основой создания фундамента нового общества и социально-классовой структуры Польши стал динамичный процесс индустриализации, который способствовал значительному росту занятости населения. За 6 лет занятость возросла на 2,2 млн человек, что превышало запланированные показатели¹³. Причем весь этот прирост приходился на обобществленный сектор экономики, исключая сельское хозяйство, в том числе почти половина этих людей влилась в промышленное производство.

Таким образом, ПОРП удалось решить трудную в общественном отношении проблему «лишних» рабочих рук в сельском хозяйстве, избежав при этом не менее отрицательного явления — безработицы в городе. Эта задача была реализована в условиях быстрого роста городского населения, с одной стороны, и внедрения в промышленность средств механизации — с другой. Нелишне заметить, что после второй мировой войны Польша относилась к странам с самым высоким естественным приростом в Европе. Удовлетворение быстрорастущих потребностей в рабочей силе, возникших в связи с индустриализацией, было обеспечено главным образом за счет массового притока населения из деревень, повышения профессиональной активности женщин, а также усилий ПОРП по обеспечению полной занятости среди городского населения. В 1950—1955 гг. свыше миллиона человек покинули деревню, а рост занятости женщин составил 84%, в результате чего их удельный вес в числе всех трудящихся значительно возрос и достиг в середине 50-х годов 33,3%¹⁴.

Вовлечение женщин в общественное производство наряду с хозяйственными задачами имело также цель реализовать на деле их равноправие в обществе. Одновременно создавались широкие возможности повышения их профессиональной квалификации.

В результате к 1955 г. безработица в Польше практически исчезла. Быстрый рост занятости несмотря на то, что некоторые его последствия могут быть оценены отрицательно (отток населения из деревень оказался в некоторых районах слишком большим и неблагоприятно воздействовал на сельскохозяйственное производство), все же в целом имел позитивное значение.

Принцип полной занятости всего трудоспособного населения стал очень важным преимуществом послевоенного общества. К решению этого вопроса партия всегда относилась с ответственностью, выступая против тех, кто, упуская из вида указанную позитивную сторону проблемы, выдвигал на первый план отрицательные последствия быстрого роста числа занятых в производстве и полного трудоустройства. Партия сознательно отказывалась от использования такого дополнительного стимулятора роста производительности труда и повышения его качества, как «резервная армия труда», излишки рабочей силы.

Важными, хотя и трудноизмеримыми, являются психологические последствия профессиональной активизации

трудящихся масс, которые оказывали самое непосредственное влияние на формирование новых личностных характеристик общества: широко задуманные планы послевоенного устройства укрепляли уверенность людей в получении работы и в стабилизации жизни. Последнее, в свою очередь, формировало индивидуальные и групповые установки людей, тем более что в общественном сознании понятие «работа в городе» ассоциировалось с реальным продвижением по социальной лестнице.

По мере роста занятости изменялась профессиональная структура населения, а также повышался уровень профессиональной подготовки и квалификаций работников. В 1950—1955 гг. 824 тыс. человек окончили профессиональные школы, а за 1951—1956 гг. народное хозяйство пополнилось более чем 40 тыс. инженеров. Это было в три раза больше, чем общее число инженеров, работавших в польской экономике в 1938 г. Выпускники профессиональных школ и высших учебных заведений составляли около 38% прироста занятости в период выполнения шестилетнего плана. Происшедшие изменения в структуре занятости привели к тому, что доля сельскохозяйственного населения в польском обществе снизилась с 48% в 1949 г. до 43% — в 1955 г., а несельскохозяйственного — возросла на 24%¹⁵.

В начале ускоренной индустриализации польское общество состояло из пяти основных классов и социальных слоев: рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и мелких товаропроизводителей в городе. Численность этой последней группы уже в первый период существования Народной Польши уменьшилась до минимальных размеров, изменился и ее облик. До войны она составляла 33% профессионально активного населения вне сельского хозяйства, в изучаемый период — около 2,6—2,7%¹⁶.

Класс капиталистов в городе, который еще в первые годы шестилетнего плана играл определенную хозяйственную роль в мелком промышленном производстве и различной торговле, к концу шестилетки был сведен к минимуму. Его представители были оттеснены на периферию общественной жизни. Ограниченный по численности и лишенный влияния на развитие экономики, этот класс не представлял собой серьезную общественную силу. Вместе с тем нельзя было забывать о его существовании, о воздействии на окружающих его образа жизни, норм поведения и системы ценностей. Значение последних следовало учитывать по мере возникновения возможностей

для развития мелкотоварного сектора хозяйства, что имело место на заключительной стадии выполнения шестипятилетнего плана, но в еще большей степени проявилось в следующий период, хотя никогда не выступало как существенный фактор общественных явлений.

В ходе индустриализации не только изменился состав и облик основных классов и социальных слоев, сформировавшихся в предыдущей общественно-экономической формации, но и началось формирование новой социально-классовой структуры польского общества. В результате индустриализации, создания новых регионов и промышленных центров, развития системы народного образования и изменения общественных отпосланий произошло довольно широкое перемещение части крестьянства и рабочих в ряды трудящейся интеллигенции. Продолжалось формирование промежуточных социальных групп, таких, как крестьянин-рабочий, крестьянин-служащий и рабочий-служащий. Одновременно произошло как бы переплетение характера всех классов и слоев общества. Проявлением этого было стирание или ликвидация острых классовых различий и барьеров, а также возникновение новых форм общественной дифференциации и новой социальной иерархии в обществе. Экономическая эксплуатация и старые социальные барьеры перестали быть определяющими в отношениях классов. В конце 1955 г. на частных предприятиях в городе было занято всего лишь 5 тыс. рабочих (в 1949 г. — 66 тыс.)¹⁷.

Изменялись также традиционные социально-классовые отношения в деревне. Уменьшалась дистанция между городским и сельским населением благодаря профессиональной занятости части сельского населения в городе. Речь идет прежде всего о молодежи, начинавшей трудовую деятельность вне сельскохозяйственного производства. Сельская молодежь, как и городская, получила широкий доступ к образованию всех уровней и возможность продвижения на новой работе.

В условиях быстрой индустриализации и проводившихся общественно-политических преобразований в сельском хозяйстве коренным образом изменился социальный облик и структура крестьянства. На селе появилась новая социальная группа крестьян — членов производственных кооперативов, а также рабочих государственного сектора сельского хозяйства. Возникли анклавы, где на базе общественной собственности складывались новые производственные отношения. Из этого вытекала новая система

мышления, иное отношение к труду и т. д. В деревне исчезала классовая эксплуатация. По подсчетам того времени, в конце шестидесятых на селе объектом капиталистической эксплуатации было около 2% крестьянских семей и столько же семей использовало труд паемных рабочих, хотя эксплуатация имела теперь более мягкие и завуалированные формы¹⁸.

Укрепилась в первой половине 50-х годов экономическая позиция крестьян-середняков, главным образом в результате целенаправленной политики народного государства, основывавшейся на принципе союза рабочих с малоземельными крестьянами и середняками. По своему общественному положению середняки заменили в новых условиях количественно и экономически очень ограниченную прослойку богатых крестьян, численность хозяйств которых уменьшилась тогда на 25%¹⁹.

Наиболее существенные изменения произошли в положении крестьян — владельцев малых и карликовых хозяйств. Доминирующую позицию среди семей, ведущих такие хозяйства, стали занимать такие, для которых сельское хозяйство перестало быть единственным источником средств существования. Их члены получили дополнительную или даже основную работу вне сельского хозяйства. Это оказало решающее влияние на изменение их экономического положения в деревне, где к середине 50-х годов сформировались две социально близкие категории населения: крестьяне-рабочие и крестьяне, работающие в общественном секторе. По данным, относящимся к 1957 г., доля таких семей на селе в разных регионах страны составляла от 40 до 80%²⁰.

Работа выходцев из деревни вне сельского хозяйства давала постоянный доход и высокоценимое ими социальное обеспечение в случае потери трудоспособности и по старости. В сознании крестьян эти две проблемы всегда занимали очень важное место, ранее всегда вызывали большую озабоченность и чувство неуверенности в завтрашнем дне. Кроме того, работа вне сельского хозяйства обеспечивала этой группе крестьян иную общественную позицию в деревне, более выгодную по сравнению с той, которую определял труд по найму у сельских богачеев. Это новое явление сильнее всего проявлялось в восточных и северных, а также в западных и центральных районах Польши.

Некоторая часть малоземельных крестьян (количество их хозяйств за 1950—1955 гг. увеличилось на 20%)

в результате протекционистской политики государства смогла обеспечить самоокупаемость своих хозяйств и независимость от зажиточных крестьян. Малоземельные хозяйства составляли почти половину всех индивидуальных крестьянских хозяйств, в них проживала 1/3 общего числа крестьян-единоличников и членов их семей²¹.

В среде малоземельных крестьян продолжалась дифференциация. При этом главные факторы, определявшие темпы и объем дифференциации, находились вне села и предопределялись развитием промышленности, экономической политикой народного государства. В результате реализации стратегических установок программы ПОРП исчезали пролетарские элементы в деревне. Подобный процесс на другом ее полюсе происходил с капиталистическими элементами. Доля полупролетарских семей среди единоличников снизилась в рассматриваемый период почти до 2%²².

Таким образом, заметным был процесс видоизменения довоенного крестьянства. Во главу угла вместо факторов, вызывавших его классовое расслоение, теперь выдвинулись факторы, основывавшиеся не на социальной, а на профессиональной дифференциации.

Под воздействием указанных выше процессов, а также в результате значительного уменьшения перенаселения деревни заметно улучшилось материальное положение тех слоев сельского населения, которые до сих пор составляли группу позажиточных крестьян. По крайней мере 1 млн выходцев из сельского населения обеспечил прирост занятости вне сельского хозяйства²³.

Перемены коснулись и интеллигенции. Как известно, она понесла огромные потери во время второй мировой войны и фашистской оккупации Польши и составляла теперь группу, насчитывающую по всей вероятности около 350 тыс. человек²⁴. В ходе борьбы за установление и упрочение народной власти с общественной ареной были устранины бывшие господствующие классы — буржуазия и помещики. В довоенной Польше интеллигенция играла по отношению к ним служебную роль, ориентируясь на их систему ценностей. Вместо этих классов в обществе появился новый лидер — рабочий класс с собственной системой и критериями ценностей, со своим образом жизни. Несмотря на характерную для интеллигенции прогрессивность, эта социальная группа должна была преодолеть множество комплексов и трудностей в процессе поиска своего места в новых общественно-политических условиях Народной Польши.

Задачей революционной партии рабочего класса и государства, так же как и в первые послевоенные годы, было привлечение как можно большего числа представителей интеллигенции на сторону народной власти и включение их в функционирование общественной системы. Этому была подчинена и борьба ПОРП за развитие интенсивного процесса идеальной переориентации польской интеллигенции. Несмотря на памятавшееся в 1949—1952 гг. недоверие государственной власти и партии к так называемой старой интеллигенции, политика ПОРП в отношении интеллигенции имела в целом позитивные результаты. Произошли значительные изменения в сознании многих ее представителей, которые одобряли новое направление развития страны. Ранее других политику ПОРП поддержала техническая интеллигенция, принимавшая непосредственное участие в переустройстве общества. Этому особенно способствовала политика индустриализации Польши, а также активное участие рабочего класса в ее реализации.

Одновременно в широком масштабе развивался процесс демократизации всей сферы умственного труда, главным образом вследствие притока в нее представителей рабочего класса и крестьянства. Все это вместе взятое открыло возможность действительного сближения интеллигенции с рабочими и крестьянами, сокращения существовавшей в довоенной Польше дистанции между ними, а также ликвидации свойственных эксплуататорскому обществу межклассовых барьеров.

Демократизация сферы умственного труда осуществлялась прежде всего посредством довольно широко применявшейся практики поручения передовым рабочим руководящих и организаторских должностей. В результате несколько тысяч политически активных рабочих стали руководителями и организаторами во многих областях экономической и политической жизни. Это диктовалось необходимостью формирования в кратчайшие сроки новых по социальному статусу руководящих кадров. Таким путем в те годы осуществлялось общественное продвижение представителей рабочего класса, увеличивалась численность новой интеллигенции и одновременно демократизировалась сфера умственного труда. В преобладающем большинстве случаев такое продвижение было устойчивым и обоснованным, хотя и осуществлялось в условиях острой необходимости.

Численность интеллигенции стремительно увеличивалась, что было связано с возникновением и развитием системы планового хозяйства, а также со значительным расширением сферы государственного и общественного управления. В 1956 г. группа интеллигенции, обслуживающая систему управления, составляла 8,1% общего числа населения страны, в то время как в 1931 г.— лишь 2,1%²⁵.

Изменения внутри социальной прослойки интеллигенции происходили в условиях реализации народной властью всеобщего доступа к образованию. На рубеже 50—60-х годов была введена новая система образования в школах всех типов и уровней. Содержание преподавания и воспитания соответствовало идеально-политическим принципам нового строя, задачам ускорения развития. При поступлении в высшие и средние специальные учебные заведения преимущества предоставлялись рабочей и крестьянской молодежи, которая также имела права на первоочередную материальную помощь со стороны государства. Получившая образование в таких условиях молодая интеллигенция первой половины 50-х годов составляла около 147 тыс. человек с высшим и 336 тыс.— со средним профессиональным образованием. 50—60% ее являлись выходцами из среды рабочего класса и крестьянства²⁶. Новое поколение интеллигенции, выросшее при народной власти, естественно, склонялось к поддержке строя и обслуживающей его идеологии, так как с ними идентифицировались теперь представления молодежи не только о собственном общественном продвижении, но и о своих целях и жизненных устремлениях. Следует добавить, что в эти годы происходило изменение традиционного профессионального облика польской интеллигенции: ее преимущественно гуманитарная направленность меняется на техническую и экономическую.

Все эти факторы уже в период осуществления шестилетнего плана привели к тому, что интеллигенция перестала быть изолированной от широких трудящихся масс и сословно замкнутой группой, имевшей якобы особое общественное сознание, а также чувство превосходства по отношению к трудящимся массам и особую историческую миссию в польском обществе. Ее состав теперь определялся прежде всего различными профессиональными группами, выполнявшими специализированные задачи. Место и общественный престиж все в большей степени стали

обуславливаться общественным разделением труда и важностью задач, реализовывавшихся в ходе индустриализации во имя удовлетворения стремлений и запросов польского народа.

Решающую роль в осуществлении коренных перемен в социальной позиции рабочего класса сыграли школы и институты повышения квалификации, труд на обобществленных предприятиях с принципиально иными, по сравнению с капиталистическим обществом, производственными отношениями, а также изменение всей общественной инфраструктуры. Новое отношение почти ко всем основным жизненным ценностям и проблемам несла в свой класс прежде всего рабочая молодежь, начинавшая профессиональную деятельность будучи уже воспитанной в условиях нового строя. Роль молодежи среди рабочих увеличивалась с каждым годом, вплоть до принятия ее представителями фактического руководства производством. С этой точки зрения процесс смены поколений в рабочем классе усилился во второй половине 50-х годов. Говоря о переменах, произошедших к середине 50-х годов в облике, составе, численности и внутренней структуре рабочего класса, не следует упускать из вида и такие, как переход из его рядов в среду интеллигенции наиболее опытных в жизненном и классово-политическом отношении рабочих, как большой приток в ряды рабочего класса лиц, происходящих из деревень, и незначительный приток из мелкой буржуазии и довоенного люмпенпролетариата.

Эти последние изменения вызвали неоднозначные социологические и психологические последствия. Вливавшиеся в ряды рабочего класса представители мелкой буржуазии города и деревни привносили определенные установки, навыки, а также систему оценок действительности, которые под влиянием условий промышленного производства и рынка труда, под воздействием факта общения с новой техникой, а также своеобразного общественного микроклимата на промышленных предприятиях, в свою очередь, не только изменялись, но и оказывали влияние на психологию кадровых рабочих. Следует также иметь в виду низкий, по сравнению с потребностями промышленного производства, уровень общего образования и отсутствие профессиональной квалификации у этих категорий трудящихся. В новых условиях жизни и труда, а также под воздействием участия в командно-админист-

ративной системе управления формировалась их индивидуальные и групповые ориентиры и представления.

Имевшее место привнесение в ряды рабочего класса элементов сознания других общественных классов привело к определенным отрицательным последствиям. В образе мышления рабочего закреплялись социальные стереотипы крестьянства и мелкобуржуазных городских масс, в том числе глубокая религиозность и восприимчивость к влиянию церкви. Вместе с тем среди кадровых рабочих, сформировавшихся в условиях капитализма, происходило постоянное сопоставление представлений о справедливом обществе и социалистическом строе, вынесенных из прошлого, с реальной действительностью нового строя, с итогами первой фазы форсированной индустриализации.

В результате быстро начала складываться новая, во многом противоречивая общественная модель рабочего: с одной стороны, активного производителя национального достоинства, а с другой — лишь в незначительной степени участника организации производства и управления страной. Это были очень существенные диспропорции данной модели. Руководящая роль рабочего класса реализовалась в первой половине 50-х годов в значительно большей мере при помощи партии и государственной власти, чем в результате непосредственного участия его представителей в работе органов управления. Это явилось результатом реализации тезиса о том, что в социалистическом государстве общественная, хозяйственная и политическая системы автоматически действуют в соответствии с основными интересами рабочего класса.

Чрезвычайно важным фактором в рассматриваемые годы явился бурно развивавшийся процесс индустриализации, который сопровождался техническим прогрессом, изменениями в принципах организации труда на основе современной техники, а также ростом уверенности в том, что надлежащая профессиональная подготовка и образование обеспечат рабочему классу возможность овладения новой техникой.

Возникновение и развитие новых промышленных отраслей вызвали появление неизвестных ранее профессий, а также усложнение квалификационной структуры рабочего класса. Значительно повысился уровень профессионального образования не только молодых, но и учившихся без отрыва от производства кадровых рабочих. Была развернута система повышения квалификации всех отря-

дов рабочего класса. Изменились прежние и сложились новые критерии его внутренней дифференциации, в большей мере определявшиеся профессиональной квалификацией, местом и характером работы, степенью сложности и творческого вклада в ее выполнение, чувством ответственности за ее результаты.

Основной группой сформировавшегося таким образом рабочего класса стали рабочие, непосредственно занятые в материальном производстве, прежде всего в крупной и средней промышленности. Высокий общественный престиж, подкрепленный соответствующим уровнем заработной платы, а также значительными привилегиями формального и материального плана, получили профессии шахтера, кораблестроителя и металлурга, о чём свидетельствовало создание так называемых хартий горняка и кораблестроителя в 1949 и 1951 гг. Особенно престижной стала профессия горняка.

Изменения в общественном положении рабочего класса не были однозначными. Исчезли многие черты,ственные паемным рабочим довоенной Польши, была дёкларирована его решающая политическая роль. Но реальная значимость этих изменений сильно снижалась параллельно развивавшимся процессом перехода политической и экономической власти новым классом — бюрократией.

В результате возрастания доли промышленного отряда, роста числа рабочих и городских агломераций в целом произошел быстрый процесс пространственной концентрации рабочего класса. Возникали, как правило, новые сосредоточения рабочих на строившихся или реконструировавшихся промышленных объектах. Это придавало новые качества рабочему классу как главному социологическому фактору, влиявшему на характер и дальнейшее развитие городских агломераций.

Итак, в первой половине 50-х годов произошли кардинальные изменения в общественно-профессиональной и социально-классовой структуре Народной Польши. Рост рядов рабочего класса свидетельствовал о том, что совершилось перемещение крупных групп людей из отсталых в техническом, социально-экономическом и культурном отношениях областей профессиональной занятости в обобществленное промышленное производство, находившееся на более высоком техническом уровне, и в общественную среду с высоким уровнем цивилизованности и культуры.

Стремительные темпы урбанизации страны и миграция населения способствовали исчезновению прежних об-

щественных барьеров и уменьшению традиционного разрыва между городом и деревней.

Все это были признаки интенсивно развивавшегося, хотя и во многом противоречивого процесса продвижения Польши от отсталого аграрно-индустриального к индустриальному типу общества с соответствовавшей ему социально-классовой структурой.

¹ Przemiany społeczne w Polsce Ludowej. W-wa, 1965; Szczepański J. Zmiany w strukturze społeczeństwa polskiego w procesie uprzemysłowienia. W-wa, 1973; Widerszyl S. Przeobrażenia struktury społecznej w Polsce. W-wa, 1974; Wiatr J. Społeczeństwo. Polityka. Nauka. W-wa, 1973.

² Tymieniecki K. Procesy twórcze kształtowania się społeczeństwa polskiego w wiekach średnich. W-wa, 1921; Maciszewski J. Szlachta polska i jej państwo. W-wa, 1986; Jędruszcza H. Zatrudnienie a przemiany społeczne a Polsce w latach 1944–1950. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972; Żarnowski J. Społeczeństwo II Rzeczypospolitej, 1918–1939. W-wa, 1973; Pamiętnik Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie 9–12 września 1968: Referaty i dyskusja. W-wa, 1971.

³ Важными работами в этой области являются: Jędruszcza H. Op. cit.; Polska Ludowa, 1944–1950. Przemiany społeczne. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974.

⁴ Topolski J. Procesy twórcze kształtowania się socjalistycznego społeczeństwa polskiego (1944–1974) // Społeczeństwo Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. W-wa, 1977. S. 9.

⁵ Szczepański J. Polish Society. N. Y., 1971. P. 193.

⁶ Topolski J. Procesy... S. 12–13.

⁷ Żarnowski J. Społeczeństwo... S. 32; другие авторы оценивают даже в 72%.

⁸ Ibid.

⁹ Polska Ludowa, 1944–1950. S. 179.

¹⁰ Ibid. S. 176.

¹¹ Jędruszcza H. Zatrudnienie... S. 388.

¹² Ustawa o planie 6-letnim. Opracował Kozik Z. Lublin, 1980. S. 47.

¹³ Ryć K. Spożycie a wzrost gospodarczy Polski. W-wa, 1968. S. 71.

¹⁴ Rocznik statystyczny, 1957. W-wa 1958. S. 217.

¹⁵ Kozik Z. PZPR w latach 1954–1957. W-wa, 1982. S. 106.

¹⁶ Widerszyl S. Przeobrażenia... S. 251.

¹⁷ Kozik Z. PZPR... S. 108.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Gałęski B. Społeczna struktura wsi. W-wa, 1962. S. 78.

²¹ Dziewicka M. Zmiany struktury społecznej małorolnego chłopstwa w Polsce Ludowej // Ekonomista. 1957. N 3. S. 129–141.

²² Społeczno-ekonomiczna struktura wsi w Polsce. W-wa, 1968. S. 70.

²³ Frenkiel J. Zatrudnienie w rolnictwie polskim. W-wa, 1968. S. 70.

²⁴ Szczepański J. Polish Society. P. 29.

²⁵ Kozik Z. PZPR... S. 112.

²⁶ Świecki A. Oświata i szkolnictwo w XXX-leciu PRL. W-wa, 1975. S. 251.

КРЕСТЬЯНЕ-РАБОЧИЕ В ПОЛЬШЕ (50—60-е годы)

Х. Слабек

Значение крестьян-рабочих в социальной структуре Народной Польши обусловлено прежде всего той социально-экономической ролью, которую они сыграли и играют в жизни общества. Нас же крестьяне-рабочие интересуют главным образом потому, что они как бы олицетворяют собой процесс преобразования крестьянского общества в общество индустриальное. В коллективной судьбе польских крестьян-рабочих, говоря условно, находит свое преломление прошлое (крестьянское) и будущее (рабочее) этого общества. В данной статье освещены лишь некоторые аспекты проблемы.

* * *

В 50-е годы польское село пребывало еще на том этапе развития, когда паряду с непрерывной миграцией крестьян в город сотни тысяч их совмещали работу, выполняемую в единоличном хозяйстве, с работой вне его. Опп именовались сначала крестьянами-рабочими, позднее получили позвание население двух родов занятий.

Сравнительно быстро определились три отличительных признака категории крестьян-рабочий: небольшая площадь собственной земли; занятие, чаще всего главы семьи, дополнительным трудом; ведение хозяйства не с целью производства продукции на рынок, а главным образом с точки зрения необходимости прокормить собственную семью¹. В результате дальнейших исследований выяснилось, что понятие «крестьяне-рабочие» недостаточно четко и адекватно передает существенные характеристики данной категории населения. Она оказалась более неоднородной и дифференциированной, требующей учета таких факторов, как место и роль крестьян-рабочих в семье (глава или член семьи), характер выполняемой работы (умственная, физическая), характер и вид работы (постоянная, сезонная, в промышленности, в ремесле и т. п.); площадь единоличного хозяйства, размер личных доходов (от хозяйства и дополнительного труда), условия дополнительного труда (квалификация, место работы, должность,

© Х. Слабек, 1990

расстояние от дома до места работы, условия проезда на работу) и т. п.

По сведениям известного польского аграрника Д. Галая, крестьяне-рабочие — это те собственники земледельческих хозяйств (главы семей), которые постоянно занимаются дополнительным трудом, «не связанным с сельским хозяйством»². Сотрудники Института экономики сельского хозяйства — ИЭСХ (В. Галенски, А. Шемберг, А. Выдерко) — исключали из категории крестьян-рабочих семьи, земельные наделы которых составляли менее 0,5 га или заработка которых не превышал 10% стоимости производимой ими сельскохозяйственной продукции. Кроме несельскохозяйственного населения (а также владельцев участков земли площадью до 0,49 га) и настоящих крестьян (которые также подрабатывают вне своего хозяйства, однако их заработка не превышает 10% стоимости производимой ими сельскохозяйственной продукции), в материалах ИЭСХ выделялись земледельческие семьи, занимающиеся подработкой, и семьи, уходящие на заработки. В их пользовании находятся хозяйства площадью более 0,5 га, а побочный заработка достигает или превышает 60% стоимости производимой ими сельскохозяйственной продукции³. Критерий доходов послужил Главному статистическому управлению ПНР основой для дифференциации населения двух родов занятий на крестьян-рабочих (собственное хозяйство для них основной источник существования) и на рабочих-крестьян (их заработка превышал доход от хозяйства).

Доля заработка в общем доходе семей двух родов занятых уменьшалась одновременно с ростом площади хозяйства. Исследования, проведенные А. Шемберг, показывают, что семьи, владевшие от 0,5 до 2 га земли, как правило, не были земледельческими, так как заработка плата составляла около 57% их доходов. Иное положение сложилось в группе хозяйств размером от 2 до 5 га: их владельцы основную часть своих доходов (68%) получали от производимой ими сельскохозяйственной продукции⁴.

Ряд исследователей, обращавших внимание прежде всего на место и характер работы как основу дифференциации, используют более конкретные определения: крестьяне-работники умственного труда, крестьяне-рабочники физического труда, крестьяне-ремесленники, крестьяне-служащие и т. п.

Неопределенность критериев, использовавшихся при составлении статистических таблиц, значительно затрудняет их практическое применение, в том числе и в данной статье.

Масштабы явления. Интенсивное развитие занятости крестьян в несельскохозяйственных отраслях народного хозяйства особенно значительно видоизменило социально-профессиональную структуру сельского населения в том случае, когда темпы урбанизации отставали от темпов индустриализации. То, что люди оставались на селе по необходимости (отсутствие условий для проживания в городе) или в результате сделанного ими осознанного выбора, способствовало росту числа семей двух родов занятых также и в наиболее развитых промышленных странах, в которых происходил процесс концентрации земель. Этот процесс наблюдался начиная с 30-х годов в большинстве стран Западной Европы. В 1967 г. в странах Европейского экономического сообщества в среднем 28% всех собственников хозяйств имели побочные доходы, в том числе: во Франции — 19%, в Голландии — 25, в Италии — 30, в Бельгии — 35, в ФРГ — 36%⁵.

В довоенной Польше также существовала группа населения, получавшая добавочный заработок в сельском хозяйстве и вне его. В 1931 г. ее численность составила более 550 тыс. человек. С другой стороны, в то время дополнительную работу вне сельского хозяйства из них имел возможность получить лишь один на сто человек, что фактически означало невозможность таким путем улучшить условия жизни крестьян.

Кроме того, крестьянское население двух родов занятых, составлявшее лишь небольшой процент «лишних» в сельском хозяйстве людей (5—9%), нередко выступало в качестве конкурирующей рабочей силы, как по отношению к безработным горожанам, так и по отношению к своим более бедным соседям. Данная ситуация имела разнообразные отрицательные последствия⁶.

В Народной Польше группа крестьян-рабочих быстро возрастила. Поначалу военные разрушения затрудняли активное участие населения в работе по второй профессии. Однако успешное восстановление промышленности способствовало такого рода активизации населения. Группа крестьян-рабочих, заработки которых, полученные вне хозяйства, составляли основной источник средств существования, насчитывала 477,3 тыс. человек в 1950 г., и 601,4 тыс. спустя 10 лет (т. е. рост составил 26%)⁷.

Хозяйства всех крестьян-рабочих, а следовательно, и тех, для которых дополнительный труд являлся побочным источником средств существования, составляли в 1950 г. около 15%, а в 1960 г. около 25% от всех хозяйств страны. Количество населения двух родов занятый, т. е. общее количество занимающихся дополнительным трудом глав и членов семей, возросло более чем в два раза. В конце 50-х годов постоянно подрабатывали вне хозяйства около 1 млн человек и занимались дополнительным трудом около 800 тыс. человек, т. е. всего 1,5—1,8 млн человек, в том числе, по данным М. Дзевицкой, только в группе крестьян-рабочих, владевших наделами размером 0,5—4 га, насчитывалось около 819 тыс. глав семей⁸.

Процент крестьян—работников умственного труда, вначале довольно значительный (около 20%), постепенно снижался.

В сельском хозяйстве и строительстве значительно чаще, чем в промышленности, население привлекалось к выполнению сезонных работ. Однако возможности этого вида трудовой деятельности были ограниченными: почти 90% пришедших на заработки зачислялись на постоянную работу.

Рост численности крестьянского населения двух родов занятых сопутствовал значительному развитию внесельскохозяйственных отраслей народного хозяйства. Он явился выражением как новых возможностей села, так и неизменно значительных неудовлетворенных его потребностей.

В условиях, когда доходы крестьянских семей были на 20—30% ниже, чем в городе, почти любая работа (либо в промышленности, либо в сфере обслуживания) была притягательной уже только по той причине, что давала заработок. Поэтому дополнительным трудом занимались все, чьи силы неполностью поглощало собственное хозяйство. Это делалось тем более охотно, что не теряя земледельческого хозяйства и крестьянского двора, они не подвергали себя риску, который нес с собой новый, неизвестный им социальный и профессиональный статус. Готовность сельского труженика перейти на положение крестьянина-рабочего поддержало своими действиями государство, планировавшее создание как можно большего количества рабочих мест, независимо от развития жилищного строительства и инфраструктуры. Крестьяне-рабочие трудились в городе, не пользуясь при этом ни его социальными учреждениями, ни дефицитными рабочими местами

для своих жен и взрослых дочерей, остававшихся в деревне. Бесспорное и совершенно очевидное в 50—60-е годы совпадение стремлений обеих сторон — вот едва ли не основная причина значительного роста числа крестьян-рабочих в Польше.

Побудительные причины ухода на заработки и внутренняя структура группы крестьян-рабочих были дифференцированы. Одним из критерии этой дифференциации наряду с многочленностью семьи, занимаемым в пей местом, временем начала работы являлась площадь хозяйства.

Чаще всего к дополнительному труду приступали лица из самых мелких хозяйств, располагавших относительно большим избытком рабочей силы и не обеспечивавших семьям сносного прожиточного минимума. Влияние аграрной структуры на масштабы ухода на заработки (хотя бы по той причине, что в ней опосредованно отражен потенциал свободной рабочей силы) констатируют все исследователи. Особенно активно дешевую рабочую силу использовали в 50-е годы, когда в соответствии с программой социально-экономического развития государство стремилось ускорить индустриализацию слаборазвитых и переселенных аграрных районов.

Важной детерминантой, особенно внутри определенных групп хозяйств, являлась численность семьи и возрастная структура ее членов. Исследования подтвердили предположение о том, что многочисленная семья чаще и в большем объеме выдела в работе в городе источник заработка. Удалось также дифференцировать мотивации обращения к дополнительному труду. К примеру, молодых и не имеющих своей семьи людей соблазнял не только заработка. Определенная часть их питала надежду получить благодаря новой работе специальность и квалификацию, изменить круг общения, более интересно проводить свободное время и т. п. Тем не менее преобладающее большинство молодых людей (75—85% опрошенных) устраивались на вторую работу главным образом для того, чтобы увеличить свой личный доход.

С течением времени в сферу действия двойного труда попадало все большее количество семей, материальное положение которых было сносным. А ведь в конце 40-х годов ситуация была иной: тогда дополнительным трудом занимались главным образом очень бедные люди. Наряду с традиционной беднотой на заработки тогда уходили владельцы разоренных или попросту фиктивных

хозяйств. На основании изучения их автобиографий социолог так представил их положение: «Мало земли, земля неважная, малоурожайная, заболоченная, нередко раздробленная на несколько небольших участков. Разваливающиеся хозяйствственные постройки, однокомнатный жилой дом, нередко с глиняным полом. Все это — убогое наследие прежних времен»⁹.

«География» проживания крестьян-рабочих обуславливала степенью аграрного перенаселения, а также спросом народного хозяйства, главным образом промышленности, на рабочую силу. Наиболее широко дополнительный труд, если иметь в виду исключительно трудоустройство вне сельского хозяйства, был распространен на юге страны: на севере он был наименее интенсивным; на остальной территории его состояние можно характеризовать как промежуточное между вышеуказанными. Иной, в известной степени неожиданной, была «география» применения двойного труда, особенно если учесть также и дополнительный труд, выполняемый в сельском хозяйстве (чаще всего в госхозах). В этом случае картина менялась: показатель численности крестьян-рабочих в северных воеводствах относился к числу самых высоких.

Уход на заработки и хозяйство. Весьма разнообразная взаимосвязь, существовавшая между уходом на заработки и ведением хозяйства, почти в каждом случае обуславливала способом расходования заработанных денег. Уже после первой получки крестьянин-рабочий сопоставлял свои неизменно скучные финансовые возможности с потребностями и определял фактические приоритеты в области расходов, связанных либо с необходимостью поставить на ноги, как правило, запущенное хозяйство, либо же с ростом потребления. Именно несоразмерность возможностей и потребностей приводила к тому, что в течение определенного времени предстояло расходовать средства на все понемногу: трудно было отказаться от покупки фуражка, найма лошади для вспашки земли, починки протекающей крыши, но, с другой стороны, трудно было отказаться и от покупки обновки детям или от увеличения всегда скромных закупок продовольствия.

В первой половине 50-х годов выделение части заработка на укрепление земледельческого хозяйства было повсеместным явлением. Это признавали все наблюдатели и исследователи. Однако спорным оставался вопрос о сумме вкладываемых в хозяйство денег и особенно о направлениях их использования. Все больше привержен-

цев приобретал тезис о том, что, по крайней мере, те крестьяне-рабочие, в доходах которых превалировала заработка плата, тем меньше заботились о своем хозяйстве, чем теснее связывали свое будущее с работой во внесельскохозяйственных отраслях. Распространение получило также и противоположное мнение.

При сопоставлении результатов деятельности традиционных земледельческих хозяйств и хозяйств крестьян-рабочих по отдельным районам исследователи вначале не уделяли должного внимания двум факторам, имеющим в данном случае принципиальное значение, а именно: состоянию хозяйства, владелец которого еще не начал заниматься дополнительным трудом, а также качеству земли.

Между тем даже беглые наблюдения свидетельствовали о том, что, особенно в начале 50-х годов, старались уйти на заработки главным образом те хозяева (в том числе середняки и даже владельцы крупных земельных наделов), у которых плохо шли дела. Среди основных причин, которые в то время обуславливали низкий уровень земледелия и отсутствие достатка в семье, паряду с малоземельем следует назвать плохие условия, в которых начиналась трудовая деятельность (например, хозяйства были разрушены и разграблены оккупантами), двойное палогообложение (парцелл и части поселенческих хозяйств), чрезмерное налогообложение части наследственных владений (ошибки в социальной классификации земель, высокая налоговая прогрессия, познанчительные льготы тем собственникам, па которых обрушились непредвиденные бедствия). Также следует учитывать, что в селах, расположенных на бедных почвах, стремление крестьян уходить на заработки проявлялось наиболее сильно. Значение имели, кроме того, отсутствие навыков в содержании индивидуального надела или же неспособность к этому (главным образом у части бывших фольварочных рабочих).

Следовательно, сопоставление хозяйств с учетом только их размеров как раз и может ввести в заблуждение. Так было в тех районах, где среднеземельные, но не успевшие обзавестись инвентарем и помещениями владельцы парцелл массово уходили на заработки, а гораздо более зажиточные владельцы наследственных дворов, также принадлежавшие к среднему крестьянству, сохраняли свой статус. Или же, когда даже в пределах одного села, не говоря уже о более крупных административных единицах, преобладающее большинство земельных участ-

ков крестьян-рабочих имел, например, почвы V класса, т. е. худшего качества, а земельные владения настоящих крестьян относились к более высокому III классу. Случалось, притом нередко, и так, что хозяйственныестроения, принадлежащие крестьянам, уходившим на заработки, были некомплектными, в худшем, чем у других односельчан, состоянии, а земли — запущенными. Во всех этих случаях принятие площиади хозяйства в качестве критерия для сравнения являлось ошибочным, так как это вело к сопоставлению в сущности несопоставимых показателей.

По данным единственного в этом роде исследования, в течение пяти лет почти четвертая часть крестьян-рабочих бросила работу в городе. Вероятнее всего, соответствующий процент среди уходивших на заработки малоземельных и среднеземельных крестьян был значительно выше. Вместе с тем и процент заново приступающих к работе был выше именно у этой категории крестьян. Группа средне- и крупноземельных крестьян-рабочих постоянно пополнялась за счет владельцев более слабых хозяйств. Выходили из нее наверняка те (если не принимать во внимание превратности судьбы, внезапное ухудшение здоровья и т. п.), кто именно благодаря городскому труду сумел в такой степени поправить свое материальное положение, что земледелие стало для него рентабельным. Уловить данные реалии в статистике невозможно, но в какой-то степени это позволяет сделать изучение документов личного характера, особенно воспоминаний или дневников крестьян.

Попытки полностью порвать с сельским хозяйством наталкивались на такие препятствия, преодолеть которые чаще всего не удавалось. Ведь только незначительная часть крестьян-рабочих могла надеяться на получение или приобретение квартир в городе. Да и их заработка в большинстве случаев не гарантировал обеспечения содержания семей. Авторы воспоминаний (ими чаще всего являлись владельцы карликовых участков) образно писали о дополнительном труде как о том, что невозможно «ни полюбить, ни бросить». Некоторые из них действительно имели возможность расширить хозяйство, однако в первой половине 50-х годов такая перспектива прельщала немногих. Вероятно, к этой группе принадлежала часть анкетируемых, а она составила почти половину всех опрошенных, которая намеревалась и в будущем оставаться в положении крестьян-рабочих.

Направления деятельности крестьян-рабочих со средними и крупными наделами земли крайне отличались друг от друга. Повседневность таких крестьян-рабочих была подчинена решению проблем, связанных главным образом с земледельческим хозяйством, возникавших не только под давлением обстоятельств (выполнение срочной работы, связанной с уходом за инвентарем, и т. п.), но и в результате выбора сельского хозяйства в качестве перспективного для себя занятия.

Малоземельные крестьяне-рабочие представляли собой промежуточную, в известной степени переходную группу. Одни из них, имея постоянные и хорошие заработки, сокращали площадь обрабатываемых земель, причем в некоторых промышленных районах, например в Опольском, этот процесс получил широкий размах. Другие либо продолжали заниматься двойным трудом, сохраняя или увеличивая размер надела, либо же решались избрать для себя исключительно сельскохозяйственный труд.

Анализируя воспоминания крестьян-рабочих, социологи обратили внимание на то, что описание работ в собственном хозяйстве встречается гораздо чаще, чем описание труда на предприятии (данный факт мы условно определим как давление обстоятельств). Объяснение, видимо, следует искать в особой ритмичности и обременительности сельскохозяйственного труда. Внимание к хозяйству связано с особым положением в нем крестьянина-рабочего. Если на предприятии он почти всегда выступал в роли подчиненного исполнителя, то у себя в деревне, хотя бы в собственном восприятии, крестьянин-рабочий был сам себе «господином и повелителем». Занимаясь сельским трудом, он обладал определенным объемом знаний. На предприятии же ему чаще всего приходилось выполнять простую работу, изнуряющую своей монотонностью. Иначе было на селе, где он выступал в качестве производителя, торговца, экономиста, юриста. Наряду с тем, что он был вынужден преодолевать трудности, миражи природой, ему приходилось самому решать сложные вопросы установления деловых связей с организациями и учреждениями. Поэтому воспоминания крестьян-рабочих о труде в сельском хозяйстве отнюдь не были случайными.

Фактически каждый третий автор воспоминаний о последствиях двойного труда рассказывал о расширении и укреплении своей земельной собственности. Характерным являлось также то, что многие владельцы крупных

хозяйств, полагая, что их ведение является исключительно перспективным, время от времени уходили на заработки, чтобы добыть средства для капиталовложений. Причем эта категория крестьян-рабочих отдавала преимущество капитальным вложениям производственного назначения (строительство хозяйственных зданий, покупка оборудования и машин и т. п.). Часть заработка использовалась также для покупки земли, расходовалась на содержание семьи, уплату долгов.

Нам кажется обоснованным высказанное относительно этой категории людей утверждение, что в симбозе крестьянина и рабочего, как правило, доминировал первый. Однако встает вопрос, трудился ли он на благо модернизации сельского хозяйства?

Уход на заработки сильно изменил положение крестьянина: он имел больше денег, зато одновременно болезненно ощущал нехватку времени и сил; расширял прямые контакты с окружающим миром, однако происходило это за счет сокращения доступа к науке и культуре. Новые потребности, возможности и ограничения видоизменяли его притязания, запросы, достижения.

Крестьянин-рабочий, особенно владелец крупного хозяйства, со временем начинал больше заботиться об облегчении тяжелых условий труда, а не об его эффективности. Не особенно обращая внимание на расходы, крестьяне-рабочие охотно вводили механизацию труда, так как успели убедиться в ее эффективности. Их отличала большая восприимчивость к новинкам техники, они в целом шире ее использовали. В то же время крестьяне-рабочие уступали крестьянам в использовании нововведений в самом процессе сельскохозяйственного производства, к примеру в области разведения и откорма животных, севооборота зерновых и т. п.

Анализ мемуарных источников подтвердил мнение о том, что навыки, полученные крестьянами-рабочими на производстве, положительно отразились на сельском строительстве. Каменщики, электрики, сантехники способствовали распространению новых образцов застройки и оборудования домов, в частности подведению центрального отопления, канализации. Судя по воспоминаниям, крестьяне-рабочие являлись деревне пионерами современного способа потребления, а это в определенной степени оказывало дополнительное воздействие также и на общую культуру ведения сельского хозяйства.

Уход на заработки и семья. Для снижения, а затем и ликвидации аграрного перенаселения дополнительный труд имел столь же большое значение, как и окончательный уход населения из сел. До 1960 г. в города переселилось более 2,5 млн человек, а число крестьян, подрабатывающих вне земледелия, составляло около 2 млн. В подавляющем большинстве случаев эти люди являлись лишними в сельском хозяйстве и тем самым были обречены на нищету. Крестьянская молодежь, получив работу в городе, приобретала пользующееся всеобщим признанием место в обществе и в новой ситуации могла избавить себя от подстерегающих ее опасностей: чувства собственной неполноценности, певерия в каноны социального общежития, жизни одним днем, утраты веры в лучшее будущее и т. п. Если взять только лишь предотвращение потенциальных бед и несчастий как один из результатов ухода на зарплатки, то и в этом случае трудно переоценить его значение.

Заработка плата существенным образом воздействовала на дифференциацию материального положения семей. Согласно данным А. Выдерко, в среднем по стране самый высокий доход имели семьи крестьян-рабочих, владевшие обычно хозяйством площадью более 2 га. Крестьянские семьи, несмотря на то, что преобладающее большинство их владело средними и крупными хозяйствами, занимали по доходам второе место. Зато рабочие-крестьяне, владевшие площадями до 2 га, довольствовались самыми низкими в среднем по стране доходами^{9а}.

Рост доходов замечали все, однако обеспечивался он ценой чрезмерной физической нагрузки. Доказательный материал дают воспоминания крестьян-рабочих. Однако уяснить сущность и масштаб явления помогает статистическая информация о характере предприятий, на которых трудились крестьяне-рабочие, об их удаленности от места жительства и т. д.

Результаты исследований, проведенных А. Выдерко, хотя они в определенной степени и нетипичны¹⁰, свидетельствуют о том, что крестьяне-рабочие в меньшей мере были заняты трудом в промышленности и строительстве, чем предполагалось (28,5% от общего числа работающих). В масштабе всей страны они составляли довольно большой процент среди работников сельского хозяйства (21%), ремесленников (6,5%) и лиц других профессий (34%). Зато неожиданно большая часть крестьян-рабочих (мужчин) занималась подработкой на селе (46,8%), при этом

соответствующий процент среди женщин, уходящих на заработки, был еще выше (58%).

Что касается проезда на работу, то почти 38% от общего числа работающих крестьян могли пешком добираться до предприятий, расположенных в той же местности (31,5%) или в ближайших окрестностях (6%). Остальные пользовались услугами железных дорог и государственного автотранспорта 40,4%, транспортными средствами, принадлежащими предприятиям 5,1%, или добирались собственным транспортом 16,6%. Таким образом, из опрошенных А. Выдерко людей почти каждый второй проделывал длинный и трудный путь на работу.

На условия работы определенное воздействие оказывала также квалификация работников. По результатам обследования, проведенного Р. Турским в 1960 г., из около 16–17% глав семей служащими являлись 15,1% и занимались узкоспециальным умственным трудом 0,5%. В остальной части подрабатывающих крестьян неквалифицированные рабочие (47,3%) явно преобладали над квалифицированными (32,4%) ¹¹. Среди детей крестьян, также занимавшихся подработкой вне хозяйства, служащие составляли 25,1%, а специалисты – 1,3%. Более благоприятно, чем у глав семей, складывалось у них и соотношение между квалифицированными (35,4%) и неквалифицированными (33,5%) рабочими.

В 50-е годы, на наш взгляд, не менее половины крестьян-рабочих выполняли простые, тяжелые земляные, транспортные, дорожные и т. п. работы. Такого рода занятия, если они сочетались с утомительной дорогой на работу, с трудом в хозяйстве, ставили крестьянина-рабочего и его семью в чрезвычайно тяжелое положение. Многочисленные и выразительные отзвуки этого мы находим в крестьянских документах личного характера.

Оказавшийся в новой для себя среде крестьянин, живший прежде в соответствии с правилами, выработанными традициями, природой, особенностями условий деревенской жизни, вначале испытывал потрясение. Его настолько поражали шум, гам, грохот, что казалось, будто «в любую минуту можно лишиться чувств» или «совсем сойти с ума». «Я с ужасом, — писала одна из мемуаристок, работавшая текстильщицей, — глядела на эти машины; грохот неописуемый, душит попавшая в горло пыль. В душе я уже решила, что наверняка не стану здесь работать, не выдержу. Однако проходит день за днем, а я работаю» ¹². Не менее поражали постоянная спешка, навя-

зываемый машинами темп работы, ритмическое напряжение сил в процессе повторяющихся утомительных операций.

Нередко крестьянин-рабочий наталкивался на неприятности и трудности, создаваемые новой социальной средой. Оценка его поведения и работы в соответствии с более жесткими требованиями, высмеивание слабостей, упущений и погрешностей, упреки в получении дополнительных доходов с хозяйства, а также исключение по этой причине части крестьян-рабочих из числа награждаемых и премируемых — все это порождало, особенно у впечатлительных и чутких людей, чувство обиды, несправедливости и одиночества. Такое состояние не являлось преходящим, так как в основу взаимоотношений, как верно заметил Б. Голембовски, были заложены определенные противоречия¹³.

Однако особенно мучительным для крестьян-рабочих было накапливающееся переутомление и постоянная нехватка времени. Терпя непомерные тяготы, они составляли общество «засыпающих людей» — сон настигал их в поездах, автобусах, на остановках, подчас и в придорожных канавах. У них не было свободных от работы дней. Парадоксально, но нередко самая трудная работа приходилась именно на время отпуска, который они брали на период жатвы или уборки овощей. У отпускников, возвращавшихся с «отдыха на свекле», врачи предприятий обычно констатировали сильное переутомление. Поэтому не случайно каждый четвертый автор воспоминаний описывает усталость, болезни.

Так как среди крестьян-мужчин, по данным Выдерко, подрабатывающих в городе, насчитывалось в пять раз больше (28,6%), чем среди женщин (5,4%), на плечи последних ложилось все больше забот по ведению сельского хозяйства.

В высокоразвитых странах непрерывно нарастал процесс отхода женщин от сельского хозяйства. В Швеции и Голландии женщины работали в нем в течение дня соответственно 2,5 и 3 часа. В общем количестве активно работающих в этой отрасли во Франции женщины составляли в 1962 г. всего 33%. В Скандинавии увеличивался процент фермеров-холостяков (до 30%), так как невест отпугивала перспектива сельскохозяйственного труда.

В Польше же сохранилась противоположная тенденция, продолжительность работы крестьянки возрастала.

Количество часов, затрачиваемых ею в течеие дня на работу, в среднем возросло с 14 (1931—1935 гг.) до 15 час 15 мин (1958—1967 гг.). Происходило это главным образом по причине участия мужчин в дополнительном труде.

Несмотря на негативные последствия такого положения (ослабление внимания к вопросам воспитания детей, нехватка времени для ведения домашнего хозяйства, поддержания гигиены и т. п.), социологи констатировали тем не менее наличие определенных положительных сторон участия женщин в занятиях двух родов.

Прежде всего модифицировались или даже совершиенно изменились роли, которые играли в хозяйстве мужчина и женщины. В случае, когда дополнительным трудом занималась только женщина, рушилось освященное традицией разделение труда на «бабий» и «мужицкий». Все реже наблюдалась картина, описанная стариком-крестьянином из села Милеев: «Никто не осуждал мужика за то, что он сидел на кухне и одну за другой курил папиросы, время от времени поплевывая на пол. А в это же время его жена носила воду, кормила свинью, поднимала и двигала чугуны с картошкой. Ведь это был естественный порядок. Нарушить его означало навлечь на себя всеобщее осуждение, подорвать нравственные устои, обычай, стать объектом издевательств и даже посмешищем для всей деревни»¹⁴.

Необходимость заставляла мужа брать на себя основные «бабы» дела и он деградировал как «глава семьи» в тем большей степени, чем больше денег вносила жена в совместное хозяйство. Однако со временем чувство своеобразного унижения трансформировалось в мужчину гордость. Парадоксальным образом жена превратилась в «хозяйку дома».

В противоположной ситуации, которая встречалась в пять-шесть раз чаще, когда крестьянином-рабочим становился мужчина, функции, выполняемые им прежде в хозяйстве, брала на себя жена: она выполняла мужскую работу, производила покупку удобрений, инвентаря и т. п. Теряло силу деление дел на чисто мужские и женские; их выполнение диктовалось просто-напросто повседневной необходимостью, стремлением не довести хозяйство до запустения. В то же время решающее слово, как правило, по-прежнему оставалось за мужчины.

А как оценивало ситуацию само сельское население? Мы попытаемся ответить на этот вопрос, опираясь на ре-

зультаты исследований Д. Галая в 1963 г. Большинство всех опрошенных в ходе этих исследований, приблизительно 55—75%, назвали в качестве причины совмещения двух родов занятий необходимость, под которой подразумевалось бедственное положение семьи. Меньшинство, хотя и немалочисленное, от 16 до 27%, связывали с совмещением занятий надежду на повышение продуктивности своего хозяйства. При этом от 40 до 50% считали, что уход на заработки положительно влияет на состояние хозяйства. В группе хозяев, владевших площадью от 0,5 до 2 га, так думали 46%, от 2 до 5 га — 44,7%, от 5 до 10 га — 31,4%, более 10 га — 24%. Однако почти такое же количество опрошенных, 35—40%, высказали мнение, что совмещение двух родов занятий снижает ценность хозяйства как производителя продукции.

В преобладающем большинстве случаев (70%) крестьяне-рабочие заявили, что их одновременно притягивает работа как в хозяйстве, так и вне его, и что они намереваются сохранять сложившийся таким образом свой социально-профессиональный статус. Особенно отчетливо такая ориентация проявилась среди старших по возрасту лиц, среди сравнительно более образованных, отличавшихся большей активностью в общественной жизни, а также среди владельцев крупных хозяйств.

Кандидаты в крестьяне-рабочие отличались более низкой общественной и профессиональной активностью. Трудности в развитии хозяйства они связывали с чрезмерной задолженностью и малыми размерами наделов. Реальную возможность добиться улучшения условий жизни семьи они усматривали в работе вне хозяйства¹⁵.

В целом можно констатировать, что занятие двумя видами труда, особенно в 40—50-е годы, — это многоплановое явление и в общем положительное. Подработка служила дополнительным или основным источником получения средств существования, создавала возможность интенсифицировать сельскохозяйственное производство, позволяла рационально использовать рабочую силу, устраивала аграрное перенаселение и т. п. Одновременно она влекла за собой ряд отрицательных последствий: чрезмерную физическую и психическую нагрузку, подрыв здоровья, отсутствие надлежащих условий для самосовершенствования, снижение социальной активности и т. п. Однако в восприятии социологов, и что самое важное, в восприятии самих крестьян положительная сторона все-

таки преобладала: тридцать лет назад занятие двойным трудом ассоциировалось по меньшей мере с шансом добиться в жизни успеха; с возможностью выдвинуться в обществе.

Уход на заработки и фабрика. Общественное положение крестьян-рабочих. В конце 50-х годов крестьянское население двух родов занятых составляло по меньшей мере четвертую часть общего количества работников физического труда, занятых в промышленности, ремесле и торговле. Экономисты были единодушны относительно того, что из трех исходных источников накопления в указанное время: резкое ограничение потребления бывшими привилегированными классами; пресечение оттока ценностей за рубеж в форме прибыли, уплаты долга и процентов по займам; более интенсивное использование постоянного капитала — последний начинал приобретать все большее значение. В условиях перехода к ускоренному экономическому развитию использование имеющихся ресурсов крестьянской рабочей силы представляло собой исходный пункт роста капиталовложений. Размер капиталовложений первоначально зависел главным образом от дополнительного труда, доля которого в приросте чистой продукции промышленности составляла 54% в период шестилетки (1950—1955 гг.) и 25% в 1956—1960 гг. Свообразие первоначального накопления в тех условиях позволяло очень быстро увеличивать затраты на капитальные вложения (например, в 1949—1963 гг. они возросли более чем в два раза) еще и потому, что оно базировалось на массовой занятости людей, согласных на тяжелую работу за минимальное вознаграждение.

Роль, которую играло население двух родов занятых на промышленных предприятиях, оценивалась по-разному. Нередко положительные оценки соседствовали с крайне отрицательными. Трудно было определить, кто прав, так как проводившиеся исследования носили фрагментарный характер, ими были охвачены отдельные предприятия или, самое большое, отдельные промышленные центры.

Широкие исследования в масштабах всей страны, как представляется, позволили бы сделать вывод, что постепенно крестьянское население двух родов занятых становилось частью производственных коллективов и трудилось не менее продуктивно, чем остальные. Крестьяне-рабочие, с детских лет привыкшие выполнять тяжелую физическую работу и не считаться со временем, все же ис-

пытывали значительные трудности при выполнении производственных норм. Однако это известное различие между ними и рабочими они компенсировали напряженной работой, приложением в процессе производства больших усилий в течение более длительного времени¹⁶.

Труд крестьян-рабочих был дешевле по многим принципам. Прежде всего крестьяне, занимавшиеся трудом двух родов, лишь в незначительной степени участвовали в разделении общественного фонда потребления. Крестьяне-рабочие не получали специальных надбавок, выплачиваемых предприятием или государством в форме услуг (детские ясли и сады, различные студии, кружки, курсы для молодежи или дома культуры и т. п.). Они не вводили предприятие в расходы, связанные с затратами на создание работникам условий для отдыха и развлечений. Чаще всего, как уже говорилось, крестьяне-рабочие были вынуждены удовлетворяться «отдыхом на свекле», так как они представляли собой единую социально-профессиональную категорию, для которой время, свободное от работы, означало необходимость приступать к новому труду, нужному в хозяйстве.

Планы создания и развития тяжелой промышленности можно было выполнять, причем форсированно, ибо существовала возможность наплыва в город почти исключительно мужской рабочей силы. Жены и подрастающие дочери крестьян-рабочих не становились в городскую очередь за работой, за покупками продовольственных товаров или, что было не менее важным, за квартирой. Именно благодаря этому при тогдашнем распределении капиталовложений можно было отдавать предпочтение так называемым капитальным вложениям производственного назначения вообще, и особенно вложениям в металлургию, тяжелое машиностроение и горнодобывающую промышленность.

Судя по сообщению печати, часть крестьян-рабочих, по-видимому, непрерывно уменьшавшаяся, не получала вознаграждения, соответствовавшего ее квалификации и выполняемой работе. На некоторых предприятиях пользовались незнанием или стеснительностью крестьян-рабочих для незаконного вычета причитающихся им сумм. Крестьяне-рабочие, добившиеся значительных успехов в труде, передовики производства, становились объектами зависти. Нередко таких людей «как богачей» не продвигали по работе, обходили при выплате премий, распределении дополнительного заработка и т. п. Парадоксально,

по факт: крестьянин-рабочий, образцово выполняя работу одновременно на предприятии и в хозяйстве, передко именно поэтому не мог надеяться на должное признание. Представитель этой социальной категории, даже работая посредственno, в совокупности создавал больше, чем просто крестьянин или просто рабочий, а его индивидуальное участие в формировании национального дохода было еще больше. Оно складывалось из следующих компонентов: стоимость продукции, производимой в хозяйстве и на предприятии, плюс разница в объеме услуг, предоставляемых крестьянину-рабочему и рабочему, минус возможная разница в стоимости продукции, производимой в среднем хозяйствами крестьянина-рабочего и крестьянина.

Даже если предположить, что продуктивность крестьянина-рабочего и как земледельца, и как рабочего ниже на 10%, то и тогда созданная им стоимость будет в несколько раз больше стоимости, созданной крестьянином, который вел хозяйство примерно такого же размера¹⁷. При этом в группах хозяйств, сравнивавшихся по размеру площади, семья крестьянина-рабочего хотя и потребляла действительно больше, все же ее участие в накоплении средств было самым высоким, так как глава семьи участвовал в нем и как земледелец, и как рабочий.

Если бы только труд служил основанием для наград, то на крестьян-рабочих ордена должны были бы посыпаться дождем. Это было бы логично, тем более что они, будучи выходцами из довоенной бедноты, относились к категории сельского населения, идейно наиболее близкой партии рабочего класса. Труд и заслуги крестьян-рабочих не были оценены по достоинству. Более того, средства массовой информации почти не замечали их. Почему так случилось?

О крестьянах-рабочих сложилось много необъективных мнений, притом не только в той среде, в которой они трудились. Население сел, где крестьяне лишь эпизодически становились крестьянами-рабочими, обычно неприязненно относилось к ним. То же самое повторялось и на промышленных предприятиях. При этом односельчане фактически не знали своего соседа как рабочего, а коллеги на предприятии, в свою очередь, не знали его как земледельца. Не случайно, и это весьма симптоматично, в течение долгих лет даже научные работники дробили ту целостность, какой являлся крестьянин-рабочий: его в отдельности подвергали анализу то как земледельца,

то как рабочего. Критические оценки, относившиеся только к одной из сторон деятельности крестьян-рабочих, безосновательно обобщали, способствуя распространению необъективных выводов и стереотипов. Лишь в отдельных научных работах, написанных в 70-е годы, проблема крестьян-рабочих была рассмотрена с позиции и сельского хозяйства, и промышленности, следовательно, в истинной, двойной перспективе. Но и после этого ничего не изменилось — средства массовой информации по-прежнему проявляли непонятную сдержанность. Не потому ли, что феномен крестьян-рабочих, не вписываясь в привычную схему основных социальных групп, должен быть объективно охарактеризован и по достоинству оценен? А может, потому, что именно эта социально-профессиональная категория, все же в определенном смысле анахроничная, оказалась незаменимой опорой народного хозяйства Польши?¹⁸

¹ См.: *Gałęński B.* Z badań nad przemianami społeczno-ekonomicznej struktury wsi // *Myśl filozoficzna*. 1956. N 6. См. также публикации М. Дзевицкой и Д. Галая.

² *Gałaj D.* Chłopi-robotnicy wsi płockiej. W-wa, 1964. S. 6.

³ *Wyderko A.* Czynnik ludzki w rolnictwie chłopskim. W-wa, 1973. S. 205.

⁴ *Szemberg A.* Aktualne kierunki przemian w strukturze agrarnej indywidualnego rolnictwa // *Studia i materiały Instytutu Ekonomiczki Rolniczej (IER)*. 1969. Z. 185.

⁵ См.: *Strużek B.* Przemiany społeczno-ekonomiczne w rolnictwie Polski // *Polityka rolna PRL*. W-wa, 1974. S. 176; *Kolbusz F.* Rozwój przemysłu a kształtowanie się struktury agrarnej wsi // *Wieś współczesna*. 1964. N 5–6; *Mandecki S.* Zagadnienia wielkości gospodarstw rolnych w świetle zmian w strukturze agrarnej niektórych krajów zachodnich // *Zagadnienia Ekonomiki Rolnej*. 1957. N 4.

⁶ См.: *Zagadnienia Ekonomiki Rolnej*. 1952. N 1. S. 48.

⁷ *Adamowski Z., Lewandowski J.* Rolnictwo polskie w dwudziestopięcioleciu. W-wa, 1970. S. 203.

⁸ Согласно оценке М. Дзевицкой, основанной на данных анкетирования, проведенного Институтом экономики сельского хозяйства в 1957 г., количество населения, трудом которого было охвачено два занятия, исчислялось в 1,6–1,7 млн человек (*Dziewiecka M.* Gospodarstwa chłopskorolnicze w Polsce i ich perspektywy rozwojowe // *Wieś współczesna*. 1962. N 8. S. 7–8). По данным З. Adamowskiego и Ю. Lewandowskiego, такого рода население составляло 1,5 млн человек (*Adamowski Z., Lewandowski J.* Rolnictwo polskie... S. 203) по данным А. Шемберг — 1,8 млн человек (*Szemberg A.* Zmiany struktury agrarnej a założkowanie ludności wiejskiej.— *Wieś współczesna*. 1961. N 3); С данными А. Шемберг согласен Ф. Колбуш (*Kolbusz F.* Rolnicza ludność dwuzawodowa w Polsce... // *Chłopi-robotnicy*. W-wa, 1973. S. 13–34).

- ⁹ Grzelak Z. Przed bramą i pierwsze kroki na nowym // Chłoporobotnicy o sobie... W-wa, 1974. S. 23.
- ^{9a} Wyderko A. Czynnik ludzki... S. 187–188.
- ¹⁰ В 16 из 119 сел, где проводились исследования, существовали госхозы. Семьи, трудившиеся в них, также были охвачены ап-кетированием (Wyderko A. Czynnik ludzki... S. 201).
- ¹¹ Автор детально изучил 1025 индивидуальных карт, составленных в ходе проводимой в январе 1960 г. Главным статистическим управлением пробной переписи населения. Трудно судить, насколько показателен этот эксперимент (Turowski R. Między miastem a wsią. Struktura społeczno-zawodowa chłopów-robotników w Polsce. W-wa, 1965. S. 268).
- ¹² Цит. по: Grzelak Z. Przed bramą... S. 39.
- ¹³ Golebowski B. Do fabryki i w fabryce // Chłoporobotnicy o sobie... S. 74–75.
- ¹⁴ Turowski J. Przemiany wsi pod wpływem zakładu przemysłowego. W-wa, 1964. Studia. PAN T. VIII.
- ¹⁵ Gałaj D. Chłopi-robotnicy w opinjach ludności wiejskiej // Wieś Współczesna. 1964. N 9. S. 78–87.
- ¹⁶ Marek J. Zróżnicowanie społeczno-zawodowa ludności wiejskiej zatrudnionej poza rolnictwem. W-wa, 1976. S. 114; Dzień A. Chłopi-robotnicy w przedsiębiorstwie i gospodarstwie rolnym. W-wa, 1973.
- ¹⁷ Согласно приблизительной оценке И. Адамского, в 2,5 раза (Adamski I. Nowa książka o chłopach-robotnikach // Wieś Współczesna. 1965. N 3. S. 148). Другие исследователи, ссылаясь на сложность ситуации, старались избегать конкретных оценок в цифрах.
- ¹⁸ Подробнее об этом см.: Śląbek H. Chłopska ludność dwuzawodowa w Polsce (1945–1970) // Dzieje Najnowsze. 1986. N 1.

ЭВОЛЮЦИЯ ОСНОВНЫХ КЛАССОВ И СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП В БОЛГАРИИ В 40—50-Е ГОДЫ

М. Е. Позолотин

Проблематика социально-классовой структуры привлекает внимание многих исследователей и находит довольно широкое отражение в болгарской исторической, философской, социологической литературе. Из крупных исследований на эту тему можно назвать работы В. Иванова, Ж. Петрова, М. Минкова, Н. Минчева, Л. Берова и др., ряд коллективных трудов болгарских ученых¹. Вопросам социально-классовой структуры посвящены также соответствующие разделы в работах общего характера². По этим проблемам периодически публикуются статьи в болгарских научных журналах³. В трудах советских ученых, освещдающих процессы послевоенного развития Болгарии также рассматриваются эти вопросы⁴.

В упомянутых работах анализируются процессы развития социально-классовой структуры, изменения в сущности и облике классов и прослоек, перемещения из одних классов и слоев в другие и их причины, явления сближения и дифференциации, происходящие в обществе.

Следует отметить довольно большое разнообразие в позициях авторов по исследуемым проблемам. Некоторые ученые полагают, что в результате проведенных преобразований развивается процесс становления новых социальных групп и классов, коренным образом отличающихся от прежних.

В 60-е годы и позднее отдельные исследователи пришли к выводу, что классов в новом болгарском обществе вообще нет, а есть лишь общественные слои и прослойки. Авторы этой теории — Н. Тикилджиев (НРБ), Ю. В. Арутюнян, Р. Г. Вартанов (СССР) и др.— считают, что в послевоенном государстве вся собственность является общественной и отношение к средствам производства у всех производителей одинаковое, т. е. один из главных классовообразующих признаков утрачивает свое значение.

Имеющиеся расхождения во мнениях ученых по вопросам состояния и развития социально-классовой струк-

туры нового болгарского общества свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения и разработки этих проблем.

В буржуазной Болгарии первое место по численности занимали средние и бедные крестьяне, затем — ремесленники, чиновники, рабочие, предприниматели, торговцы, кулаки^{1*}, служители культа и т. д. При этом рабочий класс был относительно малочисленным, что объясняется слабым развитием промышленности и других индустриальных отраслей народного хозяйства.

В 1939 г. промышленность Болгарии создавала всего 23,7% национального дохода⁵. При этом развиты были главным образом пищевкусовая и легкая промышленность. На долю первой из них приходилось 51,2% от общего производства промышленной продукции, на долю текстильной и швейной — 19,8%. Лесозаготовительная и деревообрабатывающая промышленность производили 10,3% от общего объема продукции, а такие решающие с точки зрения технического прогресса и технического развития страны отрасли, как энергетика, черная и цветная металлургия, машиностроение, металлообрабатывающая, химическая и каучуковая промышленность, вместе взятые, давали лишь 6,6% промышленной продукции⁶. Подавляющее большинство предприятий были мелкими. В стране насчитывалось выше 3 тыс. мелких фабрик и заводов⁷. Об экономической отсталости страны говорит низкий уровень производства промышленной продукции на душу населения^{2*}.

В 1943 г. в добывающей и обрабатывающей промышленности Болгарии было занято в качестве рабочих 177 тыс., или 32,8% от их общего числа. В земледелии и его отраслях, в лесном, охотничьем хозяйствах и в рыболовстве трудились 140,2 тыс. рабочих, или 26%. Количество наемных рабочих, использовавшихся в качестве домашней прислуги, в области здравоохранения и т. д., составляло 52,6 тыс., или 9,8%. Значительная группа рабочих — строители, сапожники, портные, повара, кухонная прислуга, конюхи и т. д. — была занята в административ-

* Болгарское кулачество эксплуатировало остальное деревенское население, являясь владельцем различной техники, рабочего скота и т. п.

** По данным статистики, оно составляло в стоимостном выражении (в долларах) в 1937 г. в Болгарии — 28, в Польше — 69, в Италии — 104, в Швеции — 272, в Канаде — 350, в США — 470 (Беров Л. Икономическото развитие на България през вековете. С., 1974. С. 133).

ных учреждениях, в армии, полиции и т. д. Их насчитывалось 41,5 тыс., или 7,7% от общего числа. 69,4 тыс. рабочих трудились на транспорте, в связи, в торговле, кредитных, страховых, научных, учебных, религиозных и прочих учреждениях и заведениях, что составляло 12,9%. В ремесленных мастерских на положении наемных рабочих и в так называемой домашней индустрии было занято 58,3 тыс. человек; или 10,8%. Таким образом, в целом болгарский городской пролетариат насчитывал свыше 540 тыс. чел.⁸. Кроме того, в деревне существовала многочисленная прошлойка (440 тыс. человек) пролетариев и полупролетариев. Последние владели крошечными наделами земли и составляли около 50% всех сельских хозяев⁹.

В состав мелкой буржуазии входили, по мнению болгарских ученых, крестьяне, ремесленники, служащие, лица свободных профессий¹⁰. В 1934 г. в болгарской деревне насчитывалось 119,6 тыс. хозяйств, земельное владение которых было менее 1 га (13,4%), 344,6 тыс. хозяйств имели от 1 до 4 га (39%), 326,8 тыс.— от 4 до 10 га (37%), 81,2 тыс.— от 10 до 20 га (9,2%), 12,7 тыс.— свыше 20 га (1,4%)¹¹.

Крупная буржуазия была сравнительно немногочисленной и в экономическом отношении довольно слабой. Объясняется это в значительной мере тем, что Болгария вследствие пятивекового османского ига поздно вступила на путь капиталистического развития. В связи с этим конкурентоспособность промышленности была низкой. Болгария страдала не только от капитализма, но и от недостаточного его развития. Этим объясняется тот факт, что местная буржуазия не прилагала необходимых усилий к развитию промышленности, а направляла свои капиталы в банковскую, ссудно-ростовщическую, торговую сферы. Ссылаясь на Л. Берова, болгарский исследователь Н. Горненский отмечает, что в стране насчитывалось всего 300 крупных и 6 тыс. средних предпринимателей, 7 тыс. крупных и 14 тыс. средних торговцев, 1360 владельцев кредитных и страховых учреждений. В деревне крупная буржуазия была представлена кулачеством, к которому он относит лиц, имевших более 20 га земли или возделывавших интенсивные культуры — виноград, овощи, фрукты, табак — и на меньших площадях. Кулаков в общей сложности в период 1934—1944 гг. насчитывалось около 57 тыс. человек¹².

Интеллигенция была в довоенной Болгарии немногочисленной, что объяснялось рядом причин, и в частности

недостаточным развитием народного хозяйства. При этом основную массу ее составляли лица гуманитарных профессий, среди которых преобладали юристы, довольно значительной являлась прослойка учителей. Инженеров было очень мало. В высших учебных заведениях эти кадры по существу не готовились. Имевшаяся в стране небольшая группа инженеров получила свое образование в основном за границей. Более широко были представлены медики, писатели, артисты. Наука также не получила должного развития, особенно естественно-технические отрасли знания. Среди ученых преобладали историки, археологи, филологи, философы.

В буржуазной Болгарии достаточно велика была прослойка служащих. В составе управлеченческого аппарата, банковских, страховых, торговых учреждений, промышленных предприятий, учреждений культуры и т. д. их насчитывалось 103,8 тыс. человек¹³. Сравнительно большое развитие получило ремесло. Ремесленников, использовавших наемный труд в 1936 г., насчитывалось 71,4 тыс. человек. Они эксплуатировали 63,5 тыс. рабочих, подмастерьев¹⁴. В целом мелкая буржуазия составляла значительную массу населения. Из общего количества жителей Болгарии, равного в 1936 г. 6,1 млн человек¹⁵, на нее приходилось 2,6 млн человек (с членами семей)¹⁶.

Свержение авторитарного режима в сентябре 1944 г. положило начало коренной перестройке всей жизни страны — политической системы, экологии, идеологии, культуры. Претерпели принципиальные изменения общественный строй, характер власти, формы собственности, отношение людей к средствам производства, идеология и т. д. Одним из важнейших элементов происходившего процесса становления и укрепления народной власти явились перемены в социально-классовой структуре, в соотношении различных классов и прослоек, в их положении и роли в обществе.

Правительство Отечественного фронта с первых же дней существования народной власти приступило к ограничению политических и экономических позиций буржуазии. Сторонники антинародного режима были удалены из органов государственной власти. Многие из них были преданы суду. Была создана народная милиция, проведена чистка армии, суда, прокуратуры и других учреждений. Правительство взяло в свои руки собственность буржуазного государства (транспорт, шахты и т. д.). Было

конфисковано имущество военных преступников и коллаборационистов (около 140 промышленных предприятий)¹⁷, а позднее, в 1946 г., имущество, нажитое в период войны незаконным путем, в результате спекуляций и других махинаций (2300 предприятий)¹⁸. В общей сложности в 1947 г. в общественном секторе (государственном и кооперативном) было сосредоточено 46,9% всей болгарской промышленности (по объему продукции)¹⁹. На остальных предприятиях был установлен рабочий контроль. Но главный удар был нанесен по экономической базе болгарской буржуазии в декабре 1947 г., когда были национализированы промышленные предприятия и банки. Всего в руки государства перешло 6094 предприятия²⁰, а государственный сектор охватывал в 1948 г. 91,7% всего промышленного производства²¹.

Таким образом, с городской буржуазией как классом было в основном покончено. Но изменения коснулись всех классов и слоев общества.

Вскоре после революции началось бурное развитие народного хозяйства Болгарии. В решениях V съезда БКП (1948 г.) указывалось, что главной экономической и политической задачей является построение основ социализма, под чем понималась прежде всего индустриализация, кооперирование и механизация сельского хозяйства²². Г. Димитров сказал на съезде, что Болгария «за 15—20 лет должна достичь того, чего другие страны в иных условиях достигли за целое столетие»²³. В стране развернулось огромное строительство, прежде всего в области промышленности. Поставленная Г. Димитровым задача была успешно решена в короткие исторические сроки. Болгарская промышленность в 1960 г. произвела продукцию в 12 раз больше, чем в 1939 г., при этом производство электроэнергии увеличилось в 18 раз, черных металлов — в 53 раза, цветных металлов — в 207 раз, продукции машиностроения — в 86 раз²⁴.

Уже в первые две пятилетки были построены и реконструированы сотни промышленных объектов, в том числе металлургический завод им. Ленина в Пернике, заводы цветной металлургии в Кырджали и Пловдиве, химкомбинат в Димитровграде, десятки машиностроительных предприятий и электростанций. Были заново созданы ценные отрасли промышленности. В результате в 1960 г. доля промышленности в производстве национального дохода составила уже 47,4%, а сельского хозяйства — 27,3%²⁵.

Экономика Болгарии развивалась такими темпами, что стал сокращаться разрыв между ней и более передовыми странами. Например, в 1950 г. в стране производилось электроэнергии на душу населения почти в 10 раз меньше, чем в ГДР, а в 1965 г. лишь в 2,6 раза меньше. Стали ГДР производила в 1956 г. на душу населения в 100 с лишним раз больше, а в 1965 г.— в 3,6 раза больше, чем Болгария²⁶.

Что касается таких стран, как Греция и Турция, то Болгария уже в 1965 г. вырабатывала электроэнергии на душу населения в несколько раз больше, чем в этих странах²⁷.

Быстро развивались наука, культура, образование. Еще в 1946 г. при населении 5,1 млн человек (старше 14 лет) в стране насчитывалось 1,2 млн неграмотных и 582,9 тыс. человек с незаконченным начальным образованием, т. е. малограмотных²⁸, то в первые 10 лет народной власти были обучены грамоте 700 тыс. человек. Быстро росло число школ, учащихся, преподавателей. Большие результаты были достигнуты в области высшего образования. В 1939—1940 гг. в стране имелось 5 высших учебных заведений, в которых обучалось 10,2 тыс. студентов, в 1964—1965 гг. в НРБ было 26 вузов, в которых учились 82,3 тыс. человек²⁹. Количество научных учреждений возросло с 22 в 1948 г. до 92 в 1960 г., а ученых соответственно со 125 человек в 1948 г. до 2700 в 1960 г.³⁰ Все эти процессы обусловливали весьма значительную мобильность самодеятельного населения, крупные изменения в социально-классовой структуре.

Весьма серьезную эволюцию претерпел прежде всего болгарский рабочий класс. Ранее эксплуатируемая часть общества, он после 9 сентября 1944 г. стал его главным классом. Росла доля представителей рабочего класса в Коммунистической партии, руководившей строительством нового общества. На V, первом послевоенном съезде партии, рабочая прослойка в ней составляла 26,5%, на VII съезде (1958 г.) она повысилась до 36,1%³¹.

Правы те исследователи, которые констатируют изменения в положении болгарского рабочего класса за годы народной власти. Фактически возник новый класс, имевший мало общего с прежним пролетариатом. Изменились его сознание, уровень образованности, культуры, психология, резко возрасла численность.

В течение переходного периода ^{3*} происходило быстрое нарастание численности рабочего класса. Новостройки, раскинувшиеся по всей стране, требовали огромного количества рабочих рук. С 1948 по 1960 г. рабочий класс в промышленности вырос с 210,8 тыс. человек до 627,1 тыс., т. е. почти в 3 раза, а во всем народном хозяйстве — с 362,1 тыс. до 1,2 млн человек. В результате к 1965 г. он стал самым многочисленным классом болгарского общества, а в 1969 г. составлял 45% от общего числа занятых лиц ³².

Основным источником пополнения рабочего класса являлось крестьянство. В 1957—1960 гг. в промышленность, строительство, транспорт и т. д. в среднем ежегодно вливалось 113,9 тыс. сельских жителей. В 1961—1963 гг. этот поток заметно сократился, но все еще составлял 51,9 тыс. человек ³³. В рабочий класс переходили также демобилизованные из армии офицеры и солдаты, ремесленники, служащие, представители бывших имущих классов, домохозяйки, которые в эти годы активно вовлекались в народное хозяйство.

В силу быстрого комплектования из различных источников рабочий класс в указанный период являлся молодым по производственному стажу и довольно пестрым по своему социальному происхождению. По данным социологического обследования, проведенного в 1967—1968 гг. Институтом социологии Болгарской академии наук, в 1967 г. из общего числа рабочих 38,6% составляли лица, которые до 9 сентября 1944 г. были по социальному положению или происхождению городскими рабочими и батраками, 49,52% — бедными и средними крестья-

^{3*} Под переходным периодом в болгарской научной и партийной литературе еще недавно понималось время от взятия власти пролетариатом до построения «основ социализма» в конце 50-х годов. Такой точки зрения придерживались в Болгарии С. Петров, В. Иванов, З. Златев, В. Добриянов, К. Добрев, М. Марков, С. Попов, Н. Великов, Н. Стефанов, В. Хаджи николов, Н. Самоковлиев, В. Митев, Т. Йорданов, С. Михайлов и др. Отдельные исследователи полагали (например, С. Цветев), что в конце 50-х годов переходный период не закончился и во второй половине 60-х годов наступил этап укрепления нового строя, строительство «среднеразвитого социализма». Имелись и такие суждения, что переходный период завершится лишь тогда, когда рабочий класс превзойдет по численности все остальные классы и слои общества вместе взятые. Очевидно, что ныне нужны новые подходы к проблеме и новые, объективные оценки недавнего прошлого.

нами, 5,03% — ремесленниками, 1,32% — мелкими и средними торговцами, 1% — представителями городской и сельской буржуазии, 3,61% — служащими и т. д.³⁴ Иными словами, почти половину рабочего класса в 1967 г. составляли лица, родители которых или они сами до 9 сентября 1944 г. были мелкими и средними крестьянами. На долю же потомственных рабочих приходилось немногим более одной трети. Это дает основание полагать, что в тот период значительная часть рабочих испытывала влияние той, главным образом мелкобуржуазной среды, из которой она вышла.

За годы строительства нового общества значительно изменился квалификационно-профессиональный уровень рабочего класса, его материальное положение, культурный уровень, условия труда и быта. В соответствии с линией партии на развитие наиболее прогрессивных и перспективных отраслей промышленности особенно быстрыми темпами возрастала численность той части рабочих, которая была занята в химической промышленности, металлургии, энергетике, машиностроении, электронике и т. д.

О распределении рабочих по различным отраслям материального производства и о динамике изменений в отраслевой структуре дает представление следующая таблица.

Из таблицы видно, что быстрыми темпами в переходный период росли аграрный отряд рабочего класса^{5*}, затем численность транспортников и промышленных рабочих.

Приведенные данные позволяют сделать вывод, что несмотря на быстрый абсолютный рост числа промышленных рабочих их доля в общей массе рабочих в переходный период несколько сократилась — с 58,2% в 1948 г. до 55,6% в 1960 г. Это объясняется тем, что численность других отрядов рабочего класса увеличивалась еще быстрее³⁵.

* Быстрый рост аграрного отряда рабочего класса объясняется увеличением количества машинно-тракторных станций (со 140 в 1952 до 211 в 1960 г.), численности рабочих в государственных земледельческих хозяйствах (ГЗХ) с 19,4 тыс. человек до 68,6 тыс. за тот же период (хотя количество ГЗХ и сократилось в результате их укрупнения), развитием государственных предприятий и организаций, занятых обслуживанием сельского хозяйства. См.: Статистический годенник на НРБ. С., 1967. С. 217, 219.

Таблица 1.
Распределение рабочих по отраслям материального производства (тыс. чел.)

Отрасль производства	1948 г.	1956 г.
Промышленность	210,8	392,7
Строительство	53,7	76,6
Сельское хозяйство **	22,2	92,5
Лесное хозяйство	6,5	19,0
Транспорт	34,3	101,6
Торговля, снабжение, закупки	34,5	80,9
Другие отрасли материального производства	0,1	0,9
Всего	362,1	764,2
Отрасль производства	1960 г.	1960 г. к 1948 г., %
Промышленность	627,1	297,5
Строительство	117,0	217,9
Сельское хозяйство **	128,0	576,6
Лесное хозяйство	29,9	460,0
Транспорт	123,1	358,9
Торговля, снабжение, закупки	101,5	294,2
Другие отрасли материального производства	1,0	1000,0
Всего	1127,6	3205,1

** Без занятых в Трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах (ТКЗХ).

Источник: Статистически годишник на НРБ. С., 1970. С. 66.

В переходный период болгарский рабочий класс вырос не только количественно. В результате индустриализации, внедрения новейшей технологии и научно-технических достижений повышался уровень образования и квалификации работников. Так, за период с 1946 по 1965 г. доля неграмотных и малограмотных рабочих снизилась с 19,2% до 3,9%, а с начальным и семилетним образованием возросла с 72,2% до 85,5%³⁶.

По мере механизации производства ручной труд все более вытеснялся машинным. Это требовало от рабочих более высокой квалификации. Повышение ее достигалось

путем обучения на многочисленных курсах, действовавших в то время. Кроме того, функционировала разветвленная система переквалификации. В 1960 г. более 270 тыс. рабочих закончили те или иные курсы³⁷. Несмотря на это, квалификационный уровень рабочего класса в конце переходного периода все еще продолжал оставаться низким. В 1966 г. 20,1% рабочих в промышленности были малоквалифицированными, 58,8% имели среднюю квалификацию и лишь 21,1% — высокую. В целом по всем категориям рабочих показатели квалификации были еще ниже³⁸.

С внедрением машин происходило отмирание некоторых профессий, связанных главным образом с ручным трудом, и возникновение новых. Сократились, например, или даже исчезли совсем такие профессии, как катали, забойщики (в шахтах), землекопы, лесорубы (работающие вручную) и т. д. Появились новые профессии — сталеваров, операторов, сварщиков. Постепенно улучшалось материальное положение, уровень культуры, условия труда и быта рабочих.

Крестьянство Болгарии также претерпело в переходный период серьезные количественные и качественные изменения. Кулакство было ликвидировано как класс, но осуществилось это главным образом путем постепенного экономического ограничения и вытеснения. Крупные земельные владения в соответствии с реформой 1946 г. были ограничены 30 га в Южной Добрудже и 20 га в остальной Болгарии. При этом в руки государства перешло 126,4 тыс. га обрабатываемой земли (включая монастырские земли), которая частично была предоставлена в пользование беднейшему крестьянству³⁹. Изъятию подверглись также часть скота, машин и крупный сельскохозяйственный инвентарь. В 1947—1948 гг. в собственность государства перешли также мельницы, маслобойни, шерстечесальные мастерские и т. д., принадлежавшие сельской буржуазии. Вместе с тем кулакам были оставлены земельные наделы, инвентарь, хозяйствственные постройки, и они могли обеспечивать себя материально, обрабатывая свой земельный участок без использования, однако, наемной рабочей силы. Впоследствии бывших кулаков стали принимать в кооперативы, но без права занимать выборные должности.

На социальную структуру деревни сильное влияние оказalo кооперирование сельского хозяйства. В 1946 г. в Болгарии уже действовало 444 кооператива⁴⁰. Массово-

вое кооперирование развернулось в начале 50-х годов, после чего произошел некоторый спад, поскольку кооперативы, не обладавшие необходимой материально-технической базой, не смогли дать убедительных доказательств преимуществ колективного землепользования перед единоличным. Негативную роль сыграли также нарушения принципа добровольности и другие перегибы в ходе кооперирования.

В середине 50-х годов начался новый подъем кооперативного движения. На полях страны появились машины, полученные из СССР, произошло укрепление МТС, в кооперативы пошел середняк, и это определило успех дела. К 1960 г. обобществленный сектор включал уже 99,0% обрабатываемой земли⁴¹.

Вступив на путь кооперативного землепользования, крестьянство постепенно изменяло свою социальную природу. Оно превратилось по существу в новую социальную группу, в класс, состоящий из работников крупного механизированного сельского хозяйства. Но если для рабочего класса в годы индустриализации был характерен быстрый прирост численного состава, то в отношении сельского населения наблюдалось обратное явление. В этих условиях аграрное перенаселение, оставшаяся от буржуазной Болгарии скрытая безработица словно прессым выталкивали крестьян в город.

После революции крестьянство довольно длительное время составляло основную массу населения. Еще в 1946 г. на долю некооперированных крестьян приходилось 65% от общей численности лиц, занятых в народном хозяйстве, а на долю крестьян-кооператоров — 3%⁴², т. е. более двух третей самодеятельного населения работало в сельском хозяйстве. Но затем количество крестьян стало быстро и неуклонно сокращаться. Индустриализация страны, бурное развитие промышленности, строительства, транспорта требовали большого количества рабочих.

Многие члены ТКЗХ, а еще ранее крестьяне-единополичники переходили на работу в промышленность и другие отрасли народного хозяйства главным образом вне села и пополняли таким образом ряды индустриальных рабочих. В результаты происходил массовый отлив сельского населения. В 1947—1956 гг. из деревни мигрировало более 700 тыс. человек, а в 1957—1963 гг.— 559,7 тыс.⁴³ Часть крестьян, перешедших на работу на промышленные предприятия, оставалась жить в деревне

и совершала ежедневные поездки в город, это явление стали называть «маятниковой миграцией». Другие получили работу на промышленных предприятиях, расположенных в сельской местности.

Значительное число крестьян стало работать на государственных предприятиях, занимавшихся сельским хозяйством или обслуживавших его (государственные земледельческие хозяйства, МТС, предприятия государственных хозяйственных объединений «Агрехимическое обслуживание», «Водное хозяйство» и т. д.). Эти лица становились фактически и юридически рабочими, но труд их носил преимущественно сельскохозяйственный характер или был связан с сельским хозяйством, и сами они оставались жить в селе. В научной литературе их относят к аграрному отряду рабочего класса.

Следует отметить, что процесс «орабочивания» протекал и в среде крестьян-кооператоров. Многие из них по мере механизации производства овладели по существу рабочими профессиями, становились комбайнерами, трактористами, механиками, слесарями, электриками, шоферами и т. д. Труд этой части кооператоров мало чем отличался от труда индустриальных рабочих. Оставаясь членами ТКЗХ, они фактически выполняли их функции.

Если в 1956 г. насчитывалось 1,7 млн членов ТКЗХ и 771,9 тыс. единоличников, что в целом составляло более 60% всего самодеятельного населения, то в 1965 г. количество сельских тружеников уменьшилось до 1,6 млн человек, или до 38% от числа занятых лиц^{6*}.

Быстрое сокращение трудоспособного населения деревни повлекло за собой серьезные отрицательные последствия. Уже в 60-х годах там почувствовался недостаток рабочей силы. В 1964 г., например, только в двух округах — Пловдивском и Хасковском (но старому административному делению) — в разгар полевых работ не хватало 45—46 тыс. человек, что затягивало сроки уборки и причиняло значительный ущерб.

Деревенское население сокращалось не только в связи с миграционными процессами, но и вследствие падения рождаемости, так как покидала деревню главным образом молодежь. Эти явления обусловили старение деревни, снижение доли работоспособного населения, о чем свидетельствует следующая таблица.

Как видно из таблицы, в деревне после 1946 г. неуклонно снижалось число детей, а также лиц трудоспособ-

^{6*} Источники этих данных представлены в табл. 3.

Таблица 2.

Характеристика сельского населения по возрасту
(тыс. чел.)

Возрастная группа	1946 г.	1956 г.	1965 г.
Лица, не достигшие трудоспособного возраста	1659,3 (31,3%)	1427,1 (28,2%)	1131,6 (25,7%)
В трудоспособном возрасте (мужчины 16—59 лет, женщины 16—54 г. включительно)	3012,2 (56,9%)	2919,1 (57,7%)	2410,5 (54,7%)
Старше трудоспособного возраста	622,6 (11,8%)	711,5 (14,1%)	863,0 (19,6%)
Всего	5294,1	5057,7	4405,1

Источник: Демографска и икономическа характеристика на населението в НР България. С., 1977. С. 36—37.

ногого возраста и увеличивалось количество пожилых и престарелых крестьян.

Наряду с количественными болгарское крестьянство претерпело также качественные изменения, которые коснулись всех сторон его жизни — положения в обществе, психологии, отношения к средствам производства, материальной обеспеченности, социальных привилегий, характера и содержания труда, его технической оснащенности, уровня образования, культуры, здравоохранения, условий труда, быта и т. д. Не случайно в обществе сложилось стимулировавшееся руководством страны убеждение, что в Болгарии нет другого класса, который претерпел бы столь глубокие изменения, как класс крестьян-кооператоров.

Важную роль в социальных преобразованиях, во всей общественной жизни Болгарии играет интеллигенция. В болгарской историографии к ней относят группу лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим высшего или среднего специального образования^{44—45}.

По нашему мнению, интеллигенция — это прежде всего тот отряд тружеников, который занимается умственным трудом высшей квалификации и создает в основном духовные ценности, способствуя повышению научного и правственного потенциала нации, но не участвует непо-

средственно в производстве материальных благ. К ней относятся писатели, художники, композиторы, артисты, ученые, преподаватели.

Представляется целесообразным выделение из слоя интеллигенции в особую группу специалистов. Как правило, это лица с высшим или средним специальным образованием, обладающие высокой квалификацией и занятые преимущественно умственным трудом в сфере материального производства, управления или в сфере услуг, т. е. производящие материальные ценности или выполняющие функции управления и обслуживания.

Болгарский ученый Н. Тилкиджеев делит интеллигенцию на 5 групп, в которые входят: 1) партийные, государственные и хозяйственные руководители; 2) художественно-творческая интеллигенция; 3) научно-творческая интеллигенция (профессора, доктора и академики); 4) высший офицерский состав армии и МВД (от полковника и выше); 5) интеллигенция, как выражается Н. Тилкиджеев, массового типа — инженеры, врачи, учителя, экономисты, юристы, журналисты, научные работники, офицеры, духовенство⁴⁶.

Разработанная Н. Тилкиджеевым классификация представляет определенный интерес, но, на наш взгляд, является спорной. Собственно к интеллигенции приемлемо было бы отнести только представителей второй и третьей групп, включив при этом в третью всех научных работников независимо от степеней и званий, поскольку они работают не в материальном производстве, а создают духовные ценности. Журналистов целесообразнее отнести ко второй группе, так как грань между ними и писателями является довольно условной. Все остальные, за исключением, возможно, учителей, подошли бы к категории специалистов.

Большой интерес представляет вопрос о социальных рамках интеллигенции. Некоторые авторы искусственно раздвигают ее границы, включая в нее служащих, часть рабочих, работников сферы обслуживания и т. д., с чем вряд ли можно согласиться.

В ходе послевоенного развития сильно преобразился политический и моральный облик болгарской интеллигенции, произошли значительные количественные и качественные изменения в ее структуре. Многие лица интеллектуальных профессий получили образование и специальность в условиях новой, народной Болгарии, вышли из трудовых слоев населения. Болгарская интелли-

генция связана с народом тесными узами, национальными традициями, историей.

Социализм призван создавать условия для поступательного движения во всех областях общественной жизни. Но без интеллигенции научно-технический и культурный прогресс немыслим. Исходя из этого, БКП придавала коиньонат большое значение подготовке кадров новой интеллигенции всех профилей.

За годы народной власти произошли значительные перемены в профессиональном составе интеллигенции. В прошлом наиболее широко в среде лиц с высшим образованием были представлены работники гуманитарных профессий, прежде всего юристы. В переходный период в связи с быстрой индустриализацией Болгарии, повышением уровня образования народа, улучшением медицинского и культурного обслуживания преобладающую массу интеллигенции и специалистов составляли инженерно-технический персонал, врачи, преподаватели, а также работники музеев, библиотек, деятели искусства и литературы.

Прослойка интеллигенции и специалистов росла в Болгарии быстрыми темпами. Так, если в 1953 г. количество специалистов с высшим и средним специальным образованием достигло 119,9 тыс. человек, то через 10 лет, в 1963 г., уже 314,9 тыс., т. е. увеличилось в 2,6 раза⁴⁷.

Наиболее интенсивно возрастило число инженеров — в 1963 г. их было в 3 раза больше, чем в 1953 г., — и специалистов сельского хозяйства — в 2,8 раза⁴⁸. При этом в сельском хозяйстве увеличилось не только число агрономов и зоотехников, но и инженеров, плановиков, экономистов, а также работников культуры — библиотекарей, художников, сотрудников клубов-читален, руководителей самодеятельности, тренеров и т. д.

Быстрый рост численности интеллигенции в Болгарии неразрывно связан с развитием народного хозяйства, научно-технического прогресса, повышением культуры и образованности народа.

Значительную часть самодеятельного населения Болгарии составляют служащие. К ним болгарские ученые относят людей, занимающихся профессионально умственным трудом, однако, как правило, сравнительно простым, не требующим высокой квалификации, нередко в сочетании с элементами несложного физического труда. Труд служащих обычно стереотипный, исполнительский, свя-

зан в значительной мере с обслуживанием. Служащие не заняты непосредственно в материальном производстве, они получают за свой труд зарплату, определяемую штатным расписанием. В эту группу входят, в частности, делопроизводители, счетоводы, машинистки, телефонистки, секретари, нормировщики, чертежники, копировщики, кассиры, контролеры, ревизоры и т. д.

Служащие работают во всех отраслях народного хозяйства. Поэтому развитие экономики, науки, культуры, образования, торговли, международных связей сопровождалось и увеличением их числа. С 1956 по 1966 г. эта прослойка возросла с 33,1 тыс. до 481,4 тыс. человек⁴⁹.

Согласно статистическим данным, наиболее быстрыми темпами росло число служащих на транспорте, в строительстве, в области науки, искусства, культуры, здравоохранения и социального обеспечения, в промышленности. В профессиональном плане интенсивнее всего увеличивалось количество чертежников и копировщиков, что свидетельствует о широком развитии технического проектирования, а также статистиков, операторов, контролеров, занятых на счетно-вычислительных работах, счетоводов, обслуживающего персонала и т. д. Сократилось количество телеграфисток, секретарей, машинисток, делопроизводителей и др.⁵⁰ Можно ожидать, что в дальнейшем темпы увеличения прослойки служащих несколько снизятся, поскольку рост их численности вступает в известное противоречие с принципами хозрасчета.

В буржуазной Болгарии существовала также небольшая прослойка городской мелкой буржуазии — собственники промышленных предприятий, мелких магазинов и ремесленных мастерских, в том числе более 130 тыс. ремесленников, включая учеников и подмастерьев. В 50-е годы основная их масса была объединена в трудовые производственные ремесленные кооперативы (ТПРК). В 1958 г. насчитывалось 960 таких кооперативов, в которых работали 102 тыс. человек. Кроме того, в 203 промышленных комбинатах при народных советах, которым было передано 3 тыс. мелких предприятий, в 1952 г. трудились 44 тыс. человек⁵¹. Некооперированных ремесленников в 1956 г. насчитывалось несколько более 68,4 тыс. Численность их на протяжении переходного периода постепенно сокращалась.

О том, как развивалось болгарское общество в структурном отношении в целом в 1946—1965 гг. можно судить по данным, приведенным в следующей таблице.

В результате произошедших в обществе изменений в Болгарии к концу 50-х годов в основном сформировалась структура, типичная для общественной системы, которую сегодня называют авторитарно-бюрократическим социализмом.

Анализ состояния и развития социально-классовой структуры болгарского общества в переходный период позволяет сделать следующие выводы.

1. Перемены в социально-классовой структуре Болгарии в 40—50-е годы были весьма значительными. Сильно изменились количественный и качественный состав отдельных классов и прослоек, их роль и положение в обществе, весь их образ жизни. Эксплуататорские классы вообще перестали существовать.

2. Численность болгарского рабочего класса возрастила быстрыми темпами. Наиболее интенсивно развивались его аграрный отряд, контингент рабочих транспорта и промышленности. С 1948 по 1960 г. рабочий класс увеличился более чем в 3 раза.

3. Встav на кооперативный путь развития, крестьянство приобрело черты нового общественного класса. Механизация сельскохозяйственного труда сильно повлияла на облик болгарской деревни, ее социально-классовую структуру. Вместе с тем происходило резкое сокращение населения деревни, в том числе и занятого сельскохозяйственным трудом, в результате чего число работников сельского хозяйства уменьшилось в 1956—1965 гг. более чем на 800 тыс. чел. Другой негативной

Таблица 3.
Динамика социально-классовой структуры НРБ **

Классы и прослойки	1946 г.	
	тыс. чел.	%
Рабочие	638,2	15,3
Служащие (включая специалистов)	191,8	4,5
Члены ТКЗХ	96,8	2,3
Кооперированные ремесленники	—	—
Едиполичные крестьяне	—	64,51
Некооперированные ремесленники	—	5,95
Частные торговцы	—	3,07
Прочее	—	4,37
Всего	926,8	100

чертой этого процесса являлось прогрессировавшее в связи с оттоком в города главным образом молодежи старение деревни, что впоследствии создало определенные трудности в процессе дальнейшего развития сельскохозяйственного производства и воспроизводстве сельского населения.

4. Изменения в социально-классовой структуре Болгарии в значительной мере были обусловлены процессами, происходящими в обществе, динамикой социальной трансформации. Но было бы неправильно думать, что она является лишь пассивным фактором и не оказывает в свою очередь влияния на развитие общества. В. И. Лепин, подчеркивая необходимость изучения динамики социально-классовой структуры, писал в связи с этим: «Социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шага в какой угодно области общественной деятельности»⁵².

Видный болгарский ученый В. Иванов считает, что научный анализ и реальная оценка социально-классовой структуры в значительной степени обусловили характер политики, стратегии и тактики, находившихся у власти в рассматриваемый период партий⁵³. С этой точкой зрения нельзя не согласиться. Хотя по вопросам развития социально-классовой структуры опубликовано немало работ, но реальной оценки и научного анализа недоставало. К тому же они зачастую не находили должного отражения в политике руководства. А это отрицательно

1956 г.		1965 г.	
тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
971,0	23,4	1755	41,7
553,2	13,3	690,5	16,7
1726,6	41,6	1652,4	37,5
46,4	1,1	111,6	2,6
771,9	18,6	21,5	0,5
68,4	1,7	27,7	0,7
5,7	0,1	2,2	0,1
7,0	0,2	7,0	0,2
4150,2	100	4267,9	100

* Данные приводятся за 1946, 1956 и 1965 гг., когда в Болгарии проводились переписи населения.

Источники: Социально-классовата структура на съвременното българско общество. С., 1986. С. 67, 338; Мичев Н. Населението на България. С., 1978. С. 121, 149; Статистически годишник на НРБ. С., 1964. С. 77, 213; Там же. С., 1968. С. 17; Там же. С., 1984. С. 106; Демография на България. С., 1974. С. 382; Беров Л. Икономическо-то развитие на България. С., 1974. С. 159.

отражалось на развитии общества. Примеров этому достаточно. Обезлюдение деревни в СССР и Болгарии и острый недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве — один из них.

Недостаточным вниманием к проблемам развития классовой структуры общества можно объяснить и пере производство, девальвацию некоторых специалистов с высшим образованием.

Недооценка в свое время труда кустарей, кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности для удовлетворения потребностей общества привела к тому, что ныне приходится пересматривать старые подходы к этому вопросу. Для оптимального решения его необходимы научные оценки, высокий уровень прогнозирования и регулирования развития социально-классовой структуры.

Следует также отметить, что социально-классовая структура является одним из важных показателей зрелости общественного строя. Происшедшие в Болгарии в переходный период изменения находились в тесной связи с поступательным развитием общества, его политической системы, экономики, идеологии, культуры. Индустириализация страны, кооперирование сельского хозяйства, культурная революция сопровождались быстрым количественным ростом главной производительной силы общества — рабочего класса и главного генератора научно-технических идей и создателя культурных ценностей — интеллигенции. Вместе с тем нельзя игнорировать негативные стороны процесса социальной трансформации общества, проявляющиеся и поныне.

Данную статью следует рассматривать как попытку исследования отдельных аспектов широкой и сложной проблемы. Заслуживают дальнейшего изучения многие другие вопросы, имеющие непосредственное отношение к теме, в частности влияние научно-технической революции на социально-классовую структуру, роль мелкого производства в народном хозяйстве, формирование бюрократии и другие проблемы.

¹ Социално-класовата структура на съвременното българско общество. С., 1986; Иванов В. Социалната структура. Том 1: Теоретико-методологически проблеми. С., 1977. Т. 2: Работническата клас; С., 1978. Т. 3: Селяните. С., 1979. Т. 4: Интелигенцията при изграждането на развитото социалистическо общество. С., 1981; *Он же*. Социалистическата революция и работническата клас в България. С., 1969; *Он же*. Класова структура и социално единство. С., 1971; Минков М. Население и основни

- социални структури. С., 1976; *Он же*. Население и работната сила в България. С., 1966; Горненски Н. Класите в България и борбите им. 1934–1944. С., 1967; Мичев Н. Населението на България. С., 1978; Ролята на работническата класа в съвременния революционен процес. С., 1974. С. 153–174; Развитие рабочего класса в социалистическом обществе: Интернациональные закономерности и национальные особенности. М., 1982. С. 262–289; Петров Ж. Социално-классовая структура на съвременното българско село. С., 1977; Беров Л. Икономическото развитие на България през вековете. С., 1974.
- ² Ирибаджаков Н. Развитото социалистическо общество. С., 1982; 25 години социалистическа България. С., 1969; Четиридесет години социалистическа България. С., 1984; Добриянов В. Изграждане на развито социалистическо общество. С., 1978; Материально-техническата база в етапа на изграждане на зрелия социализъм. С., 1983; и др.
- ³ Трудове на Висшия институт за народно стопанство. Варна, 1982. Т. 54, кн. 1; Известия на Висшия институт за народното стопанство «Д. Благоев». Варна, 1975. № 4; 1982. № 2; Научни трудове. С., 1976. № 81; 1978. № 101, 131; Социологически проблеми. С., 1974. № 4; 1977. № 3; 1980. № 1; 1981. № 4; и др.
- ⁴ См.: Аграрные отношения в странах социализма. М., 1984; Народная Республика Болгария. М., 1983; Аграрно-промышленный комплекс в развитии социалистической экономики. Пр., 1972; Вопросы социально-экономического развития НРБ в восьмой пятилетке. М., 1984; Хозяйственный механизм в странах – членах СЭВ. М., 1984; Деревня и крестьянство социалистических стран. М., 1985; Рабочий класс и строительство социализма. М., 1977; Эволюция крестьянства социалистических стран в послевоенный период. М., 1984.
- ⁵ Социалистическа България. С., 1969. С. 176.
- ⁶ Статистически годишник на НРБ. С., 1967. С. 110.
- ⁷ Социалистическа България. С. 177.
- ⁸ Горненски Н. Класите в България... С. 24–29.
- ⁹ Там же. С. 31–32.
- ¹⁰ Там же. С. 46.
- ¹¹ Пенков Д. Аграрные преобразования в Народной республике Болгарии. С., 1985. С. 26.
- ¹² Горненски Н. Класите в България... С. 18–20.
- ¹³ Там же. С. 70.
- ¹⁴ Там же. С. 65–66.
- ¹⁵ Статистически годишник на царство България. С., 1942. С. 21.
- ¹⁶ Горненски Н. Класите в България... С. 72.
- ¹⁷ Икономика на България. Т. 2: Икономиката на България през преходния период от капитализма към социализма. С., 1972. С. 99.
- ¹⁸ Попов П. Установление, развитие и система диктатуры пролетариата в Болгарии. М., 1960. С. 205.
- ¹⁹ Икономика на България... С. 106.
- ²⁰ Там же. С. 111.
- ²¹ Там же. С. 114.
- ²² Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и Политбюро на ЦК. Т. 4: 1944–1955. С., 1955. С. 164.
- ²³ Димитров Г. Съч. С., 1955. Т. 14. С. 314.
- ²⁴ Статистически годишник на НРБ. С., 1971. С. 110.
- ²⁵ 25 години социалистическа България. С. 23.

- ²⁶ Социалистическа България. С., 1969. С. 184.
- ²⁷ Там же. С. 164–165.
- ²⁸ Социалната политика на БКП. С., 1965. С. 331.
- ²⁹ Статистически годишник на НРБ. С., 1967. С. 333.
- ³⁰ Там же. С. 98.
- ³¹ Рабочий класс и строительство социализма. М., 1977. С. 71.
- ³² Иванов В. Класова структура и социално единство. С. 111.
- ³³ Минков М. Населението и работната сила в България... С. 110.
- ³⁴ Добриянов В. Изграждане на развитото социалистическо общество. С., 1978. С. 247.
- ³⁵ Статистически годишник на НРБ. С., 1975. С. 85.
- ³⁶ Беров Л. Икономическото развитие на България през вековете... С. 160; Иванов В. Социална структура... Т. 2. С. 105.
- ³⁷ Статистически годишник на НРБ. С., 1967. С. 92.
- ³⁸ Иванов В. Социална структура... Т. 2. С. 99.
- ³⁹ Бонев В. О едином, народном и Отечественном фронте Болгарии. М., 1973. С. 339.
- ⁴⁰ Беров Л. Икономическо развитие на България... С. 246.
- ⁴¹ Добриянов В. Изграждане на развитото социалистическо общество... С. 53.
- ⁴² Партиен живот. 1984. № 8. С. 27.
- ⁴³ Минков М. Населението и работната сила в България. С. 104.
- ^{44–45} Годишник на Софийския Университет «Климент Охридски». Философски факултет. С., 1981. Т. 72. С. 105.
- ⁴⁶ Тилкаджиев Н. Слоевата структура на социалистическото общество // Социологически проблеми. 1987. № 3. С. 37.
- ⁴⁷ Минков М. Населението и работната сила в България. С. 171.
- ⁴⁸ Там же. С. 173.
- ⁴⁹ Статистически годишник на НРБ. С., 1968. С. 70. 91.
- ⁵⁰ Годишник на Софийския Университет «Климент Охридски». С. 151.
- ⁵¹ Златев З., Матеев, Б., Мигев В. България в епохата на социализма. С., 1981. С. 138.
- ⁵² Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 186.
- ⁵³ Иванов В. Социалната структура. Т. 1. С. 5.

**О ХАРАКТЕРЕ
РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
РУМЫНСКОГО ОБЩЕСТВА
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(1945—1980 гг.)**

Н. Ю. Калашникова

Освобождение от фашизма, осуществление народно-демократической революции, индустриализации, кооперирования сельского хозяйства, культурной политики — все это происходило в Румынии в неразрывной связи с процессом становления качественно новой социальной структуры общества, вставшего на путь модернизации.

Рассмотрим, что привнесло ее развитие в формирование экономической, политической и культурной подсистем румынского общества в переходный период; какие качественные и количественные критерии социально-классовой структуры определяли состояние и динамику этих подсистем общества в его движении от аграрной к аграрно-индустриальной модели.

В первые десятилетия XX в. Румыния была экономически отсталой страной, в социально-экономической сфере которой в значительной степени сохранялись докапиталистические формы. Аграрный характер экономики (сельское и лесное хозяйство давали 54,9% национального дохода, промышленность — 33,7, транспорт и связь — 7,8, другие отрасли — 3,3%¹) в значительной степени предопределил основные тенденции развития социально-классовой структуры. Показатели развития производительных сил, например в черной металлургии, были в 3 раза ниже, чем в соседних с Румынией странах². Состояние основных отраслей промышленности не удовлетворяло требованиям расширенного воспроизводства на капиталистической основе и ликвидации отставания народного хозяйства.

По примерным данным в 1920—1921 гг. число рабочих в промышленности и на транспорте составляло 550 тыс. человек³, в 1930 г. общая численность рабочих и низшего технического персонала составила 1,4 млн человек, или 16% активного населения⁴. На период 1934—1938 гг. нет сводной статистики, касающейся рабочих, по

© Н. Ю. Калашникова, 1990

на рост их численности указывают ряд данных по отраслям: в 1938 г., по сравнению с 1933 г., в добывающей промышленности доля занятых выросла на 52,7%, в металлургии — на 62,9, в химической промышленности — на 67,9%, и т. д.⁵

В условиях преобладания в Румынии простейших форм капиталистического производства труд на мануфактуре давал рабочему возможность заниматься и сельским хозяйством на своем наделе земли. Рабочий при этом не порывал патриархальных связей с деревней, перестройка его социальной психологии происходила крайне медленно. В условиях низкой концентрации производства только на небольшом числе крупных, хорошо оснащенных техникой и оборудованием капиталистических предприятий рабочие были заняты круглый год и становились пролетариями в полном смысле. К середине 40-х годов доля таких предприятий с персоналом в 500—1000 человек составила только 6,8%, с персоналом более 1000 человек — 5,1%⁶.

Самым многочисленным классом румынского общества было крестьянство. Аграрная реформа 1918—1921 гг. практически не изменила характера землепользования, усилив процесс классовой дифференциации в деревне. Кризис сельского хозяйства, разорение трудящегося крестьянства свидетельствовали, что феодально-крепостнические пережитки тормозят развитие производительных сил отрасли.

По данным переписи 1930 г., безземельные крестьяне и беднота (с наделами до 5 га) обладали 74,9% всех хозяйств, середняки (с наделами от 5 до 10 га) — 17,1, кулаки — 7,2%. 25 тыс. помещиков владели более, чем половиной всей земли, но на них приходилось лишь 0,8% всех хозяйств⁷. По выборочному опросу 1935 г. 65,2% крестьянских хозяйств с наделами до 1 га не имели скота. В этой группе 1 плуг приходился на 10 дворов. В этот период в Румынии на 1 га земли использовалось в 2 раза меньше сельхозмашин, чем в Болгарии, и в 15 раз меньше, чем в Германии⁸.

Кроме пролетариата и крестьянства, производителями материальных благ в городе и деревне были ремесленники, мелкие торговцы. Довольно многочисленной была категория чиновников — неоднородная по уровню образования, роду занятий, происхождению, материальному положению, месту в обществе, по интересам ее полярных слоев. Однако в условиях нарастающего экономического

кризиса подавляющая часть средних слоев городов испытывала глубокие материальные затруднения, а часто и нужду, и объективно их интересы сближались с пролетариатом.

Несмотря на небольшой удельный вес (менее 1%), важную роль в общественной жизни играла интеллигенция, значительная часть которой находилась в служении у буржуазно-помещичьего режима. Процесс ее интеграции с рабочим классом был затруднен⁹.

Вступление Румынии в период народно-демократической революции не привело к быстрым сдвигам в ее социально-классовой структуре. До 6 марта 1945 г., когда было сформировано первое народно-демократическое правительство под руководством П. Гроза, происходили отдельные изменения, в незначительной степени влиявшие на развитие производительных сил страны. Большие корректизы были внесены аграрной реформой 1945 г., уничтожившей класс помещиков. Процесс, начатый антифашистским восстанием 23 августа 1944 г., завершился 30 декабря 1947 г., когда буржуазия была устранена с политической арены.

Фашистская диктатура внесла значительные трудности в социально-экономическое положение страны. Свержение режима Антонеску в августе 1944 г., политическая победа, одержанная демократическими силами Румынии 6 марта 1945 г., не могли быть закреплены без побед на экономическом фронте. Весь комплекс мер, принятых народной властью с декабря 1946 по июнь 1947 г., создавал необходимые организационные и законодательные предпосылки для плодотворной деятельности румынского народа по преодолению застоя и дезорганизации экономики. Однако к лету 1947 г., по сравнению с 1938 г., уровень пропизводства достиг лишь 48%, производительность труда — 50%, в то время как число рабочих и служащих за это время увеличилось на 140%¹⁰. В результате нехватки сырья, неполного восстановления фабрик и заводов, саботажа бездействовало 17,6% промышленных предприятий¹¹. Противоречие между необходимостью подъема производства и возможностями реализации этого требования продолжало остро проявляться прежде всего вследствие низкого уровня развития производительных сил.

Таким образом, приступая к экономической модернизации, Румыния располагала ярко выраженной аграрно ориентированной социально-классовой структурой. Ядро пролетариата, будучи немногочисленным, растворя-

лось в массе малограмотных, неквалифицированных рабочих — вчерашних выходцев из сельской местности, не порывавших экономических и социальных связей с образом жизни крестьянства. Средние слои города, испытывая экономические трудности, в своей массе разорялись и интегрировались с пролетариатом. Румынская интеллигентия в целом медленно шла на установку социальных и экономических контактов с новым правительством.

Такая социально-классовая структура с экономической точки зрения не являлась оптимальной для осуществления экономической модернизации (малочисленность и низкая степень квалификации рабочего класса, культивировавшего патриархальные стереотипы сознания; социальная индифферентность интеллигенции, нехватка кадров высокой квалификации, способных включиться в научно-производственную деятельность). Демократизация общественной жизни также встретила на своем пути значительные препятствия (большинство крестьянского населения только освободилось от деспотического феодального гнета, в своей массе было малокультурно, но при этом являлось источником рекрутования рабочего класса). В идеолого-культурной сфере социально-классовая и экономическая структуры обусловили проблемы, о которых в свое время говорил В. И. Ленин: «...Чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности»¹².

На начальном этапе экономической модернизации социально-классовая структура румынского общества испытывала процесс становления: динамика социальной мобильности особенно активно проявлялась на макроструктурном уровне (переход из класса или слоя в другой класс или слой; рост рабочего класса за счет крестьянства, городских мелкобуржуазных слоев). Формирование нового поколения интеллигенции на начальном этапе осуществлялось в значительной степени за счет представителей других социальных категорий и в меньшей, учитывая политическую конъюнктуру, за счет воспроизведения. На микроструктурном уровне доминировали центро斯特ремительные тенденции (сплочение рядов рабочего класса вокруг его общественно активного и профессионально подготовленного ядра, трансформация масс кресть-

япства в класс кооперированного крестьянства). Данные процессы были актуальны для Румынии на этапе строительства основ модернизированной экономики, т. е. до середины 60-х годов.

На следующем этапе модернизации (до конца 80-х годов), связанном с усилением централизации экономических и политических структур, происходило совершенствование социальной системы. Социальная мобильность переносится на микроструктурный уровень: внутри социальных категорий доминируют центробежные тенденции, усиливается диверсификация внутри социальных групп. В условиях Румынии это было связано с завершением кооперирования сельского хозяйства и уничтожением эксплуатации человека человеком в деревне, переходом к ее модернизации; созданием основ единой, социалистической промышленности и началом функционирования социальных аспектов влияния НТР (появление новых социопрофессиональных отрядов внутри рабочего класса, выделение так называемых транзитных, пограничных, социальных групп типа рабочий-интеллигент, крестьянин-рабочий и т. д.). Следует подчеркнуть, что в условиях СРР обе стороны социальной мобильности (внутриклассовая и межклассовая) до сих пор не приобрели определяющего значения и находятся на начальном этапе развития.

В течение длительного периода рабочий класс Румынии эволюционировал как в количественном, так и в качественном смысле. Его доля в активном населении страны выросла с 14,6% в 1948 г. до 50% в первой половине 70-х годов, а в абсолютном исчислении — с 1,2 млн человек в 1950 г. до 2 млн в 1956 г. и 3,3 млн в 1966 г.¹³ Наибольший рост наблюдался в ключевых отраслях экономики: машиностроение, металлообработка, химическая, металлургическая промышленность, энергетика. В соответствии с данными табл. 3, в 1950 г. в этих отраслях было занято около 30% рабочих, в начале 70-х годов — около 40%.

Данные табл. 3 позволяют заключить, что по сравнению с 1950 г. доля рабочих, занятых в промышленности, выросла в 1960 г. в 1,7 раза; в 1970 г. — в 2,8 раза. В сельском хозяйстве соответственно в 1,5 и 2,0 раза. Однако в наибольшей степени росла доля рабочих, занятых в сфере торговли (в 1960 г. — в 2,8, в 1970 г. — 4,1 раза), в коммунальном хозяйстве (соответственно в 2,7 и 5,4 раза), в связи (соответственно в 2,1 и 3,2 раза). Таким образом, наиболее активным притоком рабочего

Таблица 1.
Динамика активного населения Румынии
по социальным категориям, %

Социальная категория	1956 г.	1966 г.	1976 г.
Рабочие	20,0	36,6	50,9
Интеллигенция и служащие	10,4	11,9	14,7
Кооперированные крестьяне	7,6	41,7	26,7
Крестьяне-единоличники	58,9	6,8	4,9
Кооперированные ремесленники	0,9	2,2	2,9
Некооперированные ремесленники	1,9	0,8	0,5
Прочие	0,3	—	—
Всего	100,0	100,0	100,6

Источник: Рассчитано по: Anuarul statistic al RSR. 1977 Вис., 1978. Р. 101—102, 113—115, 321.

Таблица 2.

**Социальная структура населения в городской и сельской местностях по данным переписей 21 февраля 1956 г.
и 15 марта 1966 г., %**

Социальные категории активного населения	Городская местность		Сельская местность	
	1956 г.	1966 г.	1956 г.	1966 г.
Рабочие	48,3	59,2	12,7	27,5
Интеллигенция и служащие	32,0	24,6	4,8	4,5
Кооперированные крестьяне	1,4	1,7	9,9	57,1
Крестьяне-единоличники	10,6	1,2	69,6	7,8
Ремесленники	7,7	3,8	2,9	2,8
Всего	100,0	90,5	99,9	99,7

Источник: Рассчитано по: Recensămîntul populației din 21 febr. 1956. Rezultate generale. Вис., 1959; Recensămîntul populației din 15 martie 1966. Вис., 1969.

класса был в отрасли, связанные со сферой обслуживания: торговля, коммунальное хозяйство, т. е. туда, где от рабочего не требовалось высокой степени профессиональной подготовки и уровня образования.

В процентном отношении доля рабочего класса от числа работающих в тех или иных отраслях народного

Таблица 3.

Распределение рабочих по отраслям экономики, тыс. чел.

Отрасль	1950 г.	1960 г.	1970 г.
Промышленность	640,4	1067,9	1815,4
Строительство	137,7	315,6	596,0
Сельское хозяйство	180,6	266,8	374,3
Лесное хозяйство	14,2	14,7	14,7
Транспорт	94,7	166,9	299,4
Связь	16,1	34,5	51,6
Торговля	83,1	233,3	343,5
Коммунальное хозяйство	38,0	102,7	204,2
Всего	1204,8	2202,4	3699,1

Источник: Anuarul statistic al RSR, 1978. Buc., 1979. P. 107.

хозяйства изменялась в 1950, 1965, 1975 гг. соответственно в промышленности — 64%; 78,8; 85,8; в строительстве — 73,9%; 70,5; 78,2%; на транспорте — 56,8%; 84,2; 86,5%¹⁴. Таким образом, в этих важных отраслях рабочий класс представлял в указанный период решающую силу.

Значительный отряд рабочих трудился в сельском хозяйстве; в 1956 и 1966 гг. доля рабочих в сельском населении страны выросла с 12,7% до 27,5% (см. табл. 2), в абсолютном исчислении сельскохозяйственный отряд рабочего класса увеличился, как показывает табл. 3, с 180,6 тыс. человек в 1950 г. до 374,3 тыс. в 1970 г. Особенно значительной на селе была роль рабочих, трудящихся в МТС. Рабочие этих предприятий набирались, как правило, из местных, крестьянских кадров, что существенно сказалось на профессиональном, качественном уровне их работы. До середины 50-х годов местная сеть механиков состояла на 50% из практиков без специального образования. Среди старших механиков доля профессионально неподготовленных составляла 75%¹⁵. Соотношение числа подготовленных трактористов, шоферов, бригадиров в 1948—1952 гг. и кадрового состава реально работающих на соответствующих предприятиях в 1953 г. показывает, что наряду с нехваткой кадров высшего звена значительной была текучесть рабочих кадров. Среди причин этого явления — низкие за-

работки, невозвращение в сельскую местность после службы в армии, т. е. перемена социального статуса¹⁶. Учитывая общую стратегию компартии Румынии на сокращение числа занятых в сельском хозяйстве, можно заключить, что возрастание численности рабочего класса в сельскохозяйственных отраслях в переходный период связано, во-первых, с общим ростом численности населения, а во-вторых, с возрастанием доли временно занятых на сельхозпредприятиях. Наиболее активно проявлялась тенденция к сокращению доли рабочего класса в сельскохозяйственных отраслях и переход их в несельскохозяйственные сферы.

В период 1945—1989 гг. в румынской экономике происходили изменения в территориальном размещении рабочего класса. В 1938 г. 70% рабочих было сконцентрировано в 8 промышленных центрах, таких, как Бухарест, Брашов, Хунедоара, Тимишоара, Сибиу, Клуж. К середине 60-х годов в 5 уездах страны — Хунедоара, Прахова, Брашов, Сибиу, Караши-Северин и муниципалитете Бухарест — рабочие составляли 1/2 всего населения, при этом наиболее высоким их процент был в уезде Хунедоара — 64,7%. В среднем по стране в этот период доля рабочих по уездам составила 21,9% от активного населения. В начале 70-х годов 16 уездов имели долю рабочего населения выше средней по стране, между тем как в таких районах, как Ботошань, Васлуй, Телеорман, Вранча, Бузэу, Ильфов, Олт, показатели оставались ниже средних¹⁷.

Следует учитывать при этом, что наиболее развитые в промышленном отношении районы страны традиционно имели приоритеты в государственных дотациях, что, с одной стороны, позитивно отражалось на развитии там производительных сил, повышении уровня жизни, а с другой — ставило в неадекватные условия промышленно отсталые или традиционно сельскохозяйственные районы¹⁸.

По данным статистики, наиболее значительным источником рекрутования рабочего класса на протяжении всего изучаемого периода оставалось население сельской местности, в основном крестьянство. Сельские пролетарии и крестьяне-бедняки в попытках источников доходов вынуждены были перебираться в города и напоминаться на промышленные предприятия. Этот процесс был связан с активизировавшейся в конце 40-х годов урбанизацией. По данным переписей очевидно, что только за период

1930—1948 гг. городское население выросло на 21,7%. Статистика роста отдельных городов, в том числе Бухареста, свидетельствует, что отток рабочей силы из деревни поглощался наиболее крупными и промышленно развитыми центрами. За этот период на г. Бухарест пришлось около 48% всего притока¹⁹.

Ряды рабочего класса пополнялись за счет мелкой городской буржуазии, разорявшейся в процессе обострившейся конкурентной борьбы. Наиболее заметно этот процесс протекал в Трансильвании и Банате. Эта категория населения в меньшей, чем крестьянство, степени становилась резервом для роста рядов пролетариата. В некоторых отраслях с середины 40-х годов решающее значение имел приток женского рабочего персонала: в текстильной промышленности женщины составили 50% работающих, в целом по стране их доля в промышленности была равна 13,2%²⁰. В 1950 г. женщин среди рабочих было 30%, к началу 70-х годов — около 34%²¹. В таких отраслях, как текстильная, пищевая, швейная, оптика, а также в новых сферах промышленного производства — электронике, электротехнике — к началу 70-х годов женщины составили большинство рабочих.

Из сельского ареала в города прибывали представители «свободных профессий», ремесленники; доля выходцев из сельской местности в рабочем классе составляла в 1948—1956 гг. 68,8%, в 1956—1966 гг. — 62,8, в 1967—1977 гг. — 60,5%. В абсолютных цифрах этот приток составил соответственно 1,2 млн, 1,1 млн, 2,2 млн человек²².

Процесс воспроизводства рабочего класса может быть оценен количественно только по отдельным, эпизодическим данным статистики. К концу 70-х — началу 80-х годов доля потомственных рабочих составила 35%, в то время как выходцев из крестьян — более 50%²³.

Процесс формирования рабочего класса Румынии в переходный период был ориентирован на экстенсивное развитие, обусловленное не только стратегией на его неуклонный численный рост, но и самими источниками его пополнения. Среди качественных характеристик следует отметить рост образовательного и профессионального уровня рабочих. Необходимо иметь в виду, что румынская статистика относит к квалифицированным всех людей, получивших ту или иную профессиональную подготовку.

Выражением социопрофессионального и социокультурного развития рабочего класса Румынии является рост его так называемого образовательного запаса, т. е. числа лет учебы на душу населения. В 1948 г. большинство рабочих имели образование 4 класса, в 1956 г. этот показатель оставался столь же высоким — 85%, к середине 70-х годов он упал до 1/3, а доля выпускников 7—8-летних школ выросла до 35%²⁴. Таким образом, на протяжении изучаемого периода значительная часть рабочих не имела прочных знаний, багажа общей культуры, и их профессиональная подготовка в связи с этим затруднялась.

С конца 40-х до начала 70-х годов число профессиональных школ сократилось с 511 до 459 в связи с введением других форм подготовки. В эти годы на промышленных предприятиях практически отсутствовали другие формы подготовки рабочих кадров: организованная система обучения на рабочих местах, в специализированных технических лицеях и курсы повышения квалификации получили повсеместное распространение только в 70-е годы.

По переписи населения 1948 г., ту или иную степень квалификации имели 19,2% рабочих в деревообрабатывающей промышленности, 21,9% — в строительстве, 25% — в химической промышленности, 44,4% — в добывающей, 63,7% — в металлургии. В целом по стране около 39% рабочих имели какую-либо квалификацию²⁵.

За период 1948—1970 гг. профессиональные школы окончили примерно 1 млн человек²⁶. В 1958 г. доля их выпускников была равна 18,2%, в 1968 г. — 18,7%; рабочие с начальным образованием составили в эти годы соответственно 81,8% и 78,8% их общего числа. В середине 60-х годов наибольшее количество квалифицированных рабочих (38,3%) приходилось на возрастную категорию до 29 лет, т. е. на новое, второе послевоенное поколение рабочего класса. В возрастных категориях старше 35 лет доля квалифицированных рабочих падала. В среднем в группе рабочих до 29 лет ту или иную квалификацию получили в середине 60-х годов 88,7%²⁷.

По структуре действовавших в то время в Румынии профессиональных школ можно судить о приоритетных направлениях подготовки квалифицированных рабочих: наибольшее число таких школ приходилось на отрасли, обеспечивающие осуществление ускоренной индустриализации, — металлургию, машиностроение (1950 г. — 264,

1960 г.—72, 1970 г.—61 школа); значительно уступали другие отрасли, например сельское хозяйство (1950 г.—72, 1960 г.—261, 1970 г.—94 школы); каждая из отраслей, дававших основной прирост рабочего класса,— торговля, коммунальное хозяйство, строительство, связь— располагала в указанные годы в среднем от 25 до 34 школ²⁸.

Таким образом, количественный рост рабочего класса в изучаемый период шел в основном за счет неквалифицированной рабочей силы, не вовлекаемой в процессе производственной деятельности в ту или иную форму профессионального обучения.

Следует учитывать и значительную неоднородность рабочего класса, наиболее квалифицированная часть которого была направлена на осуществление индустриализации. Отрасли, связанные с обеспечением повышения уровня жизни населения (сельское хозяйство, пищевая, легкая промышленность, сфера обслуживания), поглощали количественно многочисленную, но неквалифицированную рабочую массу — рабочий класс первого поколения, не порвавший социальных связей с прежним, патриархальным укладом жизни.

Крестьянство Румынии в первые послевоенные годы представляло полярно дифференциированную массу. Земельная реформа 1945 г. была первой мерой, с помощью которой революционно-демократические силы приступили к решению аграрного вопроса в интересах трудящихся крестьянских масс, к становлению новой социально-классовой структуры. В результате аграрной реформы к 1947 г. трудовое крестьянство владело 92% всех хозяйств и имело в своем распоряжении 80% всей земли²⁹. Вместе с тем большинство крестьянских хозяйств составляли бедняцкие (57%), середняцкие — 1/3. Кулацкие дворы (5%) имели примерно в 4 раза больше земли и в 23 раза больше скота, чем бедняцкие и даже середняцкие хозяйства³⁰. Материальное положение румынской деревни в целом оставалось очень тяжелым: в 1947 г. орудий для обработки земли не имели 80% хозяйств с наделами до 1 га и 63% хозяйств с площадью от 1 до 3 га, 25% — от 5 до 10 га³¹.

Аграрная реформа способствовала возникновению государственного сектора в деревне (создавались фермы, тракторные станции). Он располагал 140 тыс. га земли, 18 тыс. больших и малых сельхозмашин и 23 тыс. голов скота³².

Таблица 4.

Социальная дифференциация крестьянства в румынской деревне, %

Год	Безземельные	Малоземельные	Середняки
1956	21,2	42,1	36,7
1957	19,1	41,5	39,4
1958	18,8	42,0	39,2
1959	13,4	44,7	41,9
1960	10,5	44,7	44,8

Источник: Dezvoltarea agriculturii Republicii Populară Române. Buc., 1961. Р. 41.

Вместе с тем бывшие батраки, наделенные землей по аграрной реформе 1945 г., страдали от нехватки инвентаря и рабочего скота. Преобладание мелких крестьянских хозяйств, рутинная техника, низкая культура земледелия тормозили развитие отрасли, ставили под угрозу снабжение городского населения продуктами питания, а следовательно, и осуществление индустриализации.

В марте 1949 г. Румынская рабочая партия выдвинула план революционного преобразования сельского хозяйства путем создания кооперативных объединений крестьянства. Коопериование сельского хозяйства осуществлялось достаточно быстрыми темпами: в июле 1949 г. были созданы первые 5 коллективных хозяйств, в конце 1949 г.—56, к концу 1955 г.—2152 коллективных сельских хозяйств и 4471 сельхозтоварищество. К середине 1960 г. кооперативный сектор охватывал 81% крестьянского населения. Вне его оставалось 680 тыс. семей. К весне 1962 г. коопериование сельского хозяйства было в основном завершено³³.

Число кулацких хозяйств в процессе коопериования сокращалось со 170—180 тыс. в 1949 г., 108,6 тыс. в 1952 г. до 66,4 тыс. в 1957 г. и 26,4 тыс. в 1959 г.³⁴. Политика экономического ограничения кулачества была рассчитана на длительный срок и не означала его экспроприации. Однако допущенные в конце 40-х — начале 50-х годов перегибы в экономической политике по отношению к кулаку приводили в ряде случаев к тому, что он прекращал вести хозяйство, что рассматривалось,

в свою очередь, как форма борьбы кулачества против народной власти. Подобные факты вели в копечном счете к падению производства сельскохозяйственной продукции в кулацких хозяйствах и отрицательно сказывались на общем развитии сельскохозяйственного производства, поскольку вклад этих хозяйств в централизованный фонд был существенным: в 1952 г. они давали государству 12,5% ржи и пшеницы, 11,6% кукурузы, 11,2% подсолнечника³⁵. На августовском (1953 г.) Пленуме ЦК РПРП политика в отношении кулака была скорректирована: встал вопрос о предоставлении ему права и возможностей для ведения хозяйства³⁶.

В апреле 1962 г. в Румынии насчитывалось 6546 колхозных сельских хозяйств (3,1 млн крестьянских семей) и 1317 сельхозтовариществ, образованных главным образом в горных областях, где условия для колхозификации были особо трудными. В них оставались 241,8 тыс. семей³⁷.

В середине 60-х годов численность крестьян-единоличников составила 700 тыс. человек, или 6,8% всего активного населения. Они распределялись по 601 коммуне в горных и предгорных районах Средних и Западных Карпат. В их распоряжении находились 1,4 млн га земли, 2,3 млн овец, 900 тыс. свиней, около 1 млн голов крупного рогатого скота. В начале 70-х годов представители этой социальной категории производили 30% козьего молока, 22 коровьего, 17 яиц, 13,5% мяса, выращивали 11% домашней птицы³⁸.

Процесс кооперирования сельского хозяйства оказал решающее воздействие на формирование социальной однородности румынского крестьянства.

Изменения в социальной структуре крестьянства имели как позитивные, так и негативные последствия. Среди первых можно выделить рост производительности труда, тенденции к повышению технического уровня и сокращению числа занятых в сельском хозяйстве. Однако те же факторы привели и к появлению негативных тенденций в развитии крестьянства как социальной категории.

Зависимость румынской экономики от сельского хозяйства на протяжении длительного периода и в настоящее время объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, сельская местность является основным источником рабочей силы города и промышленности в целом; во-вторых, сельское хозяйство призвано кормить страну и производить товары на экспорт.

Приток сельского населения в города, вызванный ускоренной индустриализацией, привел к увеличению доли городского населения; в 1948 г., 1956, 1966 гг. она составляла соответственно 23,4%, 31,3 и 47,5%³⁹. Из приведенных данных следует, что Румыния в данный период уверенно шла по пути достижения уровня индустриального, урбанизированного государства. Однако этот процесс в большой мере связан с использованием сельскохозяйственного общественного продукта для поддержания индустриального роста и соответственно сельскохозяйственной рабочей силы, малоквалифицированной в своем большинстве, для формирования рядов рабочего класса. Опираясь на данные статистики, можно заключить, что в первые послевоенные десятилетия в сельском хозяйстве производилась большая часть общественного продукта, в то время как ему доставалась лишь незначительная доля инвестиций. И наоборот, доля промышленности в общем фонде капиталовложений была значительно выше, чем вносимый ею вклад.

Урбанизация как процесс, потребовавший больших усилий в укреплении городов, оказала негативное воздействие на румынскую деревню. Одним из проявлений этого является более низкий, чем в городе, уровень жизни на селе. Использование бытовой техники в румынской деревне в середине 60-х годов оставалось неудовлетворительным: на 1 тыс. населения имелось 123,9 радиоприемников, 28,8 телевизоров, 22,9 стиральных машин⁴⁰.

Электрификация села была осуществлена только к 1968 г. вместо запланированного 1962 г. Лишь в середине 60-х годов для строительства на селе как частных, так и общественных зданий стали доступны строительные материалы⁴¹. Остро стояла проблема малых деревень, где организация обслуживания населения обходилась государству очень дорого.

Урбанизация привела к дефициту рабочей силы на селе, ее старению и феминизации, что особенно очевидно на примере традиционно аграрных, не получавших достаточных средств районов, горных местностей. Путь молодежи из семей крестьян с индивидуальными наделами лежит «с гор — на равнину», а затем чаще всего — в города, где она не сразу интегрируется в урбанистическую культуру.

Низкий уровень технического оснащения обусловил невысокую производительность труда в сельском хозяйстве: по стране в среднем для обслуживания 100 га земли

в середине 60-х годов требовался труд -37 человек. По уездам — в Добрудже — 19,7, в Банате — 23,1, в Брашове — 24,5, в Сучаве — 48,9, в Бакэу — 51,8 человек ⁴². В 1960 г. один специалист с высшим образованием приходился на 1165 тружеников села ⁴³.

Культурный облик румынского крестьянства несомненно претерпел позитивные изменения. В годы кооперирования сельского хозяйства важным методом убеждения и просвещения была культурно-массовая работа. Через дома культуры и клубы крестьянство вовлекалось в социалистический сектор. К началу 60-х годов в селах страны было создано 12 тыс. домов культуры, 8 тыс. библиотек, 4,3 тыс. кинопередвижных установок и кинотеатров ⁴⁴. Разворачивалась пропаганда агротехнических знаний посредством организации кружков и курсов. Строились новые школы. Число учащихся на 100 тыс. населения в 1938/39 учебном году в сельской местности составило лишь 7 человек, в 1963/64 г. — 427 человек ⁴⁵. В целом же успехи в развитии социокультурной и образовательной сферы обусловлены не только ее высоким уровнем, но и значительными темпами экономической и культурной модернизации, начавшейся с низких исходных показателей.

Наряду с уже отмеченными проблемами в подготовке кадров для сельского хозяйства необходимо выделить недостаточность требований к подготовке школьников и лицейников характеру сельскохозяйственного производства, например, в горных районах. Социологические опросы показали острую необходимость включения в курс лицейского преподавания таких дисциплин, как агрозоотехника, садоводство, изучение средств малой механизации. За отсутствием подобных учебных заведений дети из семей, где традиционно культивировалось, например, животноводство и садоводство, вынуждены обучаться в индустриально-промышленных лицеях ⁴⁶. Таким образом, проблемы подготовки кадров для сельского хозяйства в значительной степени объяснялись недостаточным развертыванием профессионального обучения с учетом основных потребностей сельского хозяйства и специфических нужд той или иной местности, ее традиций. Данная ситуация усугублялась начавшейся в 60-е годы практикой ликвидации «нежизнеспособных» малых деревень и переселением крестьянского населения в формируемые агропромышленные центры, где новые трудовые ресурсы быстро поглощала местная промышленность.

Оставаясь наряду с промышленностью базовой отраслью румынской экономики, сельское хозяйство развивалось в тесной зависимости от требований ускоренной индустриализации. Производительные силы отрасли функционировали на основе остаточного принципа финансирования и социального обеспечения со стороны государства. Трудовое, в основной массе кооперированное крестьянство и в 70-е годы продолжало оставаться главным источником роста рядов рабочего класса, испытывая в своей демографической структуре процессы старения и феминизации. Наряду с количественным сокращением крестьянства в исследуемый период не произошло существенных сдвигов в сближении между городом и деревней, между образом и уровнем жизни на селе и в городе.

В целях выявления степени практического участия интеллигенции в общественной жизни необходимо рассмотреть ее количественные характеристики, проблемы рекрутования и подготовки кадров, социальные и политические функции.

При подходе к количественному анализу румынской интеллигенции необходимо учитывать критерии национальной статистики, структурные и сущностные характеристики интеллигенции как социальной категории. Статистические издания предполагают следующие признаки принадлежности к интеллигенции: это лица, занятые преимущественно умственным трудом и выполняющие административную и руководящую работу, технические кадры и ученые-специалисты, преподаватели всех уровней, деятели искусств, активисты массовых и партийных организаций, представители государственного аппарата, юристы, работники прокуратуры, нотариата, экономисты, служители культов⁴⁷. В ряде статистических изданий в категорию «интеллигенция» включены также служащие.

Количественные характеристики интеллигенции имеют тенденцию к росту. Так, число лиц с высшим образованием, занятых в народном хозяйстве, увеличилось со 158 тыс. в 1958 г. до 210 тыс. в 1964 г., 398 тыс. в 1972 г. и до 478 тыс. в 1976 г.⁴⁸ По данным переписей населения, численность интеллигенции вместе со служащими составляла в 1950 г. 900 тыс., в 1956 г.—1 млн, в 1966 г.—1,1 млн, в 1977 г.—1,5 млн человек. Соответственно возрастала доля интеллигенции и служащих в активном населении: 10,1%; 10,4; 11,9; 14,7%⁴⁹.

Мы не располагаем данными о количественной стороне интеграции старой интеллигенции с народной властью,

а также о числе эмигрировавших представителей этой социальной группы. Практика деятельности компартии Румынии в годы народно-демократической революции показывает, что привлечение на сторону рабочего класса широких кругов интеллигенции представляло одну из важнейших задач. Еще в годы подполья, в период борьбы против фашизма многие представители интеллигенции, в том числе выдающиеся деятели культуры, поддержали политику РКП. Позиция коммунистов, выступавших в защиту и за развитие демократических ценностей и традиций румынской культуры, а также патротические настроения интеллигенции привели к сближению ее представителей с демократическими слоями⁵⁰. Представители различных категорий интеллигенции: писатели, композиторы, художники, преподаватели высших и средних учебных заведений — выступали с демократических позиций, сами непосредственно оказывали поддержку борьбе пародных масс.

В довоенный период и в годы войны значительная часть интеллигенции специализировалась в области права, теологии, что было связано с соответствующей структурой высшей школы. В 1938 г. в стране было 3 университета с 33 факультетами, насчитывалось всего 4 технических института, готовивших инженеров по весьма ограниченному кругу специальностей⁵¹. Большинство студентов посещали юридические и филологические факультеты, в технических вузах занималось всего 14,7% от их общего числа; инженеров было менее 9 тыс.⁵². Вскоре после установления пародной власти старая система подготовки в вузах была заменена. Увеличилось число факультетов и кафедр технического профиля.

Подготовка новых кадров в условиях распространения марксистско-ленинской идеологии находилась в центре культурной политики компартии. Необходимость воспитания нового поколения интеллигенции усугублялась часто необоснованно настороженным отношением новой власти к старым специалистам, а также имевшей место деятельностью эмигрантских организаций, западных средств информации и т. д. Последними пропагандировался тезис о невозможности создать новую, социалистическую румынскую культуру⁵³. Вместе с тем влияние культа личности Сталина, гонения на ряд представителей интеллигенции в СССР обусловили соответствующую политику в Румынии. С партийной трибуны пропагандировался тезис о необходи-

ности настороженного отношения к старым специалистам, искоренения «проявлений космополитизма» в искусстве.

Вопросы воспитания новых поколений интеллигенции связывались компартией с необходимостью для специалистов высшей квалификации стать генератором, хранителем и проводником идей нового общественного строя, новой культуры.

Значительное место в решении задачи подготовки кадров новой интеллигенции отводилось реорганизации системы образования всех уровней. Уже в 1951 г. число неумеющих читать сократилось в 4 раза (до 1944 г. Румыния занимала среди европейских стран одно из первых мест по числу неграмотных — 35% населения)⁵⁴. К концу 1955 г. неграмотность была почти полностью ликвидирована. Особое место занимает реформа народного образования 1948 г., демократизировавшая школу, сделавшая ее доступной для всех трудящихся⁵⁵. Школа была отделена от церкви, система просвещения получила единую организацию при обеспечении свободного перехода от одной ступени обучения к другой. В 1961 г. введено всеобщее семилетнее, а потом и обязательное восьмилетнее образование. В 1968 г. срок обучения в средней школе был увеличен до 10 лет⁵⁶. В учебных заведениях подготовлено в 1951 г. 128 тыс., в 1961 г. — 151,1 тыс., в 1971 г. — 154 тыс. специалистов со средним специальным образованием; обучением этих кадров был занят большой отряд педагогических работников высшей квалификации⁵⁷. Еще в 1945 г. Национальная конференция компартии поставила задачу совершенствования подготовки кадров, особенно педагогических. После реформы 1948 г. были созданы курсы усовершенствования преподавательских кадров как в уездах, так и центральные — в Бухаресте. Позже там был открыт Центральный институт усовершенствования педагогических кадров, созданы институты в Яссах, Клуже, Тимишоаре⁵⁸.

По статистическим данным, численность специалистов с высшим образованием в СРР возрастила в основном за счет учебных заведений промышленного, строительного и транспортного профиля (см. табл. 5), что связано с курсом на ускоренную индустриализацию и сокращением числа занятых в сельском хозяйстве. В этой связи можно говорить об отличии процесса и самой стратегии формирования интеллигенции в Румынии от других стран народной демократии, где в целом имел место пропорциональный рост кадров высшей квалификации практически

Таблица 5.

Специализация выпускников высших учебных заведений,
тыс. человек

Год	Всего	Промышленность, транспорт, связь	Сельское хозяйство	Экономика, право	Медицина, физкультура	Педагогика	Искусство
1950	8,4	1,5	0,5	2,8	2,0	1,4	0,2
1960	10,9	2,9	1,6	1,5	2,0	2,7	0,2
1970	24,5	6,9	1,7	3,4	1,9	10,1	0,5

Источник: Статистический ежегодник стран—членов СЭВ. С. 424.

по всем отраслям (кроме искусства и кинематографии)⁵⁹. При этом существенная нехватка специалистов высшей квалификации ощущалась и в тех отраслях румынской экономики, где их подготовка стимулировалась — промышленность, строительство, транспорт,— что порождало трудности в реализации широкой программы ускоренного промышленного развития. Особую нужду в специалистах с высшим образованием испытывало сельское хозяйство: в 1950 г. в этой отрасли работали всего 401 ветеринарный врач, 434 инженера-механизатора, 612 инженеров-зоотехников⁶⁰.

Возрастала роль интеллигенции в осуществлении научного руководства народнохозяйственной деятельностью. В довоенной Румынии работало 52 научно-исследовательских института с 2 тыс. научных работников⁶¹. Событием в научной жизни стало преобразование в 1948 г. Румынской академии в Академию РНР (с 1965 г.— Академия СРР). В 1951—1960 гг. исследовательские работы значительно расширились, однако ученые, как свидетельствовала пресса тех лет, не ориентировались на широкое практическое применение полученных результатов. Трудности возникали из-за слабого развития теоретических разработок в области техники, промышленного производства. Исследования в этот период велись в основном по принципу «наука ради науки»⁶².

К середине 60-х годов в области научных исследований работали 45,3 тыс. ученых, распределенных по 110 научно-исследовательским центрам. По решению IX съезда РКП (1965 г.) в целях повышения эффективности научно-исследовательских разработок была осуществлена организационная перестройка научных учрежде-

ний, созданы новые органы управления ими: Национальный совет по науке и технологии, Академия социальных и политических наук, Академия сельскохозяйственных наук, Академия медицинских наук. Для сближения научно-исследовательских институтов с производством научные учреждения химического, физического, технического профиля были переданы из Академии СПР в отраслевые министерства⁶³.

Значительно выросла доля интеллигенции, занятой в области социального обеспечения и здравоохранения. В 1950 г. число врачей всех специальностей составило 15,6 тыс. человек. К началу 70-х годов оно выросло в полтора раза, хотя доля выпускников медицинских факультетов в общем числе выпускников вузов в этот период сократилась с 17,5% до 8%⁶⁴. Существовавший дефицит медицинских работников был особенно острым в сельских районах страны: в начале 70-х годов в уездах Олт, Сэлаж, Телеорман, Бистрица-Нэсэуд, Яломица, Бузэу, Тулча один врач обслуживал от 1,4 тыс. до 1,7 тыс. пациентов⁶⁵.

Важную роль в осуществлении культурной политики играл отряд творческой интеллигенции. В результате преобразований значительно окрепла материальная база румынского искусства. Расширилась сеть культурно-массовых учреждений, возросло их влияние на общий уровень культуры.

Становление румынского социалистического искусства проходило в условиях поисков путей дальнейшего развития, конфликтных дискуссий о «чистом искусстве». Методы творческого самовыражения, противоречившие или не совпадавшие с социалистическим реализмом, осуждались. В обращении компартии к писателям в 1949 г. была поставлена задача создания произведений искусства и литературы, отображающих широкие преобразования, совершившиеся в стране⁶⁶.

Большое внимание уделялось в этот период развитию средств массовой информации, театру, кинематографу. При этом подчеркивалась необходимость всемерно поддерживать творчество тех представителей старой интеллигенции, которые избрали для себя путь служения новому обществу, интересам трудящихся. Наряду с этим компартия со страниц печати призывала повысить уровень политico-воспитательной работы среди творческой интеллигенции, обратить внимание на формирование ее

молодого поколения в духе борьбы с примиренчеством с пережитками буржуазной идеологии.

В условиях острой полемики с прежними взглядами на искусство, как «нечто чуждое жизненным реалиям», недоступное всеобщему пониманию, происходила реорганизация всей творческой жизни в направлении централизации управления культурой. В 1949 г. создаются Союз писателей, Художественный фонд, Союз композиторов, Институт кинематографии и техническая школа кинематографии, в 1950 г.— Союз работников изобразительных искусств.

Творческие вузы подготовили в 1950 г.— 200, в 1970 г.— 500 молодых актеров, музыкантов, кинематографистов⁶⁷. В 1938 г. в стране было 20 драматических и музыкальных театров, в 1938—1950 гг. работало 15 симфонических оркестров, 2 оперных театра, в начале 70-х годов число театров всех профилей достигло 150⁶⁸.

Процесс формирования интеллигенции связан как с непосредственными нуждами народного хозяйства, так и со сложившейся под влиянием ряда субъективных факторов системой социальной межклассовой и внутриклассовой мобильности. Многие социопрофессиональные группы интеллигенции, пополнившиеся в 40-е годы за счет воспроизводства, к началу 70-х годов стали приоритетными для выходцев из семей крестьян и рабочих. В целом самая высокая степень воспроизводства сохранилась за интеллигенцией (наряду с представителями административного аппарата) в медицине, подготовке преподавательских кадров для вузов — 55—60 %. Выходцы из семей рабочих и интеллигенции составляют 65—70 % среди студентов технических вузов, в то время как их доля среди представителей таких специальностей, как сельское хозяйство, крайне мала, незначительно также число студентов крестьянского происхождения в технических вузах⁶⁹.

Социологические исследования показывают, что уровень подготовки выпускников средних школ в сельской местности в изучаемый период был ниже, чем в городе, что отразилось и на подготовке кадров интеллигенции в вузах с преобладанием студентов крестьянского происхождения (правоведы, преподаватели средних школ, специалисты сельского хозяйства). Вместе с тем организация высшего технического образования мало ориентировалась на производственную практику. Адаптация специалистов с высшим техническим образованием к практической дея-

тельности на промышленных предприятиях и в области прикладных научных исследований проходила с большими трудностями. В 60-е годы активизировался процесс неоднократного изменения молодыми специалистами мест работы в поисках возможностей наименьшего приложения знаний, данных высшей школой: многие оседали на административных должностях или выполняли работу на уровне среднего и среднеспециального образования⁷⁰.

Ориентация высшей школы на непосредственные нужды производства, набор студентов под конкретные рабочие места проходили уже в 70-е годы, когда нехватка кадров высшей квалификации, особенно в условиях экспансивного развития, и непомерное увеличение административного аппарата приняли широкий размах.

По мнению румынских ученых, существенным позитивным явлением в развитии интеллигенции как социальной категории социалистического общества было то, что к 1968 г. доля интеллигенции, получившей образование в годы народной власти, достигла 87,2%⁷¹. Следует при этом учитывать тезис о полной адаптации к новому социальному статусу лишь в третьем поколении.

На протяжении исследуемого периода менялись социальные функции интеллигенции. Приведенные данные свидетельствуют, что на начальном этапе процесса модернизации наибольшее значение имела ее инструктивно-образовательная функция. Процесс хранения, передачи и создания духовных ценностей в условиях нового строя проходил не без конфликтов и корректировался Коммунистической партией.

С необходимостью перехода к интенсивной экономике возросла потребность в научном руководстве материальным производством, в работе по выбору научно-технических, идеологических, политических приоритетов, а также в повышении уровня культуры народа. В условиях Румынии, когда процесс перехода от «чистой науки» к научному обеспечению производственной деятельности протекал крайне медленно, роль интеллигенции как научного координатора материального производства осуществлялась слабо.

Существовали также определенные резервы в укреплении позиций интеллигенции и в политической сфере: апрельский (1962 г.) Пленум ЦК РКП определил задачи, связанные с приемом в партию крестьян, с таким расчетом, чтобы они составляли в ней вместе с рабочими не

менее 75%. К 1965 г. представители всех остальных социальных категорий составили в партии 22%⁷².

Интеллигенция Румынии в указанный период испытывала трудности, вытекавшие из практики пополнения ее рядов за счет крестьянства и рабочего класса, когда степень общеобразовательной подготовки оказывала негативное воздействие на социопрофессиональные характеристики специалистов высшей квалификации. К концу 70-х — середине 80-х годов численный рост интеллигенции сопровождался нарастанием неоднородности ее рядов, обусловленной функционированием первого и в незначительной степени второго поколения интеллигентов.

Средние слои города (мелкие торговцы, ремесленники, лица свободных профессий) в условиях перехода к ускоренной социально-экономической и политической модернизации, в отличие от положения в промышленно развитых странах, имели ярко выраженный маргинальный характер. В первые послевоенные годы эти немногочисленные, экономически слабые слои испытывали большие материальные тяготы. Разоряясь, терпя нужду, значительная часть их влилась в ряды рабочего класса.

Политически неустойчивый характер позиции этих социальных слоев объяснялся тем, что ни в первые послевоенные годы, ни позже они не являлись общественно значимыми субъектами социально-экономических и политических отношений.

В категорию «кооперированные ремесленники», по данным румынской статистики, включены лица, выполняющие функции рабочих, но состоящие в кооперативах, артелях местных промыслов по контракту или специализации. Ремесленники-единоличники — это со всеми характеристиками рабочих, но трудящиеся единолично, в своих мастерских.

В середине 50-х годов доля кооперированных ремесленников и ремесленников-единоличников вместе с представителями свободных профессий и «незаявленными» составляла всего 3,1% активного населения (см. табл. 1). Экономические позиции этих слоев не всегда обеспечивали элементарные условия для жизни. Численно они имели тенденцию к сокращению⁷³.

Кооперированные кустари и ремесленники составляли в 1956 г. 0,9%, в 1966 г. — 2,2% активного населения, некооперированные соответственно 1,9% и 0,8%. С образованием промысловых кооперативов ремесленники превратились в новую социальную категорию. Артели под-

ключались к производственной деятельности (в процентном отношении по убывающей) в промышленности, затем — в коммунальном и сельском хозяйстве, в строительстве⁷⁴. Идентичная структура приложения сил у ремесленников-единоличников. Сфера обслуживания, в частности сеть общественного питания, не использовала в существенной мере труд данной категории населения. В переходный период не предпринималось шагов для расширения социально-экономической активности этих групп населения⁷⁵.

Специфические особенности экономико-политической модернизации в Румынии обусловливались прежде всего соотношением классовых сил в стране; процесс перехода к новым, в данном случае централизованным методам экономического и политического руководства, протекал постепенно, по мере изоляции буржуазно-помещичьих партий и группировок, роста и укрепления позиций компартии, получившей к концу 40-х годов монополию на власть.

Анализируя изменения, произошедшие в социально-классовой структуре Румынии в послевоенный период, следует отметить среди наиболее важных моментов численный рост и укрепление рядов рабочего класса, формирование широкого отряда кооперированного крестьянства паряду с сокращением доли крестьянства как социальной категории в активном населении, рост рядов и воспитание новых поколений конъюнкт интеллигенции.

Относительная самостоятельность социально-классовой структуры в данный период определялась тем обстоятельством, что, будучи зависимой от политических, экономических, социокультурных и демографических факторов, она сама оказывала влияние на действие и развитие этих сторон жизни. В условиях Румынии зависимость социально-экономического и политического развития от направляемой п стихийной мобильности социально-классовой структуры прослеживается особенно ярко. В рамках действовавших тогда концепций социалистического строительства с учетом специфики румынского варианта, социально-классовая структура являлась критерием для соотнесения поставленных в переходный период целей и объективных реалий.

Основной чертой взаимовлияния и взаимозависимости социальной структуры с другими подсистемами общества был экспансивный характер их развития. Ускоренная индустриализация осуществлялась в значительной степени за счет других отраслей экономики, в первую очередь,

за счет сельского хозяйства. становление рабочего класса проходило посредством поглощения рабочей силы из сельской местности. На примере соотношения качественных и количественных параметров рабочего класса и крестьянства можно судить об углублении противоречий между городом и деревней.

В пищевой и легкой промышленности, сфере обслуживания формирование рабочего класса проходило благодаря росту числа рабочих в целом, но в ущерб его качеству, т. е. квалификации и уровню образования. Те же процессы были характерны и для интеллигенции, стратегия формирования которой находилась на уровне складывания.

Развитие социально-классовой структуры, рассчитанное на экстенсивные факторы, обусловило невысокий уровень жизни и культуры, степени участия в управлении. Причем это воздействие имело длительный эффект: социологические опросы, проведенные на ряде промышленных предприятий Бухареста уже в середине 80-х годов, свидетельствовали о низкой активности рабочих в органах коллективного руководства, созданных там в середине 70-х — начале 80-х годов⁷⁶.

Не преувеличивая роль социального фактора, можно тем не менее заключить, что уже в середине 60-х — начале 70-х годов экстенсивные источники роста социальной структуры исчерпали себя, хотя и в последующий период на них возлагались определенные надежды: продолжался курс на сокращение числа занятых в сельском хозяйстве при снижении эффективности производства в отрасли, провозглашалась необходимость более широкого привлечения женщин к промышленному производству и т. д.

Решить создавшиеся проблемы мог только переход к интенсивному способу хозяйствования.

¹ Социалистическая индустриализация стран народной демократии. М., 1960. С. 181.

² Развитие экономики РНР по пути социализма, 1948—1957. М., 1958. С. 96.

³ Situația clasei muncitoare din România, 1914—1944. Buc., 1966. P. 112.

⁴ Ibid. P. 231.

⁵ Ibid. P. 290—291.

⁶ Economica României între anii 1944—1959. Buc., 1959. P. 198.

⁷ Recensămîntul general al populației României din 30 dec. 1930. Buc., 1938—1941. V. 5, 6.

⁸ Economica României intre anii 1944—1959. P. 638.

- ⁸ Румыния в годы народно-демократической революции, 1944–1947. Бухарест, 1974. С. 35.
- ¹⁰ Zece ani de la Conferința națională a PCR. Buc., 1956. P. 126.
- ¹¹ Румыния в годы народно-демократической революции. С. 38.
- ¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 168.
- ¹³ Anuarul statistic al RSR, 1978. Buc., 1979. P. 106–107.
- ¹⁴ Revista de statistică. 1983. N 2. P. 12.
- ¹⁵ Покивайлова Т. А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства в Румынии. М., 1974. С. 125.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Подсчитано по: Anuarul statistic al RSR, 1974. Buc., 1975. P. 24, 68.
- ¹⁸ Sampson S. Urbanization planned and unplanned: the case of Brasov city. L., 1979; *Idem*. The planners and the peasants: an antropological study of urban development in Romania. Eisberg, 1982.
- ¹⁹ Использованы расчеты Н. Константинеску (Situarea clasei muncitoare din România).
- ²⁰ Situația clasei muncitoare din România. P. 470.
- ²¹ Trăistaru E., Trăistaru I. Omogenizarea societății românești. Craiova, 1979. P. 212.
- ²² Adumitrăcesei I. D. Echilibrul rural-urban în etapa actuală // Era socialistă. 1984. N 3. P. 19, 204.
- ²³ Trăistaru E., Trăistaru I. Omogenizarea... P. 212–213.
- ²⁴ Păcuraru I. Dinamica dezvoltării și calificarea forței de muncă // Era socialistă. 1979. N 23. P. 27.
- ²⁵ Golopentia A., Georgescu O. Populația RPR la ianuarie 1948. Buc., 1959. P. 124, 129.
- ²⁶ Anuarul statistic al RSR, 1974. P. 342–345, 353.
- ²⁷ Ionescu C., Hofman O. Clasa muncitoare din Republica Socialistă România. Buc., 1974. P. 102–103.
- ²⁸ Anuarul statistic al PSR, 1978. P. 503.
- ²⁹ Alianța clasei muncitoare cu țărăniminea muncitoare în România. Buc., 1969. P. 396.
- ³⁰ Краткая история Румынии. М., 1987. С. 444–445.
- ³¹ Alianța clasei muncitoare... P. 370.
- ³² Ibid. P. 369.
- ³³ Краткая история Румынии. С. 446–453.
- ³⁴ Dezvoltarea agriculturii Republicii Populare Române. Buc., 1961. P. 41.
- ³⁵ Покивайлова Т. А. Социалистическое преобразование... С. 114.
- ³⁶ Подробнее см.: Покивайлова Т. А. Социалистическое преобразование... Rezoluții și hotărârile ale CC al PMR (1951–1953) Buc., 1954. V. 11. P. 479.
- ³⁷ Agricultura României, 1944–1964. Buc. 1965. P. 49.
- ³⁸ Trebici V. Zona colinar-montană și unele probleme demografice // Era socialistă. 1982. N 6. P. 16–19.
- ³⁹ Anuarul statistic al Romaniei, 1977. Buc., 1978. P. 45.
- ⁴⁰ Revista de statistică. 1985. N 1. P. 16.
- ⁴¹ Turnock D. Restructing of rural settlement in Romania // The Slavonic and East-European review. London; Liverpool. 1976. N 1. P. 88.
- ⁴² Turnock D. Economical geography of Romania. L., 1974. P. 191.
- ⁴³ Fulea M., Tamaș G. Modernizare și structura țesuală în comunitatea rurală. Buc., 1982. P. 44.

- ⁴⁴ Gavrilăescu N., Mraru I. Muncă cultural-educativă în satul colectivizat // Lupta de clasă. 1963. N. 9. P. 5.
- ⁴⁵ Filipescu V. Învățămîntul obligatoriu în România și în alte tări. Buc., 1972. P. 34.
- ⁴⁶ Rey R. Viitor în Carpați. Craiova, 1979. P. 54.
- ⁴⁷ Recensămîntul populației și al locuințelor din 5 ianuarie 1977. Buc., 1980. V. I. P. 10–16.
- ⁴⁸ Blaga I. Populația activă a României. Buc., 1979. P. 232–233.
- ⁴⁹ Trăistaru E. Dinamica structurii sociale și omogenizarea socială // Era socialistă. 1980. N. 10. P. 16.
- ⁵⁰ Никита П. Роль РКП в борьбе за установление власти трудящихся // Из истории Великого Октября и последующих социалистических революций. М., 1978. С. 383.
- ⁵¹ Anuarul statistic al RSR, 1980. Buc., 1981. P. 545.
- ⁵² Anuarul statistic al RSR. 1982. Buc., 1983. P. 291.
- ⁵³ Социалистическая Республика Румыния. М., 1985. С. 320–321.
- ⁵⁴ Scînteia. 1981. 30 ian.
- ⁵⁵ Legea pentru reforma invățămîntului // Scînteia. 1948. 3 aug.
- ⁵⁶ România în anii socialismului, 1948–1978. Buc., 1980. P. 375.
- ⁵⁷ Статистический ежегодник стран – членов СЭВ. М., 1985. С. 417.
- ⁵⁸ Социалистическая Республика Румыния. С. 336.
- ⁵⁹ Статистический ежегодник стран – членов СЭВ. С. 423–424.
- ⁶⁰ Anuarul statistic al RSR, 1981. Buc., 1982. P. 379.
- ⁶¹ Румынские горизонты. 1982. № 1. С. 28.
- ⁶² Cultura socialistă în România. Buc., 1974. P. 115–116.
- ⁶³ Социалистическая Республика Румыния. С. 202.
- ⁶⁴ Anuarul statistic al RSR, 1978. P. 515.
- ⁶⁵ Ibid. P. 521.
- ⁶⁶ Momente ale revoluției culturale din România. Buc., 1964. P. 100.
- ⁶⁷ Статистический ежегодник стран – членов СЭВ. С. 424.
- ⁶⁸ Națiunea română în etapa edificării societății sociale multilateral dezvoltate. Buc., 1986. P. 99.
- ⁶⁹ Trăistaru E., Trăistaru I. Omogenizarea... P. 250.
- ⁷⁰ Dinamica socială a învățămîntului universitar. Craiova, 1973. P. 215–227.
- ⁷¹ Социалистическая Республика Румыния. С. 332.
- ⁷² Scînteia. 1962. 26 apr.; Scînteia. 1967. 22 apr.
- ⁷³ Sida A. Structura de clasă a societății românești și procesul omogenizării sociale // Era socialistă. 1979. N. 10. P. 27.
- ⁷⁴ Recensămîntul populației al României din 5 ianuarie 1977. V. II. P. 322.
- ⁷⁵ Социалистическая Республика Румыния. С. 27.
- ⁷⁶ Подробнее см.: Cazacu P., Mițulescu D., Glodeanu I. Democrație socialistă în acțiune. Buc., 1986.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО МЕЛКОТОВАРНОГО СЕКТОРА В СФРЮ В КОНЦЕ 40-Х — НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ И ИХ ОСВЕЩЕНИЕ В ЮГОСЛАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

И. С. Пимоненко

Проблемы общественно-политической динамики, развития социально-экономических отношений в СФРЮ находятся в центре внимания югославской теоретической мысли на протяжении всего послевоенного периода¹. Этот интерес обусловлен не только тем обстоятельством, что победившая социалистическая революция в Югославии поставила на повестку дня решение задач, связанных со строительством нового общества, но еще и тем, что особенности социалистического развития, вызванные приятием КПЮ (с 1952 г. СКЮ — Союз коммунистов Югославии) и осуществлением с начала 50-х годов курса на социалистическое самоуправление, потребовали от югославских обществоведов осмысления процессов, происходивших в общественных структурах в эти годы. Одной из проблем, получивших отражение в югославских исследованиях по социально-экономической истории, является проблема мелкотоварного производства, и в частности мелкотоварного сектора города при социализме.

В этой связи заслуживают внимания анализ югославских работ по вопросам становления и развития городского мелкотоварного производства в Югославии в послевоенный период, освещение в них роли и места мелкотоварного сектора города на разных этапах социалистического строительства, определение наиболее характерных тенденций в югославской историографии по этой проблематике. Изучение указанных вопросов и ознакомление с научной литературой СФРЮ представляются тем более актуальными, что в советской исторической науке пока отсутствуют исследования, посвященные осмыслению югославского опыта включения мелкотоварного производства в социалистическое строительство. За исключением небольшого раздела в книге А. И. Бузлаевой «Ленинский план кооперирования мелкой промышленности

© И. С. Пимоненко, 1990

СССР», где говорится о различных формах кооперации в сфере ремесленничества в Югославии, краткого упоминания о динамике мелкотоварного производства города в монографии «Социалистическая Федеративная Республика Югославия», а также статьи Н. С. Долгих о социально-классовой структуре СФРЮ², в которой приводятся данные, характеризующие изменение численности ремесленников, других исследований по этой проблематике в советской историографии нет. Поэтому данная статья призвана в какой-то степени восполнить этот пробел и одновременно познакомить читателя с освещением рассматриваемой проблематики в югославской научной литературе. Хронологические рамки статьи охватывают период до начала осуществления в СФРЮ общественно-экономической реформы 1965 г.

Югославская историография по указанной проблеме прошла путь от работ преимущественно описательного и иллюстративного характера до обобщающих и монографических исследований, специально посвященных развитию городского мелкотоварного производства в годы строительства социализма в стране^{1*}. Вплоть до середины 50-х годов каких-либо специальных научных исследований о городском мелкотоварном производстве (за исключением публикации статистических материалов) в Югославии не было. Несколько позже появился ряд работ, посвященных хозяйственной системе СФРЮ и формам кооперации в деревне, где затрагивались и вопросы развития мелкотоварного сектора в городе в первые послевоенные годы и в начале 50-х годов³. В них паряду с приводимой статистикой, отражающей развитие ремесленничества в Югославии, кратко излагались положения основных законодательных актов, политика государства в этой области, рассматривались различные формы кооперации в ремесленном производстве.

В 60-е годы та тенденция в историографии, представители которой освещали вопросы развития городского мелкотоварного производства в весьма сжатой форме и в контексте рассмотрения общей экономической политики, по-прежнему превалировала⁴. Вместе с тем в этот период появились отдельные исследования, авторы которых подходили к изучению проблемы несколько иначе — с позиций освещения трудоустройства и занятости, а также

^{1*} Выводы и оценка позиций югославских исследователей о роли мелкотоварного сектора базируются на доступной в настоящее время автору литературе.

динамики социально-классовой структуры югославского общества. При этом либо упоминались (М. Мишович⁵, «Двадцать пять лет социалистической Югославии»⁶), либо кратко анализировались (Б. Хорват⁷, С. Шувар⁸) некоторые тенденции развития городского мелкотоварного сектора в СФРЮ (его структура, число занятых, место мелкотоварных производителей в экономической и социальной структуре общества). Работы Б. Хорвата и С. Шувара отличались аналитическим подходом.

С начала 70-х годов получили дальнейшее развитие ранее утвердившиеся в югославской историографии направления в исследовании городского мелкотоварного производства при социализме — в рамках общих работ, посвященных экономике СФРЮ (Б. Хорват, Б. Биеллич⁹) и социально-классовой структуре общества (В. Милич, С. Шувар¹⁰), а также в качестве комментариев к публикуемым статистическим материалам¹¹. Для историографии того времени характерно более глубокое осмысление происходивших в этой сфере процессов, прежде всего из-за увеличения временной дистанции. Вместе с тем расширился диапазон исследуемых тем, охватывавших частный сектор в ремесленничестве и сфере услуг (статья Ч. Грбича и другие исследования)¹². В 1973 г. вышла из печати монография П. Алексича, целиком посвященная проблемам развития городского мелкотоварного сектора в СФРЮ до середины 60-х годов¹³.

В 80-е годы паряду с небольшими разделами о ремесленничестве в обобщающих работах, анализирующих хозяйственную политику и развитие экономики в СФРЮ (С. Ловренович¹⁴, В. Васич¹⁵, Б. Томашевич¹⁶), ряд проблем городского мелкотоварного производства в Югославии, а именно: изменение численности занятых, инвестиционная политика в отношении общественного и частного секторов в сфере ремесел — затрагивается в статьях И. Винского, Д. Марсенича и др.¹⁷ В работе Д. Стапимировича о классовой структуре югославского общества¹⁸ приводятся некоторые данные, свидетельствующие о развитии частного сектора в экономике Югославии в 50—70-е годы. Эти проблемы исследуются в работах Д. Вукчевича¹⁹, З. Величковича²⁰ и в ряде статей И. Бендековича, Р. Вугера и др., посвященных «малой экономике» Югославии²¹.

Однако наиболее полно проблематика частного сектора в ремесленном производстве и сфере услуг отражена в монографии Ч. Грбича «Социализм и труд с использо-

ванием частных средств», вышедшей в 1984 г.²² Комплексный подход к анализу развития частного сектора в Югославии (как в сельском хозяйстве, так и в городе) позволил ученому проследить эволюцию теоретических представлений в СФРЮ относительно роли частного сектора при социализме, правового регулирования положения этого сектора экономики, тенденции развития городского мелкотоварного производства и сферы услуг.

Таким образом, на основании изучения югославской литературы можно сделать вывод о том, что городское мелкотоварное производство в Югославии в той или иной степени исследовало прежде всего в работах общего характера, освещавших различные аспекты экономического развития СФРЮ и социально-классовой структуры общества. Это направление в югославской историографии развивается с середины 50-х годов. Рассмотрение проблем городского мелкотоварного сектора в контексте общей экономической политики и отдельных аспектов социально-экономического развития позволяет проследить главные направления изменений, происходивших в мелкотоварном секторе в период социалистического строительства в Югославии, выяснить место и роль, которые отводились государством мелкотоварному производству. Вместе с тем достаточно сжатое освещение данной проблематики, «пунктирное» изложение лишь некоторых тенденций его развития (в меньшей степени это относится к вышеупомянутым работам о социально-классовой структуре СФРЮ), ограничение исследования в ряде случаев комментарием к статистическим материалам снижают уровень анализа городского мелкотоварного производства.

Примерно с 70-х годов получило развитие новое направление в югославской историографии, представители которого специально освещают проблемы городского мелкотоварного сектора. К этому направлению можно отнести также работы о мелкотоварном производстве при социализме в целом, включая и мелкотоварный сектор города. Для них характерны интерес к вопросам развития частного сектора городской экономики, попытки более глубокого теоретического обобщения проблемы, изучение места мелкотоварного производства при социализме, взаимодействия нормативных и других факторов и их влияния на рост численности городских мелкотоварных производителей и др. Особо следует отметить появление первых монографий, непосредственно посвященных рассматриваемым проблемам (П. Алексича и Ч. Грбича)²³.

Обществоведы СФРЮ выделяют ряд этапов в развитии городского мелкотоварного производства в Югославии, каждый из которых соответствует, как правило, и определенному периоду в послевоенной историографии страны.

В качестве *начального* большинством югославских исследователей выделяется *период 1945–1949/1950 гг.* (время так называемого административного социализма, или революционного этатизма). Осуществленные тогда в Югославии коренные социально-экономические преобразования (национализация промышленности, банков, оптовой и розничной торговли, аграрная реформа и др.) обеспечили обобществление основных средств производства и сосредоточение в руках государства важнейших экономических рычагов управления общественными процессами. В результате этих мер частный сектор был ограничен сельским хозяйством и ремеслом. В первом пятилетнем плане развития народного хозяйства, принятом Народной скупщницей ФНРЮ в 1947, был зафиксирован курс на прорывание социалистической индустриализации с упором на развитие тяжелой промышленности²⁴. Вместе с тем в рамках этого плана, а также в Основном законе о кооперации 1946 г., регламентировалось положение ремесленников в обобществленном и частном секторах, предусматривались различные формы кооперации в ремесленничестве, намечались пути его развития.

Переход в руки государства в ходе второго этапа национализации (1948 г.) средних и мелких предприятий, в том числе и части ремесленных мастерских²⁵, диктовался необходимостью сосредоточить все наличные материальные средства и ресурсы на магистральном направлении — осуществлении форсированной индустриализации. Этой цели служили и меры, принятые государством для обеспечения преимущественного развития общественного сектора в ремесленничестве, и одновременно введение ряда ограничений для мелкотоварного частного сектора в ремесле.

Характеризуя политику государства в области ремесленного производства в тот период, югославские исследователи отмечают поощрение развития ремесленничества в целом (в рамках осуществления индустриализации) в условиях, когда промышленность не могла удовлетворить потребностей в товарах определенного качества и ассортимента. Подготовка кадров через ремесленничество, возможность использования местных сырьевых источников и отходов индустриального производства, обеспечение запя-

тости определенной части трудоспособного населения повышали значение этой сферы деятельности. Авторы подчеркивают «антиэксплуататорскую» направленность политики в отношении частного сектора, дифференцированный подход к трудовой и нетрудовой^{2*} части ремесленничества²⁶.

Действительно, в результате конфискации имущества ремесленников, сотрудничавших в годы войны с оккупантами, национализации крупных мастерских, которые по своему оснащению и объему выпускаемой продукции приближались к фабрике, эксплуататорская прослойка этой социальной группы была сведена к весьма малым размерам²⁷. Одновременно народной властью были изъяты из сферы частного сектора учреждения, связанные с торговлей (Основной закон о частных торговых предприятиях 1948 г., Закон о выкупе частных аптек 1949 г.). В соответствии с Общим законом о ремесленном производстве 1949 г. и другими законодательными актами, принятыми в республиках, предусматривался ряд мер по ограничению капиталистических и эксплуататорских тенденций в рамках ремесленничества: прогрессивное налогообложение, в том числе налог за использование наемной рабочей силы, определение наибольшего числа помощников. В отдельных случаях вообще вводился запрет на использование наемной рабочей силы и организацию ремесленного труда на дому для того, чтобы перекрыть каналы «сверхбогащения»; вводились ограничения на использование оборудования²⁸.

Все это привело в рассматриваемый период вплоть до 1949 г. к сокращению численности частных ремесленных мастерских (примерно на 1/3 по сравнению с 1946 г.). С другой стороны, с помощью ряда мер (система планового снабжения сырьем, инструментами и другими орудиями труда, политика цен на готовую продукцию, различные льготы благодаря кредитной и налоговой политике) стимулировалось развитие социалистического сектора в сфере ремесел, о чем свидетельствовало возрастание в этот период численности ремесленных организаций в социалистическом (общественном) секторе²⁹. В целом же общее число ремесленных мастерских по сравнению с до-военным уровнем сократилось в 1949 г. в 2 раза, что явилось следствием главным образом передачи в управление

---

^{2*} Под «нетрудовой» частью ремесленничества подразумеваются ремесленники, использующие наемную рабочую силу.

государственным предприятиям более или менее крупных мастерских в результате национализации³⁰.

Югославские ученые оценивают развитие городского мелкотоварного производства во второй половине 40-х годов в контексте решения народным государством задач, связанных с осуществлением в ФНРЮ ускоренной социалистической индустриализации: мобилизация всех имевшихся в распоряжении государства материальных ресурсов была необходима; более крупные ремесленные мастерские, национализированные в первые послевоенные годы, составили костяк зарождавшейся в то время промышленности; политика в сфере ремесел диктовалась необходимостью пресечь эксплуататорские тенденции частных ремесленников; ремесленные организации общественного сектора служили «резервом» государственных промышленных предприятий. Эта точка зрения отражена в давляющем большинстве научных исследований в СФРЮ.

Вместе с тем некоторые югославские авторы придерживаются мнения, что политика в отношении ремесленничества в этот период была чрезмерно жесткой, утвержденные правовые гарантии мелким ремесленникам не подкреплялись практическими мерами. Д. Биланджич, в частности, отмечает, что путем обязательных к исполнению директив госаппарата, определявшего производственные задания мелким собственникам не только по количеству и качеству производимой продукции, но и через предписания о ценах, обязательные и принудительные поставки, мелкая частная собственность приобрела формальный характер³¹. По мнению югославского историка, в основе политики КПЮ по отношению к мелким собственникам лежало стремление форсировать социальную трансформацию всех частных собственников — крестьян и ремесленников — в социалистических производителей, а такой «качественный скачок» совершить путем их превращения в рабочих государственного сектора или включения в кооперативы (задруги) с помощью различных административных мер³².

В. Милич пишет, что «навязанный им (городским мелким собственникам.— И. П.) непомерный налог» в период «этатизма» (т. е. централизованной системы государственного управления) часто превосходил едва осуществляемый товарооборот, что приводило во множестве случаев к закрытию мастерских и переходу их владельцев и рабочих, ранее занятых у них, в общественный сектор³³. Характеризуя налоговую политику в отношении частных

ремесленников в отдельные годы как «жесткую», В. Васич отмечает негативное влияние на уровень жизни трудящихся факта сокращения объема ремесленного производства и услуг в частном секторе при недостаточном развитии общественного сектора ремесленничества³⁴.

Второй период в развитии городского мелкотоварного сектора в Югославии условно охватывает *первую половину 50-х годов*³⁵ и в целом совпадает с началом осуществления рабочего самоуправления.

В эти годы сложившаяся после войны строго централизованная административная система управления народным хозяйством и планирования была заменена более гибкой системой рабочего самоуправления, значительно повысившей материальную заинтересованность непосредственных производителей в результатах своего труда. Широкая децентрализация управления сопровождалась передачей прав руководства и принятия решений по хозяйственным вопросам из центра на места (в республики, общинны, коммуны). Ряд законодательных актов (Общий закон о ремесленном производстве 1949 г., Распоряжение о ремесленных мастерских и ремесленных предприятиях 1954 г. и др.) определил главные направления развития мелкого городского производства. Так, с помощью соответствующих предписаний в эти годы (до перехода к новой системе хозяйствования в самом начале 50-х годов) стимулировалось создание ремесленных кооперативов (задруг), как производственно-перерабатывающих, так и в сфере обслуживания. Разрешалась также деятельность снабженческо-сбытовых кооперативов. Им предоставлялась соответствующая помощь со стороны государства, поощрялась также деятельность государственных ремесленных мастерских.

Ремесленные задруги представляли собой организации с кооперативной собственностью на средства производства, объединявшие мастеров-ремесленников и их помощников и наладившие коллективное производство. В них запрещалось использование наемной рабочей силы, а вознаграждение выплачивалось по установленному тарифу. Задруги обладали рядом преимуществ в организации производства по сравнению с частными мастерскими (большая концентрация рабочей силы и средств производства, возможность лучшего применения технических

³⁴* В большинстве работ этапы развития городского мелкотоварного производства после введения самоуправления в Югославии четко не фиксируются.

средств, более легкое включение в плановое производство и др.) и рассматривались государством как наиболее подходящая форма приобщения мелких ремесленников к социалистическому производству. Однако, хотя их число постоянно росло вплоть до конца 1950 г., а меры административного принуждения (затруднение снабжения, большее налогообложение) поощряли вступление в них частных ремесленников, эти кооперативы оказались в конечном счете нежизнеспособными. Впоследствии, с изменением условий хозяйствования, они не смогли выдержать конкуренции с частными ремесленными мастерскими и их число резко сократилось³⁵.

Деятельность государственных ремесленных организаций, оснащенных в основном оборудованием национализированных частных ремесленных мастерских, основывалась на тех же принципах, что и государственных предприятий в других отраслях экономики. Они имели такие же преимущества перед частным сектором ремесленничества, что и производственно-перерабатывающие задруги и задруги сферы обслуживания. С переходом к новой хозяйственной системе, закончившимся к 1952 г., что знаменовало отказ от распределительного снабжения, планирования и определения цен из центра, с одной стороны, и одновременно введение ряда мер, допускавших более свободное действие товарно-денежных отношений в сфере ремесел (свободное снабжение сырьем и формирование цен, оптовая продажа и продажа готовой продукции) — с другой, эти ремесленные организации оказались в трудном положении. Увеличение же в рассматриваемый период их численности вызвано прежде всего разделением крупных организаций на более мелкие, а также превращением части производственно-перерабатывающих задруг в государственные ремесленные мастерские. Это объясняется тем, что, оставшись без защиты государства, они не смогли преодолеть трудностей, возникших в связи с изменившимися условиями хозяйствования, диктовавшими необходимость быстрого приспособления к новой экономической системе³⁶.

Подобные организационные формы в общественном секторе ремесленничества просуществовали до 1954 г., когда после принятия Распоряжения о ремесленных мастерских и ремесленных предприятиях были введены новые формы объединений в этом секторе.

После принятия Общего закона о ремесленном производстве, которым устанавливается правовая гарантия осу-

ществления частной ремесленной деятельности, и в особенности с переходом к новым принципам функционирования хозяйственной системы сокращение численности ремесленных мастерских в частном секторе, наблюдавшееся в предшествовавший «административный» период, было не только приостановлено, но и наблюдалось ее возрастание (на 1/3 по сравнению с 1951 г.). Одновременно, до 1955 г. включительно, росло число лиц, занятых в данном секторе, численность занятых превысила показатели 1951 г. почти на четверть. Все эти годы фиксируется «экспансия» частного ремесленничества и по объему производства³⁷. Однако возрастание удельного веса частного сектора в структуре ремесленного производства к середине 50-х годов происходило не за счет усиления в нем капиталистических тенденций и роста «нетрудовой» части ремесленников. Это подтверждают статистические данные: изменение численности занятых в указанном секторе примерно соответствовало изменению численности частных ремесленных мастерских, что свидетельствует о минимальном использовании наемной рабочей силы. Югославские исследователи отмечают при этом, что речь идет об официально зарегистрированных лицах, нанимавших рабочих³⁸. Дело в том, что частный сектор быстро отреагировал на изменение условий хозяйствования. Не скованный теперь жесткими административными путами, он оказался более гибким и быстро приспособился к рыночной конъюнктуре, расширил объем производства и увеличил производительность труда. Это повлекло за собой сокращение организаций сферы обслуживания в общественном секторе ремесленничества.

Государство располагало весьма эффективными инструментами борьбы против эксплуататорских тенденций (Закон о ремесленном производстве 1949 г.). В 1954 г. были введены еще большие ограничения в этой сфере, включая меры, направленные против незаконного обогащения, спекуляции ремесленной продукцией. В частности, запрещалось нанимать свыше пяти рабочих, увеличивался налог на использование наемной рабочей силы, предусматривалась возможность запрещения выполнения определенных видов ремесленных работ, вводилась обязательная регистрация финансовыми органами работ, выполненных за пределами местонахождения мастерской, и др.³⁹

Оценивая развитие городского мелкотоварного сектора в рассматриваемый период, югославские исследователи

отмечают наиболее быстрое развитие ремесленного производства (как в общественном, так и в частном секторах). Новая хозяйственная система, пришедшая на смену «административной» в начале 50-х годов, стимулировала развитие деловой инициативы, в том числе в сфере ремесел, а ограничения, направленные против роста «нетрудовой» части ремесленников, блокировали возникновение капиталистической эксплуатации в широких размерах.

Вместе с тем некоторые югославские ученые отмечают, что предоставление коммунам права определять принадлежность того или иного мелкого производства к ремесленничеству, неодинаковость критерии установления ремесленного характера деятельности на территории республики или даже коммуны создавали возможность частным ремесленникам для выхода за разрешенные законом рамки⁴⁰. В этой связи в литературе указывается и на трудность, а порой и невозможность сопоставления статистических данных переписей ремесленничества в 1951, 1954, 1959 гг. из-за различных критериев, применявшихся в разные периоды⁴¹.

Отмечаются и отдельные случаи «неправильных взаимоотношений между государственными организациями и задругами», когда органы власти превышали свои полномочия, а кооперативы уклонялись от более тесных контактов с ними. Однако с переходом к рабочему самоуправлению такие случаи, считает М. Вучкович, стали редкостью⁴². Характеризуя Общий закон о ремесленном производстве и Распоряжение 1954 г., С. Ловренович определяет введенные ограничительные меры в отношении частных ремесленников как «успешные». В результате «индивидуальное ремесленничество, безусловно, сведено к рамкам трудового ремесленничества в еще большей степени, чем было до тех пор»⁴³.

Следующий, третий этап в развитии мелкотоварного сектора города в Югославии охватывает период, начиная с осуществления нового курса в экономической политике ФНРЮ и до общественно-экономической реформы, т. е. вторую половину 50-х – начало 60-х годов, когда в Югославии происходило дальнейшее совершенствование системы самоуправления, распространившегося и на непроизводственную сферу. Изменение условий хозяйствования, усилившееся воздействие на процесс производства экономических факторов и материальных стимулов и более тесная его увязка с конечным результатом труда благо-

приятно отразились на экономических показателях того времени (темперы роста общественного продукта в Югославии вплоть до начала 60-х годов были наиболее высокими за послевоенный период⁴⁴).

В это время произошла некоторая смена ориентиров в экономической политике СКЮ: при сохранении достаточно высоких, хотя и снизившихся по сравнению с предшествующим периодом, темпов роста продукции тяжелой промышленности обеспечивался преимущественный рост легкой индустрии, транспорта, жилищно-коммунальной сферы, сельского хозяйства. Новая ориентация в экономической политике объяснялась необходимостью устранения перекосов в структуре народного хозяйства, возникших или углубившихся на раннем этапе осуществления социалистической индустриализации, для обеспечения более ощутимого роста жизненного уровня трудящихся⁴⁵.

Развитие городского мелкотоварного сектора во второй половине 50-х — начале 60-х годов не соответствовало быстрому росту экономики. Так, в отличие от предшествующего периода, когда темпы роста ремесленного производства превосходили темпы роста экономики, в указанные годы ремесленничество развивалось намного медленнее, чем экономика в целом⁴⁶. В рамках каждого из двух секторов ремесла (общественного и частного) происходили разные процессы. Если в общественном секторе наблюдалось сокращение численности ремесленных предприятий и одновременно постоянно возрастало число занятых на них рабочих, что было связано с процессом укрупнения и концентрации ремесленного производства⁴⁷, то в частном — сокращалась и численность мастерских^{5*}, и число занятых работников⁴⁷. Следует отметить и то, что среднегодовые темпы прироста общественного продукта в социалистическом секторе ремесленничества в несколько раз превысили аналогичные показатели частного сектора⁴⁸. Следовательно, можно говорить о более интенсивном развитии общественного сектора в сфере ремесел, и наоборот — о замедлении роста производства в частном секторе.

* Производственные мощности в общественном секторе ремесленничества к началу 60-х годов возросли в 5 раз, по сравнению с 1951 г.

** В 1963 г. численность мастерских была в 1,5 раза меньше, чем в 1954—1955 гг., и лишь немногим превосходила уровень 1951 г., а число занятых сократилось на 1/3 по сравнению с 1954 г. и примерно соответствовало показателям 1951 г.

Так, на долю общественного сектора в структуре общественного продукта, произведенного ремесленничеством, к началу 60-х годов приходилось около 65% (на долю частного сектора — около 35%) в то время как в начале 50-х годов его удельный вес составлял менее половины⁴⁹. Однако общая доля ремесленничества в совокупном общественном продукте Югославии несколько сократилась (с 6,3% в 1957 г. до 5% в 1965 г.)⁵⁰.

Замедление развития ремесленного производства, обусловленное прежде всего значительным отставанием частного ремесленничества, было вызвано рядом обстоятельств.

Частные ремесленные мастерские составляли от 82% до 96% мастерских в 1951—1963 гг., на них приходилось свыше половины всех лиц, занятых в ремесленном производстве (с конца 50-х годов из-за более быстрого сокращения числа мастерских — меньше половины)⁵¹. Это говорит о том, что на тенденции развития ремесленного производства весьма существенно влияла ситуация в частном секторе ремесленничества. Сохранение ориентации в государственной политике на преимущественное развитие общественного сектора в сфере ремесел, рассматривавшегося прежде всего как резерв крупной промышленности, сопровождалось принятием и ужесточением мер, направленных против роста эксплуататорских тенденций в частном ремесленничестве, увеличением налогового обложения собственников ремесленных мастерских. Кроме того, осуществляя контроль над ценами на изделия и услуги ремесленников, местные органы (общины), как правило, устанавливали их на более низком уровне, чем если бы они свободно формировались на рынке, как это имело место в отношении продукции большинства других отраслей. С учетом постоянного роста цен, в том числе на средства и предметы труда в самом ремесленничестве, это означало по существу дезинвестирование ремесленного производства⁵², что отразилось на отставании частного сектора в сфере ремесел и ремесленничества в целом. Так, хотя мастерские общественного сектора и были технически лучше оснащены по сравнению с частным сектором, они все же значительно уступали по этому показателю промышленным предприятиям. А если принять во внимание и высокую степень изношенности основных средств в ремесленничестве⁵³, то отставание в его развитии в этот период, особенно на фоне стремительного роста экономики, было еще значительным.

Следует отметить, что в развитии общественного сектора преобладала тенденция к поощрению производственного ремесленничества и через его концентрацию и укрупнение к превращению ремесленных мощностей в мощности мелкой промышленности, в том числе там, где для этого не было подходящих условий⁵⁴. Вместе с тем ремесленничество сферы обслуживания в общественном секторе практически не развивалось⁵⁵. Это привело к диспропорциям между ремесленничеством сферы обслуживания, к отставанию последнего от возраставших потребностей экономики и запросов граждан.

Общая стагнация сферы обслуживания и одновременный быстрый рост спроса на услуги населению (ремонт бытовой техники, автомобилей, отделочные строительные работы) не только не привели к расширению частного сектора в этой сфере ремесленничества, но там в рассматриваемый период произошло даже сокращение объема услуг. Объясняя такую ситуацию, П. Алексич указывает на жесткую административную линию и соответствующую налоговую политику местных органов в отношении лиц, занятых в сфере обслуживания, и применение к ним тех же предписаний и ограничений, что и к остальным группам частных ремесленников⁵⁶.

Югославские исследователи считают, что сокращение во второй половине 50-х — начале 60-х годов численности ремесленных мастерских в частном секторе происходило прежде всего за счет собственников, не панимавших рабочих, а также за счет экономически более слабых ремесленников, не выдерживавших конкуренции и бремени финансовых обязательств. С учетом сокращения общего числа частных мастерских это означало возрастание доли ремесленных мастерских, в которых использовалась наемная рабочая сила. Однако общее число рабочих, занятых у частных мастеров-ремесленников, судя по официальным данным, сократилось. По данным переписей 1954 и 1959 гг., численность наемных рабочих уменьшилась с 49 454 до 34 589 человек⁵⁷. В результате в конце 50-х — начале 60-х годов на каждые четыре ремесленные мастерские приходилось в среднем по одному рабочему помимо самого владельца⁵⁸.

Следует, между тем, отметить, что в югославской литературе ставится под сомнение соответствие данных, приводимых в официальной статистике, реальному положению и указывается на их занижение вследствие того, что многие частники стремились скрыть реальное число

наемных рабочих или же вообще уклонялись от их регистрации с целью утаить действительные доходы. Ряд югославских ученых считает, что общая численность занятых в частном секторе была не намного меньше, чем в общественном секторе ремесленничества⁵⁹.

В конце 50-х годов отчетливо проявились негативные явления, связанные с чрезмерным обогащением, неразрешенным законом использованием наемной рабочей силы, с сокрытием доходов, незаконными сделками с представителями общественного сектора и др. Это на рубеже 50–60-х годов повлекло за собой контрмеры со стороны государственных органов (увеличение налогов, усиление административных мер). Предпринятые действия одновременно затронули и интересы трудовой части ремесленничества, в особенности занятых в сфере обслуживания, что ускорило процесс сокращения числа частных мастерских в начале 60-х годов⁶⁰. С целью приостановить это сокращение и добиться определенной стабилизации положения в частном секторе ремесленничества был принят Общий закон о ремесленных мастерских самостоятельных ремесленников (1963 г.).

В соответствии с законом допускалась при определенных условиях организация ремесленного труда дома у работника, что ранее было запрещено, местным органам разрешалось устанавливать особые льготы для лиц, занимавшихся художественными промыслами, снимался ряд ограничений на деятельность в сфере обслуживания, в том числе на работу по совместительству⁶¹. В законе были отражены те статьи Конституции СФРЮ 1963 г., в которых общественно-экономическое положение индивидуальных производителей, а также их права и обязанности приравнивались к тому положению, правам и обязанностям, которое занимали и которыми пользовались трудящиеся общественного сектора⁶².

Согласно общему закону 1963 г., вводились новые организационные формы для частного ремесленничества, устанавливалась правовая основа для его более тесного сотрудничества с общественным сектором экономики. Так, предусматривалась деятельность новой договорной общественной ремесленной мастерской – своеобразной переходной формы, при которой в случае заключения самостоятельным ремесленником договора с общиной или хозяйственной организацией на его рабочем месте постепенно внедрялись принципы хозяйствования, существовавшие в ремесленных мастерских общественного сектора. Допу-

скалась возможность заключения самостоятельным ремесленником договора с отдельными организациями или учреждениями о временном или долгосрочном деловом сотрудничестве (выполнение ремесленных услуг, производство определенной ремесленной продукции) ⁶³. После принятия Общего закона 1963 г. заметилось более динамичное развитие частного сектора в сфере ремесел, совпавшее с началом осуществления общественно-экономической реформы в СФРЮ ⁶⁴.

Оценивая развитие ремесленничества во второй половине 50-х – начале 60-х годов, а также в рассматриваемый период в целом, ученые СФРЮ отмечают также изменения, произшедшие в других сферах частного городского сектора (помимо ремесленничества). Они совпадали с процессами, происходившими в частном секторе ремесленничества. В 1952–1960 гг. наблюдалось сокращение численности мелких собственников, не занимавшихся ремесленной деятельностью (владельцы транспортных средств, мелкие торговцы, обслуживающий персонал в гостинично-ресторанной сфере) с 64 тыс. до 45 тыс. ⁶⁵. Это привело к еще большему уменьшению их доли среди занятых в частном секторе города (с 1/3 в начале 50-х годов до чуть более 1/4 в начале 60-х) и соответственно к возрастанию удельного веса ремесленничества в структуре городского мелкотоварного производства ⁶⁶.

В структуре же общественного продукта, произведенного частным сектором югославской экономики в начале 60-х годов, доля строительства и особенно гостинично-ресторанного обслуживания и перевозок по сравнению с началом 50-х годов возросла ⁶⁷, что объясняется благоприятной рыночной конъюнктурой, а также отражает низкую стартовую основу этих видов деятельности, практически не представленных или представленных в очень незначительных размерах на рубеже 40–50-х годов.

Анализируя развитие мелкотоварного сектора города в СФРЮ во второй половине 50-х – начале 60-х годов, югославские исследователи указывают на сохранение в целом в этой сфере ориентации, характерной для периода начала 50-х: поощрение развития общественного сектора ремесленничества, соизмерявшееся с материальными возможностями государства; стимулирование в рамках этого сектора преимущественно ремесленной деятельности производственного назначения с целью постепенного превращения таких организаций в предприятия мелкой промышленности; сохранение в руках органов власти и

самоуправления эффективных рычагов контроля за развитием частного сектора в городе, включая соответствующую политику цен (установление «потолка», выше которого они не могли назначаться); административные и другие меры, направленные на ограничение роста нетрудовой части мелких собственников; ужесточение этих мер, когда считавшиеся неприемлемыми с точки зрения интересов социалистического государства тенденции развития частного сектора в городе усиливались.

Ученые СФРИО, изучающие проблемы мелкотоварного производства, отмечают вместе с тем, что степень развития этого сектора городской экономики оставалась гораздо ниже удовлетворительного уровня как с точки зрения ее соответствия экономическим интересам общества, так и с учетом возросших потребностей населения⁶⁸. Среди причин такой ситуации исследователи называют чрезмерные ограничительные меры, неразработанную систему кредитования, нестабильность налоговой политики, в том числе частые увеличения нормы отчисления и налогов, недостаточную правовую регулированность положения мелких собственников, неадекватную провозглашенной экономической политике⁶⁹.

По мнению Б. Томашевич, недостаточное развитие ремесла (низкая степень технической оснащенности, неблагоприятная квалификационная структура, дефицит некоторых специальностей, в особенности в сфере обслуживания и др.) являлось «следствием нерешенных вопросов между обществом, общиной и ремесленными организациями»⁷⁰. П. Алексич в этой связи указывает на «отсутствие (на уровне коммун.— И. П.) определенной концепции развития ремесленничества, особенно в сфере обслуживания», что паряду с неготовностью коммун оказывать необходимую помощь развитию общественного сектора ремесленничества не могло стимулировать ускорение перехода мелких собственников в общественный сектор⁷¹.

На более радикальных позициях находится Ч. Грабич, объясняющий направления развития мелкотоварного сектора, и в том числе ускоренное сокращение ремесленничества в целом, противоречивостью сложившейся ситуации. С одной стороны, в государственных планах предусматривалось развитие ремесленничества на основе действительных потребностей, а с другой — меры, вытекавшие из конкретной экономической политики, эти планы дезавуировали. По мнению югославского исследователя, здесь

вступали в действие догматические силы, которые постоянно опасались реставрации капитализма в случае развития частного ремесленничества. Сильное влияние эти представления оказали на формирование налоговой политики, которая «постоянно исходила из предпосылки, что частные ремесленники — воры и их надо как можно больше облагать налогами»⁷².

В исследованиях ученых Югославии отмечается, что несмотря на некоторое ускорение в развитии мелкотоварного сектора города, наблюдавшееся в СФРЮ после 1965 г., все еще не достигнут его приемлемый уровень. Изменение ситуации в лучшую сторону связывается обществоведами СФРЮ с устранением «различных ошибок, допускавшихся в этой сфере», и в частности с заменой преимущественно формально-правового и административного воздействия на мелких собственников экономическими формами воздействия. Для этого, по их мнению, необходимо прежде всего укрепление общественного сектора и сведение работы частных ремесленников в перспективе исключительно к деятельности без какого-либо найма рабочей силы⁷³. В югославской литературе высказывается также мнение, что следует пересмотреть «господствующие догмы» в отношении мелких собственников, ослабить административные путы и уменьшить налоговое бремя мелкотоварных производителей⁷⁴.

Подводя итоги развития мелкотоварного производства города в СФРЮ до середины 60-х годов, необходимо отметить, что в нем прослеживается ряд этапов, каждый из которых соответствовал в целом определенному периоду в послевоенной истории страны.

На начальном этапе, во второй половине 40-х годов, политика государства по отношению к мелким собственникам города, обусловленная настойчивостью мобилизации всех имевшихся материальных средств и ресурсов для осуществления форсированной индустриализации, была направлена на поощрение развития общественного сектора ремесленничества и пресечение «эксплуататорских тенденций» в частном секторе. Рост общественного (государственного и кооперативного) сектора в сфере ремесел происходил в значительной мере благодаря соответствующей политике и мерам государства, направленным на защиту интересов данного сектора.

Переход от строго централизованного управления народным хозяйством к системе самоуправления в начале 50-х годов привел к изменению условий хозяйствования,

к созданию более благоприятных условий для развития частного мелкого производства. Вместе с тем жесткая «антиэксплуататорская» направленность политики в отношении городских мелких собственников и специальные ограничительные меры блокировали возможность расширения сферы городского частного сектора.

Во второй половине 50-х – начале 60-х годов прежняя ориентация в политике по отношению к городским мелкотоварным производителям сохранилась. Стимулирование развития общественного сектора ремесленничества, прежде всего производственного, привело к замедлению развития частного сектора, к диспропорциям внутри мелкотоварного сектора в целом. Отражением сложившейся ситуации явилось сокращение доли частного сектора в произведенном ремесленниками общественном продукте, а также уменьшение удельного веса ремесленничества в совокупном общественном продукте, по сравнению с предшествующим периодом.

Поиски в направлении обеспечения параллельного развития двух секторов ремесленничества были продолжены на последующих этапах общественного развития СФРЮ.

- 1 См.: *Броз И.* Избранные статьи и речи. М., 1987; Историја Савеза комуниста Југославије. Београд, 1985; Догматизам и современији социјализам: Материјали дискусији // Социјалистичка мысљ и практика. Белград, 1975. № 2; *Bibić A.* Za politologiju. Politička znanost u prijelaznom razdoblju. Zagreb, 1981; *Horvat B.* Politička ekonomija socijalizma. Zagreb, 1984.
- 2 *Бузлаева А. И.* Лепинский план кооперирования мелкой промышленности СССР. М., 1969; Социалистическая Федеративная Республика Югославия/Под ред. Л. А. Никифорова. М., 1985; *Долгих Н. С.* Динамика социально-классовой структуры общества в СФРЮ// Рабочий класс и современный мир. 1980. № 2.
- 3 *Vuković M.* Privredni sistem FNRJ. Sarajevo, 1956; *Vučković M.* Zadrugarstvo. Zagreb, 1957; Zadružni leksikon FNRJ. Zagreb, 1957.
- 4 *Miljević D.* Privredni sistem Jugoslavije. Beograd, 1965.
- 5 *Mišović M.* Jugoslavija, 1965. Beograd, 1965.
- 6 25 godina socijalističke Jugoslavije. Beograd, 1968.
- 7 *Horvat B.* Ogled o jugoslavenskom društvu. Zagreb, 1969.
- 8 *Šuvan S.* Sociološki presjek jugoslavenskog društva. Zagreb, 1970.
- 9 *Horvat B.* Privredni sistem i ekonomska politika Jugoslavije. Beograd, 1970; *Bjelčić B., Penezić D., Sarač S., Stavrić B.* Ekonomika Jugoslavije. Sarajevo, 1978. 3 izd.
- 10 *Milić V.* Revolucija i socijalna struktura. Beograd, 1978; *Šuvan S.* Promjene u socijalnoj strukturi stanovništva i sveukupni društveni razvitak // Trideset godina socijalističke Jugoslavije. Beograd, 1975.
- 11 Materijalni i društveni razvoj SFRJ, 1947–1972. Beograd, 1973.

- ¹² *Grbić C.* Planiranje i privatni sektor // Problemi privrednog razvoja i privrednog sistema Jugoslavije. Zagreb, 1977; Samostalno zanatstvo // Jugoslovenski pregled. 1977. N 4; Zanatstvo, 1973–1977 // Ibid. 1979. N 11–12.
- ¹³ *Aleksić P.* Lični rad u socijalizmu. Društveno-ekonomski položaj sitnih sopstvenika u periodu radničkog samoupravljanja. Beograd, 1973.
- ¹⁴ *Lovrenović S.* Ekonomска politika. Zagreb, 1982.
- ¹⁵ *Vasić V.* Ekonomска politika Jugoslavije: Problemi glavnih privrednih oblasti. Beograd, 1985.
- ¹⁶ *Tomašević B.* Ekonomika zanatstva // Ekonomika Jugoslavije/U red. I. Sirotkovića i V. Stipetića. Zagreb, 1982.
- ¹⁷ *Vasić V.* Ekonomска politika Jugoslavije: Problemi glavnih Zagreb, 1985. N 1–2. S. 35–43; *Marsenić D. V.* Akumulacija i investicije u jugoslovenskoj privredi // Socijalizam. Beograd, 1985. N 10. S. 1317–1331; Югославские профсоюзы. Белград, 1985. № 155. С. 8–9.
- ¹⁸ *Stanimirović D.* Klase u savremenom društvu. Prilog teoriji i praksi marksizma u Jugoslaviji. Beograd, 1983.
- ¹⁹ *Vukčević D.* Nosioci ličnog rada u socijalističkom samoupravnom sistemu // Zbornik radova pravnog fakulteta u Nišu. Niš, 1980. S. 265–291.
- ²⁰ *Veličković Z.* Novi podsticaj // Reforma: Aktualne teme. Beograd, 1980. N 243. S. 13–15.
- ²¹ *Bendeković I.* Razvoj male privrede na osnovama Dugoročnog programa ekonomске stabilizacije // Ekonomski pregled. 1984. N 7–8. S. 299–313; *Vuger R.* Mala privreda: Kreće se premda polako // Ekonomска politika. Beograd, 1986. N 1764. 20 jan. S. 22–23; Mala privreda: Anemija društvenih OUR // Ibid. N 1771. 30 mart. S. 31; Osumnjičena inicijativa // Ibid., 1980. N 1478. 28 jul. S. 14–16; Ibid. N 1481. 18 avg. S. 16–17.
- ²² *Grbić Č.* Socijalizam i rad privatnim sredstvima. Zagreb, 1984.
- ²³ *Ibid.; Aleksić P.* Lični rad u socijalizmu.
- ²⁴ Петогодишњи план развоја народне привреде Федеративне Народне Републике Југославије, 1947–1951, и народних република Србије, Хрватске, Словеније, Босне и Херцеговине, Македоније, Црне Горе. Београд, 1947.
- ²⁵ См.: *Humar J.* Nastanak društvene svojine u Jugoslaviji. Beograd, 1986. S. 185.
- ²⁶ *Lovrenović S.* Ekonomска politika. S. 260–261; *Vuković M.* Privredni sistem FNRJ. S. 119; *Miljević D.* Privredni sistem Jugoslavije. S. 42.
- ²⁷ *Vasić V.* Ekonomска politika Jugoslavije: Problemi... S. 217.
- ²⁸ *Miljević D.* Privredni sistem Jugoslavije. S. 42; *Vuković M.* Privredni sistem FNRJ. S. 119.
- ²⁹ *Vasić V.* Ekonomска politika Jugoslavije: Problemi... S. 219; *Vuković M.* Privredni sistem FNRJ. S. 119; Ekonomski pregled. Zagreb, 1955. N 3. S. 187.
- ³⁰ Ekonomika Jugoslavije. Zagreb, 1982. S. 299.
- ³¹ *Bilandžić D.* Ideje i praksa društvenog razvoja Jugoslavije, 1945–1973. Beograd, 1973. S. 47.
- ³² *Ibid.* S. 97.
- ³³ *Milić V.* Revolucija i socijalna struktura. S. 97.
- ³⁴ *Vasić V.* Ekonomска politika Jugoslavije: Problemi... S. 222.
- ³⁵ *Lovrenović S.* Ekonomска politika. S. 268–269.
- ³⁶ *Ibid.* S. 269.
- ³⁷ *Aleksić P.* Lični rad u socijalizmu. S. 108, 110, 116.

- ⁵⁸ Ibid. S. 112.
- ⁵⁹ Lovrenović S. Ekonomска политика. S. 267; Zadružni leksikon FNRJ. Zagreb, 1957. Kn. 2. S. 1492.
- ⁶⁰ Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 107.
- ⁶¹ Ibid. S. 106; Ekonomika Jugoslavije. Posebni dio. Zagreb, 1982. S. 288.
- ⁶² Vučković M. Zadrugarstvo. S. 101.
- ⁶³ Lovrenović S. Ekonomска политика. S. 267.
- ⁶⁴ Vasić V. Ekonomска политика Jugoslavije. Beograd, 1980. S. 454.
- ⁶⁵ Седми конгрес СКЈ. Београд, 1958. С. 50, 53. Vukmanović Tempo S. Revolucija koja teče: Memoari. Beograd, 1971. Kn. 2. S. 239–240; Petranović B. Istorija socijalističke Jugoslavije. Opšti pregled. Beograd, 1977. Kn. 1. S. 159.
- ⁶⁶ Ekonomika Jugoslavije. Posebni dio. S. 300.
- ⁶⁷ Vasić V. Ekonomска политика Jugoslavije: Problemi... S. 220; Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 108, 111.
- ⁶⁸ Ekonomika Jugoslavije. Posebni dio. S. 300.
- ⁶⁹ Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 116.
- ⁷⁰ Ekonomika Jugoslavije. Posebni dio. S. 300.
- ⁷¹ Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 109, 110.
- ⁷² Ibid. S. 314, 315.
- ⁷³ Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 121–122.
- ⁷⁴ Ibid. S. 86, 90.
- ⁷⁵ Ibid. S. 112.
- ⁷⁶ Ibid. S. 130.
- ⁷⁷ Ibid. S. 133, 170; Statistički godišnjak FNRJ. Beograd, 1961. S. 165.
- ⁷⁸ Miljević Đ. Privredni sistem Jugoslavije. S. 43.
- ⁷⁹ Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 112, 170; Ekonomika Jugoslavije. Posebni dio. S. 310.
- ⁸⁰ Vasić V. Ekonomска политика Jugoslavije: Problemi... S. 221; Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 147; Milić V. Revolucija i socijalna struktura. S. 224.
- ⁸¹ Vasić V. Ekonomска политика Jugoslavije: Problemi... S. 222.
- ⁸² Bjelčić B., Penezić D., Sarač S., Stavrić B. Ekonomika Jugoslavije. S. 301.
- ⁸³ Lovrenović S. Ekonomска политика. S. 267–268.
- ⁸⁴ Grbić Č. Socijalizam i rad privatnim sredstvima. S. 285.
- ⁸⁵ Milić V. Revolucija i socijalna struktura. S. 181.
- ⁸⁶ Ibid.
- ⁸⁷ Materijalni i društveni razvoj SFR Jugoslavije. 1947–1972. Beograd, 1973. S. 45.
- ⁸⁸ Lovrenović S. Ekonomска политика. S. 273; Ekonomika Jugoslavije. Posebni dio. S. 299; Bjelčić B., Penezić D., Sarač S., Stavrić B. Ekonomika Jugoslavije. S. 303; Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 135; Problemi privrednog razvoja i privrednog sistema Jugoslavije. S. 109.
- ⁸⁹ Bjelčić B., Penezić D., Sarač S., Stavrić B. Ekonomika Jugoslavije. S. 303; Ekonomika Jugoslavije. Posebni dio. S. 311; Vasić V. Ekonomска политика Jugoslavije: Problemi... S. 222.
- ⁹⁰ Ekonomika Jugoslavije. Posebni dio. S. 314.
- ⁹¹ Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 148, 154, 189.
- ⁹² Problemi privrednog razvoja i privrednog sistema. S. 109.
- ⁹³ Aleksić P. Lični rad u socijalizmu. S. 148, 154, 189.
- ⁹⁴ Grbić Č. Socijalizam i rad privatnim sredstvima. S. 319, 428.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВОЙ СТРУКТУРЫ ЧЕХОСЛОВАКИИ

Л. Слезак, О. Фельцман

Стремление осуществить переход от капитализма к новому общественному строю, реализовавшееся КПЧ после установления ее монопольной власти в феврале 1948 г., привело к коренным переменам в обществе в сфере политических структур, экономики и классовых отношений. В этот период в Чехословакии во взаимосвязи с политической практикой формирования новой общественной системы, преобразованиями производственных отношений в промышленности и сельском хозяйстве стала складываться принципиально иная структура общества. Исчезли прежние эксплуататорские классы, изменилось положение трудовых слоев, стали формироваться новые слои, возникавшие в ходе системных преобразований. В сложном процессе рождения и развития новой социально-классовой структуры общества решающую роль играла разработанная КПЧ концепция «социалистического строительства», с самого начала оказывавшая прямое воздействие на развитие этого процесса.

Цель настоящего исследования — проанализировать некоторые аспекты динамики двух основных компонентов новой социально-классовой структуры социалистического общества — рабочего класса и класса кооперированного крестьянства. Следует отметить, что, несмотря на значительные успехи, достигнутые чехословацкой марксистской историографией за последние 20 лет, проблема социально-классовой структуры общества и сегодня все еще остается одной из самых актуальных исследовательских задач. Нам еще предстоит провести глубокий анализ и всесторонне осветить главные тенденции и характерные черты ее развития.

Многоаспектный, сложный, а в ряде случаев и противоречивый процесс трансформации социально-классовой структуры развитого капиталистического типа в Чехословакии по различным своим «стартовым» позициям, конкретным историческим условиям, по своему характеру и

© Л. Слезак, О. Фельцман, 1990

конечным результатам существенно отличался от аналогичных преобразований в других странах региона.

Один из специфических моментов формирования социально-классовой структуры послевоенной Чехословакии определялся тем, что ко времени установления народной власти и перехода к осуществлению революционных преобразований в самых различных сферах жизни общества Чехословакия являлась индустриально развитым государством со значительно дифференцированным социальным составом населения.

Высокий уровень экономического развития страны определял структуру занятости, а также уровень квалификации рабочего класса, которые в свою очередь обуславливались многолетними традициями не одного поколения кадровых рабочих. Эти факторы так же, как и высокий уровень культуры населения в целом, определяли значительную численность технической интеллигенции в чехословацком обществе. Уже в буржуазной Чехословакии практически отсутствовала неграмотность. Поэтому здесь, в отличие от ряда других стран Восточной Европы не приходилось решать такую задачу культурной революции, как ликвидация пеграмотности.

С высоким уровнем культуры и экономики напрямую связаны развитость традиций политической активности трудящихся, их вовлеченность в политическую и общественную жизнь, членство в политических партиях либо же в различных профессиональных и отраслевых организациях. Рабочий класс Чехословакии в этом плане не был исключением. Более того, после мировой войны возросла его общественно-политическая активность и организованность. Весьма показательной при этом являлась превалирующая ориентация рабочих на Коммунистическую партию Чехословакии. Это, бесспорно, оказало влияние как на подходы КПЧ к решению задач „социалистического строительства“, так и на оценки состояния классовых отношений и перспективы их дальнейшего развития.

Для чехословацкого общества конца 40-х годов был типичен высокий уровень занятости, составлявший 75% всего работоспособного населения; среди лиц мужского пола эти показатели были еще более высокими. Весьма значительным в общей численности активного населения был удельный вес занятых в промышленности. К 1960 г. занятость возросла еще больше и равнялась 79% всего активного населения¹. Абсолютный прирост за эти годы составлял 518 тыс. человек² и был вызван главным об-

разом увеличением занятости женщин, поскольку общий прирост работоспособного населения был незначительным. Сказывалась низкая рождаемость в годы немецко-фашистской оккупации и войны.

Радикальные сдвиги наблюдались в Чехословакии в рассматриваемый нами период и в отраслевой структуре экономически активного населения. Прирост рабочей силы в 50-е годы отмечался прежде всего в промышленности и строительстве; здесь он был значительно выше (на 350 тыс.) по сравнению с показателями прироста рабочей силы в других отраслях. Эти сдвиги происходили прежде всего за счет выходцев из деревни. Потребности растущей промышленности удовлетворялись переходом рабочих-мужчин из других отраслей, где их заменили женщины. Последнее привело к дальнейшему углублению промышленного характера структуры занятого населения Чехословакии. Если в 1950 г. в промышленном секторе Чехословакии работали 41,5% экономически активного населения, то десятью годами позже их доля равнялась уже 51,6%. В сельскохозяйственном секторе было занято 24,2% активного населения, т. е. меньше, чем в сфере услуг (24,4%)³.

Огромные структурные изменения занятости, произошедшие в 50-е годы в условиях хронического недостатка рабочей силы, несомненно, способствовали более рациональному использованию рабочих рук. Забегая вперед, отметим, что на рубеже 50–60-х годов, когда существовавшие источники внерабочего пополнения рабочего класса были исчерпаны, положение дел резко изменилось⁴. Переход к интенсивным формам хозяйствования, к более полному и широкому использованию квалифицированного труда — именно эти задачи в 60-е годы стали выдвигаться на первый план в экономической политике КПЧ.

В 50-е годы по целому ряду причин преобладающими являлись экстенсивные факторы роста, хотя по своему содержанию процесс формирования материально-технической базы общества в Чехословакии имел значительные особенности по сравнению с другими странами региона. И все же, несмотря на уже достигнутый высокий уровень занятости, несмотря на то, что рабочий класс составлял более половины всего населения (в 1950 г.— 56,4%)⁵ в Чехословакии, так же как и в других восточноевропейских странах, имело место увеличение численности рабочего класса и его промышленного ядра. Значительную роль в этом росте играли представители непро-

летарских слоев — эспроприированная в ходе революции 40-х годов буржуазия, ремесленники и торговцы, сельская молодежь, не желавшая или не имевшая возможности оставаться в деревне, а также зажиточное крестьянство.

Количество рабочих в 1948—1969 гг. увеличилось почти на 800 тыс., в том числе в промышленности — на 482 тыс.⁶ Изменилось соотношение между промышленными рабочими и другими отрядами рабочего класса: снизилось количество сельскохозяйственных рабочих, наметился рост числа рабочих, занятых в производстве средств производства. В промышленных отраслях работали почти 1,9 млн человек, т. е. 56,3% всего рабочего класса Чехословакии⁷.

Все эти социальные сдвиги явились результатом структурных изменений в народном хозяйстве. В значительной степени они были обусловлены концентрацией производства, ликвидацией мелких предприятий и ремесленных мастерских, оттоком рабочей силы из сельского хозяйства, а также резким повышением производственных заданий в первой пятилетке, особенно после 1951 г., выполнение которых требовало при сохранении прежнего технического уровня производства дальнейшего увеличения численности рабочих. Значительный рост рядов рабочего класса был вызван проводившейся в Словакии и в ряде отсталых регионов Чешских земель классической индустриализацией экстенсивного типа. В условиях Словакии, социально-классовая структура населения которой была производной от преимущественно аграрного характера экономики, значительная часть новых рабочих происходила из крестьян. Эти новые кадры должны были не только получить квалификацию, но и научиться повышать ее до соответствующих техническим требованиям параметров, а также развивать свой политический и культурный уровень.

Словацкая деревня являлась огромным резервуаром рабочей силы. В 1950 г. крестьяне составляли 32,2% всего населения Словакии и 44,8% экономически активных⁸. Можно утверждать, что в определенной степени социальная структура Словакии приближалась к структуре, характерной для польского и венгерского обществ. Следует подчеркнуть, что негативные последствия промышленной отсталости Словакии, в том числе в сфере классовых и социальных отношений, удалось ликвидировать в ходе социально-экономического развития в 50-е годы. Это стало возможным благодаря высокому уровню развития

производительных сил в общегосударственном масштабе, а также благодаря относительно высокому уровню культуры словацкого населения, по сравнению с другими, отсталыми в экономическом отношении государствами Восточной Европы.

Ускоренный количественный рост, а также изменение производственной и профессиональной структуры словацкого рабочего класса стали возможными при технической и профессиональной помощи чешских рабочих. Эта помощь заключалась не только в передислокации оборудования, строительстве новых предприятий, но также и в прямом участии чешских рабочих и техников в промышленном производстве в Словакии, в обучении словацких рабочих на чешских предприятиях.

Происшедшие изменения в социально-классовой структуре Словакии имели огромное значение, так как они способствовали устранению различий между сплоченным и организованным рабочим классом Чешских земель, связанным с крупным машинным производством и словацким рабочим классом, который вплоть до начала 50-х годов характеризовался распыленностью, слабой организованностью и по своему производственному опыту составлял менее зрелую часть рабочего класса страны. Важно при этом подчеркнуть, что ликвидация этих различий происходила на новом, более высоком уровне, проявлявшемся в отраслевой и демографической структуре рабочего класса, а также в его квалификационном и профессиональном составе.

Формирование двух основных классов после второй мировой войны в разных странах протекало по-разному, оно обусловливалось уровнем социально-экономического развития той или иной страны. В ГДР и Чехословакии в ходе складывания новой экономической системы задачи превращения рабочего класса в численно превалирующую социальную категорию или же усиления его промышленного ядра на повестке дня не стояли. Если же в ходе исторического развития эти тенденции в Чехословакии все же както и проявлялись, то они были вызваны, с одной стороны, форсированной индустриализацией Словакии, а с другой — целым рядом экономических, классовых и политических причин более широкого плана, проявившихся в ходе строительства нового общества, включая факторы как внутри-, так и внешнеполитического характера. Количественные изменения рабочего класса Чехословакии, несмотря на масштабы, тем не менее не являлись решающими и опреде-

ляющими в процессе его превращения в ведущий класс социалистического общества, как это было в аграрных странах Юго-Восточной Европы.

Главной задачей в процессе формирования рабочего класса нового типа в Чехословакии являлась задача изменения тех его социально значимых характеристик, которые были связаны с ростом культурно-технического уровня, классового сознания, без чего он не мог выполнять свою миссию идеино-политического лидера общества.

И все же, несмотря на определенный количественный рост рабочих в Чехословакии, их доля относительно остальных социальных слоев трудящихся изменялась мало. Рабочий класс пакаине строительства нового общества превалировал в социально-классовой структуре, на этом же уровне продолжался его дальнейший количественный рост.

Со второй половины 50-х годов стали происходить изменения во внутренней структуре рабочего класса. Они были вызваны разворачивавшейся в мире научно-технической революцией, воздействие которой ощущала и экономика Чехословакии. В конце 40-х — второй половине 50-х годов наблюдался рост квалификации рабочего класса, в том числе и словацкого. Высокий уровень профессиональной подготовки фиксировался социологами прежде всего у представителей молодого поколения. В целом в конце 50-х годов удельный вес квалифицированных рабочих был достаточно высоким и составлял 60—80% их общего числа⁹. Нельзя вместе с тем не учитывать то обстоятельство, что количество рабочих, обученных в отраслях, где они трудились, составляло всего одну третью их часть. Это было связано с текучестью кадров, с недостаточным материальным стимулированием и с рядом психологических аспектов. Например, явно проявлялась более низкая, чем у кадровых рабочих, профессиональная гордость молодого поколения рабочего класса. Медленный рост производительности труда обусловливался тем обстоятельством, что удельный вес ручного труда в промышленных и иных отраслях все еще был высоким и даже в 60-е годы достигал 60%. Темпы возникновения новых рабочих профессий, где физический труд соединялся с элементами творчества, также были медленными. Эти недостатки, находили свое отражение в квалификационном уровне рабочих и были связаны с экстенсивным развитием народного хозяйства в рассматриваемый период.

Экстенсивное развитие, несмотря на предпринимавшиеся партией попытки его преодоления, продолжалось и в начале 60-х годов. С этой точки зрения рост числа рабочих не стимулировал переход на интенсивный путь развития производства и постепенно превращался в фактор, осложнивший экономическое развитие страны. Стоявшие перед экономикой задачи все еще решались не посредством внедрения более совершенного оборудования и новейших технологий, а благодаря притоку новой рабочей силы.

Одним из существенных факторов, обусловивших формирование рабочего класса в послевоенной Чехословакии был не только рост его рядов, но и внешняя нивелировка его идеиного облика. Это был сложный и непрямoliniйный процесс, на ход которого воздействовал ряд неоднозначных обстоятельств, усложнивших складывание идеино-политических позиций растущего рабочего класса. С одной стороны, имел место переход сознательных в классовом отношении и профессионально грамотных рабочих на руководящие посты в экономике, в государственный и партийный аппарат, на выборные должности в национальных комитетах. С другой стороны, происходило вовлечение в ряды рабочих представителей бывшего класса капиталистов и мелкобуржуазных слоев города и деревни, которые приносили с собой соответствующие идеологию и мировоззрение¹⁰.

Возникает вопрос, можно ли ограничить этап формирования рабочего класса Чехословакии как класса нового общества временем «строительства основ социализма», относившимся к концу 50 — началу 60-х годов? На наш взгляд, (и современные исследования обществоведов это подтверждают) на этот вопрос можно дать положительный ответ. В то же время весь процесс формирования рабочего класса нужно рассматривать без идеализации, давать объективную оценку, учитывая общественное развитие в целом и условия его формирования. К этому времени он, безусловно, превратился в центр социальной мобильности, а также в сотворца новой социальной группы общества. Но нельзя игнорировать тот факт, что количественный рост, омолаживание рабочего класса в целом, а также переход части рабочих в аппарат управления привели к увеличению непролетарской прослойки в его рядах. Был замечен не только гетерогенный характер пополнения из внерабочей среды, но также и то, что молодому поколению рабочих, обладавшему достаточной квалификацией,

явно предоставляло непосредственного опыта жизни в условиях капиталистического производства и революционной борьбы.

Социологические обследования показывают, что в начале 60-х годов экстенсивные факторы роста производства оказывали влияние на политический и идеологический уровень всех классов и групп чехословацкого общества¹¹. В связи с этим весьма важной в течение последующих 10 лет была проблема совершенствования идеально-политического и профессионально-технического уровня рабочего класса. Становилось очевидным, что формирование морально-политического облика и новых позиций людей — задача неизмеримо более сложная, охватывающая гораздо более длительный период, нежели строительство материально-технической базы.

В 50-е годы, когда в Чехословакии было завершено кооперирование сельского хозяйства, произошли кардинальные изменения в сфере производственных отношений в деревне. Частная собственность на средства производства была ликвидирована, на смену ей пришла собственность иного характера — государственная и кооперативная. Была уничтожена эксплуатация, исчезла сельская буржуазия. Незначительное число ее представителей в ходе кооперирования влилось в единые сельскохозяйственные кооперативы (ЕСХК), превратившись в крестьянкооператоров. Другая часть ее представителей пополнила ряды сельскохозяйственных рабочих, прежде всего в государственных хозяйствах. Наибольшее же их число нашло работу вне аграрного сектора.

Экономическая мелкобуржуазная основа деятельности крестьянства уже к середине 50-х годов была сведена к минимуму, что наглядно проявилось в снижении численности крестьян, ведущих свое хозяйство индивидуально. Представители мелкобуржуазных масс деревни вливались, во-первых, в ряды кооперированного крестьянства, которое в этот период формируется в качестве нового общественного класса на принципах коллективной, кооперативной формы собственности на средства производства. Во-вторых, они пополняли ряды промышленных рабочих, а также служащих за пределами аграрного сектора экономики. Лишь незначительная часть крестьян не вступила в кооперативы, сохранив индивидуальную форму ведения хозяйства.

В 50—60-е годы чешское и словацкое сельское население с точки зрения классовой структуры развивалось

следующим образом: численность крестьян-частников, составлявших в 1950 г. 99,5% всех занятых в сельском хозяйстве, сократилась до 17% в 1961 г. и 13,1% в 1970 г. Противоположные тенденции характеризовали развитие класса крестьян-кооператоров: если в 1950 г. их удельный вес равнялся 0,1% то в 1960 г. он увеличился до 64%; в 1970 последовало некоторое снижение — до 63,3%. Наблюдался абсолютный и относительный рост сельскохозяйственных рабочих: с 0,4% в 1950 г. их численность возросла до 19% в 1961 г. и 23,1% — в 1970 г.¹².

В 60-е годы по мере упрочения крупного общественного производства в сельском хозяйстве класс кооперированного крестьянства приобретал свой окончательный облик и свойственные этому повому классу черты и признаки. Если в качестве рубежа его возникновения (с точки зрения отношения к собственности на средства производства) можно считать конец 50-х годов, то по образу жизни, новой трудовой и гражданской активности, по отношению к культуре и образованию, завершение этого процесса можно отнести ко второй половине 60-х годов.

Формирование класса кооперированного крестьянства сопровождалось прежде всего масштабным переливом рабочей силы из аграрного сектора экономики в другие отрасли народного хозяйства. Число перешедших в 50—60-е годы из сельского хозяйства Чехословакии в другие отрасли экономики составило почти 1 млн человек, что в свою очередь повлекло за собой ряд политических и экономических трудностей. Нужно отметить, что отлив рабочей силы из аграрного сектора на различных этапах послевоенного развития страны имел значительную специфику как по темпам, так и по дислокации. В целом количество перешедших на работу в другие отрасли экономики было столь масштабным, что недостаток рабочих рук как в чешском, так и словацком сельском хозяйстве ощущался в течение 50-х и 60-х годов.

После февраля 1948 г. существовали в целом правильные прогнозы относительно того, что с завершением кооперирования сельского хозяйства удельный вес ручного труда значительно сократится в пользу труда механизированного, что должно было привести к оттоку лишних рабочих рук из сельского хозяйства. Однако в рассматриваемые годы не были установлены «пределы допустимости» снижения числа занятых в этой отрасли, нарушение

ние которых было чревато серьезнейшими осложнениями в решении стоявших перед сельским хозяйством задач.

Опыт 50-х — первой половины 60-х годов показал, что обществом был утрачен контроль над «текущестью» рабочей силы в сельском хозяйстве: отлив рабочих рук из него опережал по темпам рост машинного парка, которым можно было бы компенсировать создавшиеся лакуны. Принимавшиеся для ликвидации образовавшихся диспропорций меры не давали желаемого эффекта. В развитии народного хозяйства проявлялся своего рода «автоматизм»: несельскохозяйственные отрасли (в первую очередь промышленность) предоставляли бывшим земледельцам в течение ряда лет такое вознаграждение за труд и такие социальные блага, каких не могло дать находившееся в стадии формирования крупное общественное сельское хозяйство. Именно эти материальные факторы играли решающую роль при принятии сотнями тысяч сельчан решения уйти из аграрного сектора экономики, найти свое призвание в других отраслях народного хозяйства.

Если условно разделить период 50—60-х годов на четырех- или пятилетние циклы, можно обнаружить, что, за исключением 1953—1956 гг., когда наблюдался количественный рост рабочей силы в сельском хозяйстве, на всех остальных этапах отмечалось сокращение ее численности, пик которого приходится на начало 50-х годов, а наименьший отлив — на конец 60-х годов: в 1949—1952 гг. среднегодовое снижение составляло 7,5% самодеятельного сельского населения, в 1957—1960 гг. — 5,3%, в 1961—1965 гг. — лишь 2,3%, а в период 1966—1969 гг. всего 1,2%¹³. Если сравнить 50-е и 60-е годы как относительно самостоятельные и длительные временные отрезки, станет ясно, что среднегодовое сокращение в 50-е годы было вдвое больше, чем в 60-е. Самый значительный отток рабочей силы из сельского хозяйства зафиксирован в наиболее драматический период коллективизации — в 50-е годы.

Несмотря на то, что в 60-е годы количество перешедших из сельского хозяйства на другую работу снизилось, диспропорции между потребностью в рабочей силе и истинным положением дел, особенно в первой половине десятилетия, начало углубляться: рабочая сила стала, таким образом, лимитирующим фактором интенсификации и индустриализации сельского хозяйства¹⁴. Хотя техни-

ческая оснащенность сельского хозяйства в этот период увеличивалась более быстрыми темпами, чем в 50-е годы, ее отнюдь нельзя было назвать удовлетворительной. Кроме того, оплата труда в кооперативном секторе сельского хозяйства в первой половине 60-х годов составляла лишь 66,4% средних показателей в других отраслях экономики¹⁵. Неудовлетворенность оплатой труда в обобществленном секторе сельского хозяйства (самое неблагоприятное положение отмечалось в ЕСКХ) оказывала усиливавшееся негативное воздействие как на крестьян-единомичников, так и на формирующийся класс кооперированного крестьянства.

Процесс кооперирования сопровождался в Чехословакии значительными структурными изменениями в разделении труда и возрастном составе работников. Можно утверждать, что некоторые из этих изменений способствовали формированию нового класса кооперированного крестьянства, другие же осложняли этот процесс. К последним факторам относятся прежде всего изменения в возрастном составе сельского населения. Опубликовано уже достаточно данных о том, что из сельского хозяйства уходили в первую очередь молодые люди, которые могли переориентироваться, освоив новую технику и технологию, скажем, в промышленности, на транспорте и т. д. В то же время дома оставались крестьяне старших возрастных категорий, которые привыкли только к сельскохозяйственным работам и уже не могли переквалифицироваться. Удельный вес крестьян самых высоких возрастных категорий (женщины свыше 55 лет и мужчины свыше 60 лет) имел тенденцию к росту (за период 1955–1963 гг. наблюдалось увеличение с 21,4% до 26,7%). При этом удельный вес наиболее молодых возрастных категорий, от 15 до 19 лет, соответственно сократился с 7,7% до 4,3%¹⁶.

В Чехословакии ежегодно осуществлялся набор молодежи на работу в сельское хозяйство, но планы этого набора не выполнялись: в 1954–1960 гг. число молодых людей в возрасте от 15 до 19 лет, занятых в сельском хозяйстве, сократилось на 27,4%. В 1958–1962 гг. в результате набора был зафиксирован приток в сельское хозяйство 161 300 молодых людей, однако за этот же период из него ушло 1047 тыс. человек. Подобная тенденция была характерна и для первой половины 60-х годов: в 1961–1965 гг. число работавших в сельском хозяйстве пополнилось за счет 1595 тыс. молодых людей, но одно-

временно от работы в нем отказались 1086 тыс. человек¹⁷.

Что касается профессиональной и квалификационной структуры крестьянства, то вплоть до кооперирования сельского хозяйства ее практически не имелось. В прошлом существовали универсальные сельские производители с минимальным разделением труда в рамках семейной кооперации. Только в 50-е годы наметилось профессиональное разделение труда, которое постепенно вторглось во все сферы трудовой деятельности, оказывая влияние и на некоторые элементы образа жизни крестьянства. Наряду с неспециализированными и полуспециализированными сельскохозяйственными профессиями все в большем количестве появлялись типичные индустриальные профессии с превалированием квалифицированного труда. Появились совершенно новые профессии на селе — тракторист, комбайнер, водитель, грузчик, технико-экономический работник и др.

Новая социальная категория интеллигенции, работавшей в кооперативах, формировалась прежде всего из среды молодых людей. Сдвиги в возрастной и квалификационной структуре сопровождались существенными изменениями в социальном происхождении кооперированных крестьян. Нужно отметить, что это было результатом противоречивых процессов, протекавших в сельском хозяйстве не только с начала, но даже и до коллективизации. Известно, что наряду с оттоком работников из сельского хозяйства всегда имел место и обратный процесс. На работу в него переходили в первую очередь рабочие из промышленности, причем по мере развития кооперирования — с более высокой квалификацией. Параллельно в сельское хозяйство в ходе кооперирования вливалось значительное количество квалифицированной молодежи из рабочих семей, семей интеллигенции и др. В итоге в конце 60-х годов состав класса кооперированного крестьянства по источникам его формирования был весьма разнородным и выглядел следующим образом: 46% кооперированных крестьян являлись по своему происхождению рабочими, причем в большинстве своем сельскохозяйственными рабочими; 49% — малоземельными и средними крестьянами; остальные — членами самых разных неаграрных кооперативов. Тенденция к улучшению возрастной, профессиональной и квалификационной структуры сельского населения, к повышению его жизненного уровня стала проявляться лишь во второй половине 60-х

годов, по мере развития процесса укрепления сельского хозяйства в Чехословакии. Уже упоминавшееся выше относительно незначительное снижение количества рабочих рук в деревне в конце 60-х годов хотя и являлось отражением исчерпания трудовых резервов, но вместе с тем было результатом значительного роста материальных вложений народного государства в сельское хозяйство, расширения социальных мероприятий и т. д. Это способствовало улучшению социально-экономического положения трудящихся, прежде всего кооперированного крестьянства. Так, если во второй половине 50-х годов капиталовложения в сельское хозяйство достигали 35,4 млрд крон, то во второй половине 60-х годов — уже 43,2 млрд. С 1964 г. заметно выросли поставки различных видов искусственных удобрений — в 1960—1961 гг. на 1 га сельскохозяйственных угодий приходилось 68,3 кг удобрений, а в 1969—1970 гг. — уже 168,6 кг¹⁸. В 1960 г. было выработано 801 тыс. т кормовых смесей для животноводства, в 1969 г. — 3,4 млн т, т. е. более чем в 4 раза больше.

Указанные положительные сдвиги вскоре отразились прежде всего на производственных показателях: валовая сельскохозяйственная продукция к середине 60-х годов по сравнению со второй половиной предыдущего десятилетия увеличилась на 4—5%, а в конце 60-х годов — более чем на 25%¹⁹. Улучшение производственных показателей сказалось и на увеличении доходов земледельцев: в 1969 г. месячная оплата труда работников кооперированного сектора сельского хозяйства достигала уже 94,5% оплаты в промышленности²⁰. Несмотря на то, что к этому времени не был достигнут размер оплаты труда, установленный директивами XII съезда КПЧ (1962 г.), все же уровень жизни работников сельского хозяйства вырос достаточно высоко. В этот период вступала в действие усовершенствованная система управления сельским хозяйством, одобренная Пленумом ЦК КПЧ (март 1966 г.) и дополненная в 1967 г. постановлением XIII съезда партии. Она создавала благоприятную атмосферу для развития крупного сельскохозяйственного производства со всеми положительными результатами с точки зрения роста производительности труда, укрепления политических позиций и формирования общественного сознания земледельцев.

Однозначным подтверждением того, что кооперированные крестьяне Чехословакии в конце 60-х годов признали

эту форму хозяйствования наиболее перспективной, является их стабильно позитивное отношение в трудные 1968—1969 гг. к Единым сельскохозяйственным кооперативам в целом. Как известно, в те годы не распался ни один кооператив, а число тех, кто вышел из кооперативов и принял решение вести свое хозяйство частным путем, было как в политическом отношении, так и в статистическом ничтожно. Кроме того кооперированные крестьяне выступили против любых попыток различных политиков дестабилизировать кооперативные формы хозяйствования.

Практика создания высокоразвитого сельского хозяйства в Чехословакии еще раз подтвердила: для характера общественного класса в целом важным является не только то, в каких экономических условиях тот или иной класс (в данном случае — кооперированное крестьянство) находится и какие отношения собственности в обществе являются доминирующими. Не менее важным является также и то, что об этом думает крестьянин, как он реагирует на преобразования, какую жизненную и трудовую позицию он занимает. В Чехословакии еще раз было доказано, что, хотя сознание и вторично, духовный или политический облик кооперированного крестьянства не может быть зеркальным отражением происходивших в сфере экономики и в сфере отношений собственности преобразований.

В конце 60-х годов обнаружился новый момент в миграции сельскохозяйственного населения, однако это уже не был отток рабочих рук в несельскохозяйственные сферы народного хозяйства. Речь шла о естественном процессе — уходе тружеников сельского хозяйства на пенсию. Снижение численности рабочих рук в отрасли протекало тогда в соответствии с развитием производственных отношений, что явилось еще одним свидетельством успешной консолидации кооперативного крупного сельскохозяйственного производства, а также завершения процесса формирования класса кооперированного крестьянства.

¹ Statistická ročenka ČSSR. 1971. Pr., 1971. S. 22—23, 100.

² Ibid.

³ Подробнее см.: Charvát F. Sociální struktura socialistické společnosti a její vývoj v Československu. Pr., 1980. S. 90.

⁴ См.: Kalinová L. Máme dostatek pracovních sil? Pr., 1979. S. 22; Průcha V. 30 let budování socialistické ekonomiky Československa. Pr., 1978. S. 56; Felcman O. Sociálne třídní struktura socialisti-

- cké společnosti v Československu na přelomu 60. let (s durazem na přeměny v dělnické tříde). Dějiny socialistického Československa. Pr., 1983. Sv. 6. S. 275–278.
- ⁵ Charvát F. Sociální struktura... S. 289.
- ⁶ Gabal A. Na prelome etáp. Br., 1981. S. 25; Šlenečka H. A. Rábočí klasus Čechoslovákia v rokoch stavebního obdobia socialismu. M., 1977.
- ⁷ Sčítání lidu, domů a bytů v Československé socialistické republice k 1. březnu 1961. Díl II: Sociální, ekonomický a profesionální skladba obyvatelstava. Pr., 1965.
- ⁸ Charvát F., Linhart J., Večerník J. Sociálne triedné struktúry Československa. Pr., 1978. S. 62. 74.
- ⁹ Gabal A. Na prelome etáp. S. 30.
- ¹⁰ Ibid. S. 29; Barnovský M. Zmeny v struktúre a postavení robotníckej triedy na Slovensku v 50. rokoch // Studie a vzpomínky z dejin závodu CSSR. Pr., 1980. S. 125.
- ¹¹ Charvát F. Sociální struktura... S. 96.
- ¹² Sociální struktura ČSSR a její vývoj v 60. letech. Pr., 1972. S. 43.
- ¹³ Lamser Z., Sura J. Človek v socialistickém zemědělství. Pr., 1978. S. 51.
- ¹⁴ Státní ústřední archív (SÚA). Praha. Zemědělsko-lesnické oddělení. Kolegium ministra. K. 186, 9. Schůze dne 7. června 1966. Zpráva o současném stavu pracovních sil v zemědělství a návrh na získání a udržení pracovníku a mládeže v zemědělství.
- ¹⁵ Lamser Z., Sura J. Človek... S. 55.
- ¹⁶ SÚA Praha. Zemědělsko-lesnické oddělení. Kolegium ministra. K. 186. 9. Schůze dne 7. června 1966.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ Kabrhel J. et al. Boj KSC o socialistickou vesnici. Pr., 1973. C. 64.
- ¹⁹ Ibid. S. 63.
- ²⁰ Ibid. S. 65.

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ ВЕНГРИИ

Р. Андорка

В настоящей статье предпринята попытка очертить контуры процесса формирования социальной и профессиональной структуры венгерского общества. Численность классов, профессиональных и социальных слоев и групп определяется данными переписей, проводившихся начиная с 1880 г., как правило, каждые 10 лет, а также межпереписей 1963 и 1973 гг., которые служат также источником сведений о социальной мобильности. Поскольку понимание и классификация занятых в переписях до 1945 г. отличались от современных, сопоставление дает возможность получить картину, весьма приблизительную, в некоторых аспектах.

Данные о численности классов и слоев дополняются статистическими материалами, характеризующими их доходы и уровень образования. При этом соотношение между доходами представителей различных классов или слоев в целом соответствует соотношению их мест в социальной структуре. Например, уровень доходов сельскохозяйственных рабочих, а также крестьян — владельцев карликовых и малых наделов (до 10 хольдов^{1*}) в межвоенный период уступал доходам всех прочих классов и групп, тогда как во второй половине 60-х годов он достиг среднего уровня доходов промышленных рабочих и затем изменялся в основном параллельно с ним. Отсюда можно сделать вывод, что традиционная бедность основной массы крестьян (за вычетом лишь узкого слоя зажиточных) была ликвидирована.

Уровень образования используется в качестве аналогичного показателя, так как им в значительной и, вероятно, во всевозрастающей мере определяются карьера индивидуума и доход, на который он может рассчитывать. Данные об образовании содержатся в материалах всех проведенных переписей и обследований социальной мобильности. Иными словами, с их помощью можно оценить

* 1 хольд равен 0,431 га.
© Р. Андорка, 1990

изменение положения классов и групп на протяжении длительного времени.

Однако показатель уровня доходов сам по себе не может дать цельного представления об условиях жизни. Он отражает положение только за один определенный год, тогда как на уровень и условия жизни влияют и совокупные итоги за предшествующие годы. Например, доходы различных социальных слоев могут быть одинаковыми в течение нескольких лет, а их жилищные условия еще долго остаются различными в связи с тем, что на протяжении многих десятилетий один слой уступал другому по уровню доходов.

Разумеется, упомянутые выше показатели не дают полного представления о положении классов и слоев в структуре общества. И все же их бывает достаточно для анализа массовой социальной мобильности, хотя они дают сравнительно мало материала о таком явлении, которое в зарубежной социологической литературе именуется «мобильностью элиты».

В эволюции социально-профессионального состава населения Венгрии можно выделить три этапа.

Первый этап^{2*} охватывает период с конца XIX в. до первой мировой войны¹. До первой мировой войны экономика страны имела аграрный характер². Социально-экономические отношения в деревне отягощались значительными феодальными пережитками. При освобождении крепостных только часть крестьян получила в собственность обрабатываемую ими землю. В силу этого сельскохозяйственный пролетариат был весьма многочисленным, на его долю приходилось примерно 2/5 всех занятых физическим трудом в сельском хозяйстве³. В структуре земледелия преобладали карликовые и мелкие хозяйства размером менее 10 хольдов. Каждый третий крестьянин являлся владельцем надела в 5 хольдов и меньше и был вынужден наряду с ведением собственного хозяйства работать по найму, чтобы обеспечить средства для существования. Владельцы 5–10 хольдов (их насчитывалось более 1/4) ведением собственного хозяйства могли обеспечить семью лишь минимумом необходимого. Уровень жизни многих крестьян – владельцев наделов – был низким, а значительная их часть по свое-

^{2*} Данные отражают ситуацию во всей тогдашней Венгрии (историческая Венгрия с Фиуме, по без Хорватии и Славонии). Сведения о Венгрии в пределах ее современных границ за период до 1910 г. отсутствуют.

му положению сближалась с сельскохозяйственным пролетариатом. Поэтому крестьянин-землевладельца в Венгрии никоим образом нельзя сравнивать ни с американским фермером, ни с западноевропейским крестьянином.

В результате сравнительно бурного экономического развития Венгрии в 1890—1910 гг. число работающих в несельскохозяйственных сферах возросло примерно вдвое. Перед первой мировой войной они уже составляли значительную социальную группу и общественную силу. Причем рост числа промышленных рабочих лишь частично можно связать с уменьшением численности мелких земельных собственников и сельскохозяйственных рабочих. Он был обусловлен сокращением числа поденщиков, не имевших постоянных занятий и лишь периодически работавших в сельском хозяйстве, и самостоятельных мелких предпринимателей в городе.

В 1910 г. две немногочисленные группы — владельцы и арендаторы крупных и средних поместий — составляли менее 0,5% экономически активного населения, но владели 44% всей обрабатываемой земли. Вместе с богатыми землевладельцами крупная буржуазия составляла лишь 0,5% всего населения⁴. Ведущие позиции в финансах и промышленности принадлежали 50 семьям⁵.

Численность средних слоев была относительно невелика, их удельный вес в целом отличался стабильностью. Доля лиц, занимавшихся умственным трудом, увеличивалась относительно медленно, особенно по сравнению с ростом числа рабочих.

Несмотря на отсталость страны в целом, в социальной структуре ее в течение 30—40 лет перед первой мировой войной наблюдалось немало признаков социальной динамики; Венгрия вступила на путь капиталистической индустриализации, и общество постепенно приходило в движение.

Второй этап в процессе изменений социально-профессионального состава населения Венгрии приходится на межвоенный период⁶. По данным переписи 1920 г., социальная структура по-прежнему свидетельствует об аграрном характере страны (табл. 1). Около 3/5 активного населения было занято в сельском хозяйстве. Удельный вес несельскохозяйственных рабочих оставался относительно небольшим. Примечательна, однако, относительно большая доля лиц умственного труда. Об отсталости социально-экономических отношений свидетельствовала весьма высокая численность домашней прислуги, особен-

по женщин, а также практически равная ей численность лиц наемного труда (поденщиков и батраков) в сельском хозяйстве и владельцев земельных наделов. Такое положение сохранялось до кризиса 1929–1933 гг. По сравнению с 1920 г. почти не увеличился удельный вес лиц умственного труда, имел место рост рядов промышленных рабочих. Численность сельскохозяйственных рабочих уменьшилась вследствие индустриализации и отчасти земельной реформы 20-х годов.

Указанные тенденции в динамике социального состава населения Венгрии сохранились до 1941 г. Несколько возросла, правда, численность несельскохозяйственных рабочих, снизилась доля сельскохозяйственных рабочих и поденщиков, а также в какой-то степени и доля мелких предпринимателей и торговцев. В начальный период второй мировой войны вследствие усиленного развития военной промышленности, а также призыва мужской части населения на военную службу процесс изменения социально-профессионального состава ускорился.

В социальной структуре межвоенной Венгрии можно выделить следующие группы: крупные промышленно-финансовые магнаты (50 семей)⁷; средние и мелкие капиталисты — владельцы промышленных предприятий с 10–100 рабочими или торговых предприятий с 3–20 служащими (в 1930 г. около 12 тыс. человек); владельцы и арендаторы поместий размером свыше 10 тыс. хольдов (в 1920 г.— 1,2 тыс., в 1930 г.— 1 тыс. человек); владельцев поместий в 100 — 1 тыс. хольдов (около 12 тыс. человек в 1920 г. и примерно 11 тыс. в 1930 г.); лица умственного труда с высшим образованием (в 1920 г. 55,3 тыс. мужчин и 3,7 тыс. женщин, в 1930 г.— 61,4 тыс. мужчин и 5,5 тыс. женщин) составляли в 1920 и 1930 гг. соответственно 1,7% и 1,8% всего экономически активного населения. Численность крестьян несколько выросла за счет доли крупных земельных собственников. В результате аграрной реформы возникло 425 тыс. карликовых и мелких хозяйств, было выделено также 260 тыс. усадеб⁸, процентное же соотношение различных групп крестьян по величине наделов почти не изменилось.

Стагнация аграрной структуры Венгрии в межвоенный период — едва ли не уникальное явление в Европе, поскольку проведенные после первой мировой войны земельные реформы в других странах имели более значительные последствия. Венгерское общество в этот период

было единственным, где значительную часть сельскохозяйственного населения составляли безземельные рабочие и где среди крестьянских хозяйств преобладали карликовые, а их владельцы по своему положению приближались к наемным рабочим.

Рабочий класс, включая сельскохозяйственный пролетариат, домашнюю прислугу и поденщиков, в межвоенный период составлял около половины населения, а вместе с близкими к пролетариату слоями крестьянства он образовывал в венгерском обществе большинство.

Промежуточное положение между горсткой эксплуататоров и пролетарскими массами занимали средние слои. Их положение было неоднозначным: численность мелкой буржуазии, самостоятельных предпринимателей и торговцев медленно, но неуклонно сокращалась, в то время как численность лиц умственного труда постепенно возрастала. К средним слоям можно отнести также середняков и зажиточных крестьян.

За межвоенный период социальная структура Венгрии изменилась столь незначительно, что казалась застывшей. Вместе с тем и в самой Венгрии, и в других странах формировались те социальные силы и общественные условия, которые в конечном счете привели к ликвидации отсталой системы и придали новое качество структуре общества.

Таблица 1.

Состав экономически активного населения в 1920—1941 гг., %

Общественная группа, слой	1920 г.		
	Муж.	Жен.	Всего
Лица, занятые умственным трудом	6,4	6,9	6,6
Мастера, специалисты-рабочие	2,1	0,1	1,5
Мелкие предприниматели и торговцы	9,6	7,6	9,0
Рабочие	17,0	8,9	14,6
Домашняя прислуга	0,4	13,2	4,2
Поденщики	1,0	2,3	1,4
Крестьяне	30,2	34,4	31,4
Сельскохозяйственные рабочие, батраки	29,0	24,0	27,5
Прочие	4,3	2,6	3,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Третий этап в изменении социального состава Венгрии начался после второй мировой войны и освобождения страны от фашизма. За несколько лет революционные экономические и социальные реформы коренным образом трансформировали структуру венгерского общества. В ходе аграрной реформы были распределены 5,6 млн хольдов земли, или 34,6% территории страны, 100 хольдами ограничены размеры хозяйств крупных землевладельцев, 200 хольдами — зажиточных крестьян. Тем самым класс крупных землевладельцев фактически перестал существовать. 58% перераспределаемой земли (3,3 млн кадастровых хольдов ^{3*}) было передано в крестьянское владение. Землю получили около 642 тыс. человек, из них около 110 тыс. батраков, 240 тыс. поденщиков, 214 тыс. владельцев карликовых наделов, 33 тыс. владельцев малых наделов и 25 тыс. мелких предпринимателей и лиц других занятий ⁹. Остальные земли перешли в собственность государства. Аграрная реформа вызвала коренные преобразования в структуре сельскохозяйственного населения Венгрии.

В декабре 1945 г. началась национализация ряда крупных предприятий и банков. К концу следующего года 43% промышленных рабочих трудились в государственном секторе, а в 1948 г. — уже 83%. Класс крупной буржуазии по существу лишился экономической основы

^{3*} 1 кадастровый хольд равен 0,575 га.

1930 г.			1941 г.		
Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
6,9	8,1	7,3	6,7	8,9	7,3
2,2	0,1	1,6			
9,0	7,5	8,6	8,9	6,3	8,2
21,9	16,0	20,3	27,4	19,0	25,1
0,4	16,1	4,5	0,3	12,7	3,7
1,4	2,0	1,6	0,9	1,1	1,0
32,6	33,4	32,8	31,4	33,7	32,0
23,4	13,4	20,8	19,5	13,0	17,7
2,2	3,4	2,5	4,9	5,3	5,0
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

и прекратил существование¹⁰. Социально-профессиональная структура, по данным ряда переписей¹¹, отражает произошедшие к тому времени коренные социальные изменения (табл. 2).

По сравнению с 1941 г. удельный вес лиц, занятых умственным трудом, в 1949 г. практически не изменился, а рабочих — несколько снизился. В то же время возросла доля занятых в сельском хозяйстве, что было связано с военными разрушениями в промышленности, а также и с тем, что довольно значительное число рабочих получило земельные наделы по аграрной реформе.

Коренные изменения произошли в составе лиц, занятых сельскохозяйственным трудом: существенно уменьшилось число рабочих при одновременном росте числа крестьян с наделом. В результате этого в стране временно увеличилась доля собственников и уменьшилась доля пролетариата. Таким образом, в течение определенного времени венгерское общество менялось в направлении, прямо противоположном изменениям в европейских капиталистических странах с аналогичным уровнем развития. Значительные перемены произошли и внутри крестьянст-

Таблица 2.

Состав экономически активного населения в 1949—1973 гг., %

Класс, социальный слой	1949 г.		
	Муж.	Жен.	Всего
Интеллигенция	2,2	0,9	1,8
Прочие лица, занятые умственным трудом	5,2	10,4	6,8
Мастера и другие непосредственные распорядители работ	1,6	0,2	1,2
Мелкие предприниматели и торговцы	8,6	6,6	8,1
Квалифицированные рабочие	13,9	4,5	11,2
Малоквалифицированные рабочие	4,7	6,6	5,2
Разнорабочие	10,4	16,2	12,1
Члены семей, помогающие рабочим			
Сельскохозяйственные рабочие	8,0	3,6	6,6
Кооперированные крестьяне	0,3	0,3	0,3
Крестьяне-единоличники	45,1	50,7	46,7
Всего	100,0	100,0	100,0

ва, поскольку увеличилась доля владельцев наделов в 5–10 хольдов за счет владельцев более крупных наделов. Это означает, что, с одной стороны, сократилась доля за-житочных крестьян, а с другой — уменьшилась доля тех, чьи наделы не обеспечивали прожиточного минимума семьи и кто часть времени были вынуждены работать по найму.

В 1949—1963 гг. произошли события, серьезнейшим образом повлиявшие на социальный и профессиональный состав населения. Первым явилась индустриализация. В ее результате доля несельскохозяйственных рабочих среди экономически активного населения возросла более чем вдвое, доля лиц умственного труда — также примерно вдвое, при одновременном уменьшении доли занятых в сельском хозяйстве. Это объясняется преимущественным привлечением в промышленность рабочей силы из сельского хозяйства, что устранило скрытую безработицу деревенского населения.

Вторым крупнейшим изменением явилась коллективизация сельского хозяйства, которая после нескольких попыток была завершена в 1961 г. Единоличные хозяйства в основном остались там, где организация крупных общественных предприятий представлялась нецелесообразной. В результате коллективизации большинство едини-

1963 г.			1973 г.		
Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
4,1	2,2	3,4	6,4	4,4	5,6
9,5	22,6	14,3	10,4	29,1	18,4
2,2	0,6	1,6	4,3	1,3	3,0
2,3	1,4	1,9	2,0	1,2	1,7
22,7	7,5	17,1	31,1	8,9	21,6
12,9	19,2	15,3	13,2	22,0	17,0
14,9	13,5	14,4	9,6	14,2	11,6
0,1	0,9	0,4	0,0	1,0	0,4
8,3	2,9	6,5	6,2	3,1	4,8
21,0	27,0	23,0	15,9	13,0	14,6
2,0	2,2	2,1	0,9	1,8	1,3
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

ноличников стало членами сельскохозяйственных производственных кооперативов, немалая их часть перешла в другие отрасли. Следует учитывать, что значительная часть пожилых крестьян-единоличников (их в 1960 г. еще причисляли к экономически активному населению, несмотря на ограниченную возрастом трудоспособность) «удалилась на покой», что стало возможным благодаря созданию системы пенсионного обеспечения в производственных кооперативах.

Третьим событием, хотя и менее значительным по своим последствиям, было заметное сокращение доли мелких предпринимателей и торговцев. Этот процесс наблюдался и в предшествующие десятилетия, но в 1949—1963 гг. он ускорился отчасти под воздействием политических мер, отчасти вследствие концентрации производства в промышленности и торговле.

В рассматриваемый период пролетариат вновь стал наиболее многочисленным классом венгерского общества.

В середине 60-х годов начали формироваться новые условия экономического развития. По существу, именно в этот период экономика Венгрии достигла уровня среднеразвитой индустриальной страны. За 10 лет (1963—1973 гг.) доля лиц физического труда, занятых в сельском хозяйстве (кооперированные крестьяне, рабочие госхозов, единоличники), уменьшилась примерно с 33% до 21%, в то время как доля интеллигенции возросла более чем в полтора раза, а доля других лиц умственного труда — примерно в полтора раза. Доля же несельскохозяйственных рабочих почти не возрасала, а в 70-х гг. в основном стабилизировалась. В этом, на наш взгляд, следует видеть новую тенденцию. Одновременно произошли значительные перемены внутри несельскохозяйственного пролетариата: доля квалифицированных рабочих возросла, полуквалифицированных приблизилась к стабильному уровню, а разнорабочих, напротив, уменьшилась. Самостоятельные мелкие предприниматели и торговцы, а также единоличные крестьяне составляли теперь весьма незначительную и постепенно сокращавшуюся группу экономически активного населения.

На основе статистических данных, охватывающих более чем 80 лет, в общих чертах вырисовываются прошедшие в венгерском обществе изменения:

1. Итоги послевоенных преобразований в целом: исчезли классы буржуазии и помещиков; место крестьян-единоличников заняло кооперированное крестьянство; значи-

тельно сократился слой мелких самостоятельных предпринимателей и торговцев.

2. Итоги индустриализации экономики: значительно сократилось сельское население; выросло количество лиц, занятых физическим трудом в сельскохозяйственных отраслях, в первую очередь количество квалифицированных рабочих; однако в начале 70-х годов этот рост почти полностью прекратился; быстрыми темпами увеличивалось число лиц, занятых умственным трудом, причем если вначале — в основном рядового управленческого персонала, то в последнее время — имеющих высшее образование.

При анализе структуры современного венгерского общества целесообразно наряду с данными о распределении экономически активного населения рассмотреть материалы о том, к каким классам и слоям общества принадлежат члены одной семьи (одного хозяйства). Если разграничивать лишь четыре крупные социальные категории — рабочий класс, кооперативное крестьянство, лица умственного труда и мелкие товаропроизводители, — то распределение семей на 1973 г. оказывается следующим:

	39,0 % семей
Рабочие	
Крестьяне	9,4
Лица умственного труда	12,8
Мелкие товаропроизводители	1,5
Рабочие и крестьяне	8,1
Рабочие и лица умственного труда	13,6
Рабочие и мелкие товаропроизводители	1,8
Крестьяне и лица умственного труда	1,2
Крестьяне и мелкие товаропроизводители	0,2
Лица умственного труда и мелкие товаропроизводители	0,5
Рабочие, крестьяне и мелкие товаропроизводители	0,2
Рабочие, крестьяне и лица умственного труда	0,7
Рабочие, лица умственного труда и мелкие товаропроизводители	0,3
Крестьяне, лица умственного труда и мелкие товаропроизводители	—
Только работающие	10,0
Только иждивенцы	0,7
Всего	100,0

Таким образом, членами смешанных по социальному составу семей было более четверти живущего семьями населения. Однако в действительности показатель смешанности еще больше, поскольку свыше десятой части населения входит в семьи, состоящие только из иждивенцев, и свыше трети — в семьи, где работает только один человек. Среди остальных семей с работающими примерно каждая вторая — смешанного состава.

Социальную смешанность семей следует учитывать при анализе классовой структуры общества, поскольку она характеризует взаимную разобщенность или, напротив, слияние классов и слоев. Достаточно часто представители разных классов или слоев входят в одну семью, ведут общее хозяйство, поэтому вряд ли можно предполагать, что между ними возможны серьезные противоречия и конфликты.

В современном венгерском обществе особенно распространены два типа смешанных семей: семьи, состоящие из рабочих и лиц умственного труда (характерны главным образом для городов), и семьи, включающие рабочих и кооперированных крестьян (в основном в сельской местности).

На один аспект различий между городским и сельским пролетариатом указывает та часть данных всеобщей сельскохозяйственной переписи 1972 г., которая касается приусадебных и подсобных хозяйств¹². Такими хозяйствами в сельской местности располагали 4/5 семей, а также небольшая часть горожан.

Среди владельцев хозяйств рабочих было значительно больше, чем кооперированных крестьян. Если соотнести эти данные с показателями микропереписи 1973 г., то получается, что примерно 2/5 несельскохозяйственных рабочих, 2/3 сельскохозяйственных и 1/4 лиц умственного труда входили в семьи, располагавшие приусадебными и подсобными хозяйствами.

За рассматриваемый почти столетний период изменились не только численность и доля отдельных классов и слоев общества, но и занимаемые ими места в социальной структуре, их положение относительно друг друга. Речь идет не только о коренных изменениях, обусловивших ликвидацию классов помещиков и капиталистов или формирование кооперативного крестьянства. Постепенно происходили и такие сдвиги, которые трансформировали соотношение лиц умственного и физического труда, сельских рабочих и крестьянства.

Для кануна первой мировой войны возможна приблизительная оценка взаимного положения классов и слоев лишь на основе двух показателей: доли неграмотных и доли лиц, окончивших не менее 8 классов средней школы, по отношению ко всем работникам определенного класса или слоя. В то время неграмотность была весьма частым явлением, особенно среди неимущих слоев общества.

Полностью грамотными были в то время крупные землевладельцы и лица умственного труда, занятые на государственной службе и в сфере свободных профессий. За ними на заметно более низком уровне располагаются лица умственного труда, занятые в промышленности и торговле, а также средние землевладельцы. Среди последних уже встречаются неграмотные.

Среди владельцев 100—200 хольдов земли и торговцев были лица со средним образованием, а также неграмотные, что указывает на гетерогенность состава этих слоев (к числу торговцев, например, отнесены как крупные капиталистические предприниматели, так и скромные деревенские лавочники). Среди владельцев 100—200 хольдов земли имелись и обедневшие дворяне и поднявшиеся над уровнем своего класса, приобщавшиеся к культуре крестьяне, а также деревенские богатеи, не придававшие образованию особого значения. В группе владельцев 50—100 хольдов уже почти не было лиц со средним образованием, представители дворянства были единичными.

Среди самостоятельных предпринимателей было очень мало представителей крупной буржуазии. Большинство составляли простые, малообразованные сельские ремесленники. Доля неграмотных в этой группе даже выше, чем среди городских рабочих.

Примечательно, что среди торгового, транспортного и промышленного пролетариата почти не было лиц со средним образованием, но и неграмотные встречались относительно редко. Во всяком случае гораздо реже, чем среди крестьян с паделами до 100 хольдов. Это позволяет заключить, что с точки зрения потенциальных возможностей улучшения своего социального положения рабочие находились в лучших условиях, нежели крестьяне, представители низшей государственной администрации и прислуга. За ними следовали различные слои крестьянства, причем в точном соответствии с размером землевладений, и сельскохозяйственные рабочие, в целом находившиеся на том же уровне, что и владельцы карликовых паделов,

и, наконец, сильно отставая даже от предшествующей группы,— батраки.

В межвоенный период, если не считать постепенного повышения образовательного уровня в низших слоях венгерского общества и определенного роста числа окончивших среднюю школу в остальных его социальных группах, взаимное положение классов и слоев существенно не изменилось.

Статистические материалы дают исследователям сведения и о доходах различных классов и слоев в то время¹³.

Данные о доходах показывают, что на вершине иерархии в венгерском обществе на недосягаемой высоте находились малочисленные классы эксплуататоров — капиталисты и помещики. Уровень доходов лиц умственного труда был значительно выше, чем у рабочих; лишь представители наиболее высокооплачиваемых профессий (например, типографские рабочие) приближались по заработкам к низкооплачиваемым лицам умственного труда или даже зарабатывали больше, чем некоторые группы занятых умственным трудом женщин.

Доходы мелких предпринимателей уступали средним заработкам рабочих, тогда как доходы средних предпринимателей и торговцев были близки к заработкам лиц умственного труда. Эти оценки подтверждают сделанные выше выводы о гетерогенности соответствующих слоев.

Доходы зажиточных крестьян были в среднем несколько выше заработков рабочих, однако не только у сельскохозяйственных рабочих и батраков, но и у крестьян с мелкими наделами они были ниже, чем у рабочих¹⁴.

Таким образом, структура, вырисовывающаяся на основе данных о доходах, в основном соответствует выводам, вытекающим из сведений об уровне образования. Наиболее существенное расхождение состоит в том, что промышленные и другие несельскохозяйственные рабочие по уровню образования располагались выше, чем зажиточные крестьяне, тогда как по размеру доходов уступали им. Менее значительное отличие состоит в том, что батраки по уровню образования существенно отставали от несельскохозяйственных рабочих, тогда как их доходы были чуть выше, чем у рабочих, занятость которых имела менее постоянный характер. Данные об образовании не отражают и ту огромную дистанцию, которая отделяла стоявших на вершине социальной иерархии круп-

ных землевладельцев и капиталистов от лиц умственного труда.

Начиная с предшествующих первой мировой войне лет до освобождения страны в 1945 г., в Венгрии наблюдалась лишь временные колебания положения различных классов и слоев, но коренных его изменений не происходило. После освобождения, однако, крупные экономические и социальные преобразования повлекли за собой существенные перемены.

Сравнительно слабо эти перемены отразились на уровне образования. Неграмотность в 60-х годах стала исключительным явлением, место этой категории заняли лица с начальным образованием. Для представителей классов и слоев венгерского общества, выделенных анкетированием 1962—1964 гг., показатели даны в табл. 3.

Две категории — мелкие предприниматели и торговцы, а также кооператоры и группа поденщиков и занятых на случайных работах — «выбиваются» из иерархии уровней образования, а остальные слои размещаются вполне упорядоченно: от служащих и интеллигенции, за которыми следуют прочие лица умственного труда, рабочие в соответствии с уровнем своей квалификации и до группы занятых физическим трудом в сельском хозяйстве. Специфические особенности слоя самостоятельных мелких производителей и торговцев (относительно высокая доля лиц с полным и средним образованием, и в то же время относительно большое число малообразованных людей) связаны с его гетерогенностью, имевшей место и до освобождения страны.

Порядок расположения по уровню образования более или менее сопоставим с наблюдавшимся в предшествующий период, при этом различия сгладились. Среди рабочих доля лиц со средним образованием выросла в несколько раз, разрыв с работниками умственного труда сократился, хотя и остался большим.

Более значительными были изменения в соотношении доходов различных классов и слоев. Ценные сведения для их анализа дают обследования доходов семей, регулярно, раз в 5 лет начиная с 1963 г., проводимые Центральным статистическим управлением (во всех случаях речь идет о доходах за предшествующий год)¹⁵. Приведенные ниже данные включают сведения обо всех денежных и натуральных доходах (зарплата, пособие на детей, пенсия, продукция приусадебного хозяйства). Наряду с показателем среднего дохода на душу населения в отдель-

Таблица 3.

Уровень образования различных слоев венгерского общества в начале 60-х годов

Класс, социальный слой	Доля лиц, окончивших не более 5 классов школы		Доля лиц со средним образованием	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Представители администрации и интеллигенции	0,4	—	85,7	88,4
Прочие лица умственного труда	3,2	1,9	47,4	33,7
Мелкие предприниматели, кооператоры	18,0	14,6	7,4	6,1
Квалифицированные рабочие	10,8	9,1	3,5	4,9
Малоквалифицированные рабочие	26,5	15,3	1,7	1,7
Вспомогательный персонал учреждений	32,7	29,8	0,8	1,7
Разнорабочие	31,4	27,7	1,7	0,3
Поденщики	55,0	63,0	—	—
Лица, занятые физическим трудом в сельском хозяйстве	36,0	30,9	0,0	0,1

ных классах и слоях автор использовал показатели, характеризующие долю семей с максимальными и минимальными доходами в населении страны. Ситуацию на 1962 г. представляет табл. 4.

По сравнению с периодом до освобождения страны существенно уменьшились различия в материальной обеспеченности между классами и группами и вообще материальное неравенство внутри общества¹⁶. Оказалась размытой грань между группами лиц умственного и физического труда, в частности положение квалифицированных рабочих приблизилось к положению лиц, занятых умственным трудом не самой высокой квалификации — канцелярских служащих. Категория мелких предпринимателей и торговцев не только сильно сократилась численно, но и уровень их доходов опустился ниже уровня доходов рабочих. Среди несельскохозяйственных рабочих имело место сравнительно четкое деление на квалифицированных, малоквалифицированных и

Таблица 4.

Распределение семей в зависимости от уровня доходов
в начале 60-х годов

Социальное положение главы семьи	Семья с месячным доходом на 1 человека, %:			Средний месячный доход на 1 человека, форинты
	менее 600 форинтов	600—1400 форинтов	более 1400 форинтов	
Представитель администрации и интеллигентии	6,3	70,2	23,5	1268
Специалист средней квалификации	10,5	72,5	17,0	1055
Канцелярский служащий	16,9	67,7	15,4	979
Квалифицированный рабочий	17,5	72,3	10,2	924
Малоквалифицированный рабочий	30,8	64,5	4,7	781
Член сельскохозяйственного кооператива, занятый физическим трудом	36,4	59,8	3,8	746
Служащий низкой квалификации, надомник	33,3	64,3	2,4	743
Крестьянин-единоличник	43,1	49,8	7,1	741
Мелкий предприниматель или торговец	49,0	45,1	5,9	721
Разнорабочий	45,0	52,5	2,5	678
Сельскохозяйственный рабочий	58,0	40,1	1,9	596
Поденщик, лицо со случайными заработками		21,0	0,4	412
Пенсионер или лицо без определенных занятий	45,1	51,8	3,1	689

разнорабочих. Положение лиц, занятых физическим трудом в сельском хозяйстве, сблизилось с положением неквалифицированной части несельскохозяйственных рабочих, т. е. сократилось наблюдавшееся ранее отставание значительной части крестьянства и сельскохозяйственных рабочих от других социальных групп лиц физического труда.

В начале 60-х годов положение администрации и интеллигенции существенно улучшилось по сравнению с прочими слоями и классами венгерского общества. Разрыв между лицами, занятymi умственным трудом средней и низкой квалификации, и квалифицированными рабочими сократился. Однако по тем параметрам, по которым

Таблица 5.

**Уровень образования различных слоев венгерского общества
в начале 70-х годов**

Класс, социальный слой	Доля лиц, окончивших не более 7 классов		Доля лиц со средним образованием	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Представители администрации и интеллигенции	1,8	2,7	93,6	88,3
Прочие лица умственного труда	12,5	6,7	59,0	52,1
Мелкие предприниматели и торговцы	51,6	56,7	7,8	5,7
Квалифицированные рабочие	28,0	26,2	9,0	8,5
Малоквалифицированные рабочие	59,0	44,8	3,2	2,0
Разнорабочие	68,7	66,9	1,5	1,0
Лица, занятые промышленным трудом в сельском хозяйстве	46,4	60,6	3,9	2,4
Лица, занятые физическим трудом в сельском хозяйстве	80,5	80,0	1,1	0,9

установление равновесия требует более длительного времени, отставание квалифицированных рабочих было еще значительным. Имелись определенные различия и внутри рабочего класса между слоями разной квалификации. Наконец, члены сельскохозяйственных кооперативов и сельскохозяйственные рабочие находились в наименее благоприятном положении. Хотя по уровню доходов они уже приблизились к неквалифицированному слою несельскохозяйственных рабочих или даже догнали его, но все еще заметно отставали по жилищным условиям и владению имуществом длительного пользования.

Изменения, наблюдаемые в начале 60-х годов, усилились к началу 70-х. Об этом свидетельствуют данные анкетирования 1973 г., представленные в табл. 5.

По уровню образования квалифицированные рабочие значительно превосходили мелких предпринимателей и торговцев. Занятые традиционным сельскохозяйственным физическим трудом, по-прежнему, отставали от несельскохозяйственных рабочих (не в последнюю очередь из-за повышенной доли старших возрастов). Однако внутри сельскохозяйственной отрасли сформировалась и быстро росла новая группа — обладатели промышленных,

Таблица 6.

Распределение семей в зависимости от уровня доходов
в начале 70-х годов

Социальное положение главы семьи	Доля семей с ме- сячным доходом на 1 человека, %:			Средний месячный доход на 1 челове- ка, фо- ринтов
	менее 800 фо- ринтов	800— 2400 фо- ринтов	более 2400 фо- ринтов	
Руководитель высокого ранга	—	31,2	68,8	2893
» среднего ранга	—	51,8	48,2	2579
» низкого ранга	0,4	65,6	34,0	2315
Распорядитель работ высокого ранга	—	72,4	27,6	2110
» низкого ранга	1,0	81,2	17,8	1831
Специалист высокой квалификации	0,7	69,0	30,3	2229
» средней квалификации	0,7	83,1	16,2	1823
» низкой квалификации	2,2	85,6	12,2	1703
Делоизготовитель	2,3	84,1	13,6	1730
Квалифицированный рабочий	3,2	88,0	8,8	1588
Малоквалифицированный рабочий	10,7	84,1	5,2	1414
Разнорабочий	17,0	78,0	5,0	1365
Работник физического труда в сель- ском хозяйстве	7,7	89,7	12,6	1672
Пенсионеры и лица без определен- ных занятий	21,8	72,6	5,6	1312

строительных, транспортных и других профессий, уровень образования которых был выше, чем у малоквалифицированных и разнорабочих (в том числе благодаря преобладанию молодых возрастов). Однако лица умственного труда все так же значительно опережали работников физического труда по образовательному уровню.

Иную ситуацию отражают данные обследования 1972 г. о доходе на душу населения.

Основное изменение за истекшие 10 лет состояло в том, что лица, занятые физическим трудом в сельском хозяйстве, по уровню своих доходов догнали и даже превзошли все слои несельскохозяйственных рабочих. При этом следует, однако, учесть, что ликвидация отставания обеспечивалась во многом за счет дополнительных затрат труда сельчанами в приусадебных и подсобных хозяйствах. Наконец, с начала 1974 г. было осуществлено централизованное повышение зарплаты несельскохозяй-

ственным рабочим. После него различие в уровне доходов между крестьянами и рабочими составляло лишь несколько процентов в пользу первых.

Слегка уменьшилось различие в уровне доходов между квалифицированными рабочими и рядовыми служащими, но при этом сократились различия между отдельными слоями рабочих, так что по материальному положению рабочие также приблизились к служащим. По-прежнему оставался наиболее высоким уровень доходов на одного человека в семьях административных работников.

Все эти изменения почти не повлияли на общий дисбаланс. Наиболее обеспеченная часть населения по среднему уровню доходов превосходила средний показатель по стране вдвое, а наименее обеспеченных — в 5 раз.

В сфере владения имуществом длительного пользования можно выявить две тенденции. В показателях владения более дешевыми и получившими распространение раньше товарами (телевизоры, холодильники) в начале 60-х годов произошло существенное выравнивание положения различных классов и слоев. Напротив, по наилучшию гораздо более дорогостоящих личных автомобилей наблюдалось значительное расхождение.

Известно, что с начала 1960-х годов в Венгрии существенно возросли объемы жилищного строительства, расширения и переоборудования жилищ. Вследствие этого значительно улучшились жилищные условия всех классов и слоев населения, но различия между ними не исчезли. Это показывают некоторые данные, взятые из материалов микропереписи 1973 г. по жилищным условиям (табл. 7).

Здесь мы видим ту же тенденцию, что, и в случае с имуществом длительного пользования. Социальные различия в этой сфере также относительно устойчивы: преимущественное положение лиц умственного труда, в особенности представителей администрации и интеллигенции, по сравнению с рабочими и крестьянами фактически остается неизменным.

Одновременно сохранились крайне неблагоприятные жилищные условия городских рабочих: их отставание от других категорий населения даже несколько увеличилось вследствие осуществлявшейся в сельской местности интенсивной застройки собственными силами. Более того, по своей результативности этот процесс превосходил государственное жилищное строительство в городах.

Таблица 7.

Жилищные условия представителей различных социальных групп в начале 70-х годов

Класс, социальный слой	Число комнат, приходящихся на 1 квартиру	% квартир, имеющих:		
		электричество	водопровод	газ
Работник умственного труда	2,24	100	80	81
Работник физического труда в несельскохозяйственных отраслях	1,81	97	43	63
Работник физического труда в сельском хозяйстве	1,72	86	11	49
Неработающий	1,58	94	37	49

Таким образом, по сравнению с ситуацией до освобождения от фашизма в 1945 г. в венгерском обществе в 60—70-х годах сократились различия между отдельными классами и слоями в размере доходов, в условиях жизни и в уровне образования. В то же время сохранились и за последние два десятилетия уже не сокращались некоторые другие различия. Бессспорно, что социальная мобильность человека связана с существенными переменами в материальных и бытовых условиях. Поэтому большое значение приобретают вопросы равенства или неравенства возможностей выбора жизненного пути представителями различных классов и слоев современного венгерского общества.

- 1 Социальная структура Венгрии до первой мировой войны проанализирована в работе: *Harcsa I. A társadalmi struktúra változásainak néhány vonása, 1869–1940* // *Statisztikai Szemle*. 1977. 55 к. 3. Sz. 294–314 old.
- 2 Методика составления переписей населения и социальной структуры общества охарактеризована в работе: *Andorka R., Harcsa I., Kulcsár R. A társadalmi mobilitás történeti tendenciái*. Bp., 1975. 308 old.
- 3 *Für L. Jobbágyföld – parasztföld* // *A parasztság Magyarországon a kapitalizmus korában*, 1848–1914. Bp., 1965. 33–153 old.
- 4 *Berend T., Ránki G. A magyar gazdaság száz éve*. Bp., 1972. 85 old.
- 5 *Berend T. A tőkés gazdaság története Magyarországon, 1848–1944*. Bp., 1973. 141 old.
- 6 Подробнее см.: *Andorka R., Harcsa I., Kulcsár R. A társadalmi...* 13–39 old.
- 7 *Berend T., Szuhay H. A tőkés gazdaság története Magyarországon, 1848–1944*. Bp. 1978. 324 old.

- ⁸ Gunszt P. A mezőgazdaság fejlődésének megrekedése a két világháború között (az 1920–1930-as években) // A magyar mezőgazdaság a XIX–XX. században (1849–1949). Bp., 1976. 383 old.
- ⁹ Fazekas B. Mezőgazdaságunk a felszabadulás után. Bp., 1967. 42–44 old.; Donáth F. Demokratikus földreform Magyarországon, 1945–1947. Bp., 1969. 421 old.
- ¹⁰ Berend T., Ránki G. A magyar gazdaság... 227–243 old.
- ¹¹ Социальная структура по переписи населения 1949 г. проанализирована в работе: Harcsa I. Társadalmi struktura és mobilitás az 1949. évi népszámlálás adatai alapján // Demográfia. 1974. 17. k. 2. sz. 192–205 old.
- ¹² Oros I. Az 1972. évi általános mezőgazdasági összeírás előzetes eredményei // Statisztikai Szemle. 1973. 53 k. 5. sz. 379–402 old. és 6. sz. 499–511 old.
- ¹³ Matolcsy M. A magyarországi jövedelem és adóteher-megoszlás. Bp., 1938. 127 old.
- ¹⁴ Matolcsy M. Az életszínvonal alakulása Magyarországon. 1924–1944. Bp., 1944. 53 old.
- ¹⁵ Анализ доходов населения Центральным статистическим управлением ВНР дан по следующим работам: Ferge S., Láng G., Kemény I. Társadalmi rétegződés Magyarországon // Statisztikai Időszaki Közlemények. Bp., 1966. 90. k. 420 old.; Eltető Ö., Láng G., Schnell L., Surányi B. Jövedelmi színvonal – jövedelmi különbségek. Bp., 1969. 198 old.; A lakossági jövedelmek színvonala és szóródása. Bp., 1972. 380 old.; A családi jövedelmek színvonala és szóródása 1972-ben // Statisztikai Időszaki Közlemények. Bp., 1975. 351. k. 111 old.; Zafir M. A lakosság jövedelme és fogyasztása alakulásának tendenciái // Statisztikai Szemle. Bp., 1977. 55. k. 12. sz. 1189–1206 old.
- ¹⁶ Ferge Z. Társadalmunk rétegzodése. Elvek és tények. Bp., 1969. 346 old.

**ИЗМЕНЕНИЕ
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА
РАЗЛИЧНЫХ КЛАССОВ
И СОЦИАЛЬНЫХ СЛОЕВ В ПОЛЬШЕ
В СЕРЕДИНЕ 80-х ГОДОВ**

М. Стижевская-Каминьская

Развитие Польши, по сравнению с другими восточно-европейскими странами, характеризуется в послевоенный период существенными особенностями. Отличительной чертой польской экономики является ее ярко выраженная многоукладность, которая определяет и социально-классовый состав населения. В отличие от ряда других стран данного региона, где реализовывалась установка на устранение многоукладности, в Польше имели место отступления от признававшихся тогда принципов обобществления основных средств производства. Это привело к сохранению неоднородности экономики и углублению классового расслоения, свойственного многоукладному обществу вообще и польскому в частности. Одновременно внутри классов и социальных групп имеют место различного рода расслоения, в основе которых лежат как принадлежность к определенной профессии, определенному региону страны и даже к определенному предприятию, что характерно прежде всего для рабочего класса и интеллигентии, так и имущественное неравенство, прежде всего в крестьянской среде. Таким образом, социально-классовая структура Польши многослойна. Она претерпевает существенные изменения и становится все более сложной.

С точки зрения научного изучения истории развития Польши в послевоенный период наибольший интерес представляют происходящие в настоящее время классово-групповые изменения, связанные с существующей в стране частной собственностью, главным образом на землю, а также на средства производства в ремесле, торговле, сфере услуг и некоторых отраслях мелкой промышленности. Принимая во внимание эту особенность, можно выдвинуть предположение, что Польша как бы отступает к начально-му этапу послевоенного времени, когда необобществлен-

---

© М. Стижевская-Каминьская, 1990

ный сектор располагал значительными позициями в экономике.

Ныне принципиально важным для польских ученых является ответ на вопрос было ли это время действительно периодом строительства социализма, как это недавно признавалось, и если да, то как далеко страна продвинулась по этому пути, какие качественные критерии могут быть предложены исследователями в поисках истины. Представляется, что с научной точки зрения один критерий, даже столь важный, как формирование определенной социально-классовой структуры, недостаточен для ответа на вопрос, на каком этапе общественного развития находилась еще совсем недавно Польша. Однако в данной работе такая общая задача не ставится. Анализ указанного периода проводится исключительно с одной точки зрения. Выдвинутый ранее тезис об определенном «отступлении» страны к реалиям середины 40-х годов не означает односторонне негативной оценки тех изменений, которые в ней происходят.

Первая половина 80-х годов в Польше — это время серьезного политического и экономического кризиса. В его ходе под воздействием столкновений разных социальных интересов и выражавших их политических сил руководство государства было вынуждено принимать различные меры и проводить преобразования, которые в тот момент рассматривались как обязательные, по стабилизации социалистического строя. Их целью было сгладить социальные противоречия, способствовать смягчению общественных конфликтов, по возможности сохранить существовавший жизненный уровень. Руководство страны видело разницу между мероприятиями социалистического характера, которые должны были содействовать продвижению к социализму, и мероприятиями пессоциалистического характера, которые, как тогда считали, в перспективе могут способствовать его укреплению. Наилучшим примером мероприятий второго типа является НЭП в СССР.

Многоукладность находит свое выражение в декларировании стабильности крестьянского индивидуального хозяйства и частной собственности на землю, равноправия всех экономических укладов и поддержки со стороны государства развития частной собственности в городе и деревне, базирующейся на отечественном и иностранном капитале. За период 1981—1985 гг. число частных фирм в Польше увеличилось с 330 тыс. до 480 тыс. Среди них насчитывается несколько сот иностранных мелких предприятий¹.

Частная собственность в городах была сосредоточена в это время в сфере мелкого производства и услуг, где имелись также государственные и кооперативные предприятия. В 1986 г. в кооперативном секторе наблюдалось падение числа занятых, так как средняя зарплата была на этих предприятиях примерно на 22% ниже, чем в промышленности. Она была ниже и по сравнению с заработками в частном секторе.

На этом фоне намного лучше выглядит частное ремесленное производство, где число занятых увеличилось на 64 тыс. человек, появились примерно 14 тыс. новых мастерских. В 1986 г. впервые на одну мастерскую приходилось более 2 наемных рабочих². Это свидетельствовало о концентрации ремесленного производства, об увеличении размеров действующих мастерских.

В сельском хозяйстве Польши имело место социальное расслоение крестьянства, что демонстрирует ниже приведенная таблица:

Таблица

Доля различных групп крестьянских хозяйств в их общем числе, %

Год	Размер хозяйства				
	до 2 га	2—5 га	5—7 га	7—10 га	более 10 га
1950	4,8	20,1	17,1	25,0	33,1
1984	6,1	17,1	13,1	19,4	44,1

Как следует из этих данных, увеличивается доля самых мелких и самых крупных хозяйств за счет средних. Хозяйства размером более 10 га достигают значительного роста производительности труда. Одновременно происходит постоянное падение числа таких форм кооперации, как объединения индивидуальных крестьян. В 1980 г. их было 2,4 тыс., в 1985 г.— только 1197³. При этом следует отметить, что именно объединения индивидуальных крестьян достигают наивысшего уровня производства продукции с каждого гектара сельскохозяйственных угодий. Он в восемь раз выше среднего в индивидуальном секторе. Объединения опираются на кооперацию труда владельцев различных индивидуальных хозяйств, которые таким путем приобщаются к совместному пользованию средствами производства и, хотя и в небольшой степени,— к коллективной деятельности. Такая простая форма

кооперирования больше отвечает задачам постепенного обобществления сельскохозяйственного производства возможной перестройки отношений собственности, чем крупные семейные фермы, существующие в польской деревне.

Представляют интерес изменения, произошедшие в 80-е годы в структуре занятости. В целом за 1982—1984 гг. занятость в стране удерживалась почти на неизменном уровне: в 1982 г.—16,995 млн, в 1984 г.—16,998 млн человек. Число работающих в общественном секторе соответственно составило 12,18 млн и 12,19 млн, т. е. также почти не выросло. Примерно 30% самодеятельного населения было занято в необобществленном секторе народного хозяйства.

В сельском хозяйстве в этот период наблюдалось некоторое сокращение занятости, что объясняется непрерывным процессом расслоения крестьянства, а также механизацией части индивидуальных хозяйств. В 1982 г. число занятых в этой отрасли составляло 4,11 млн, в 1984 г.—3,95 млн. В то же время увеличилось число занятых в необобществленном секторе экономики в городе: в 1981—645,5 тыс., в 1982 г.—698,5 тыс., в 1983 г.—773,1 тыс., в 1984 г.—857,4 тыс.⁴ Разумеется, эти изменения в структуре занятости повлекли за собой и изменения в классовой структуре, а также в общественном статусе различных классов и слоев.

Основным и непрерывным результатом развития частной собственности является расширение необобществленной сферы распределения, т. е. сферы, не базирующейся целиком и полностью на критерии труда. Частная капиталистическая собственность потому так и называется, что она приносит владельцу доход, превышающий вознаграждение за труд. Если бы было иначе, владелец отказался бы от частного предпринимательства (хозяйства) и стал бы трудиться в обобществленном секторе экономики. Расширение сферы необобществленного распределения подтверждается статистическими материалами. Следует обратить внимание на то, что данное явление имеет две стороны. Не только расширяется радиус действия капиталистического принципа распределения, но и нарастает разрыв между уровнем вознаграждения за труд в обобществленном секторе и в необобществленном, где также трудятся наемные рабочие, а не только сами владельцы средств производства. «Обращает на себя внимание,— пишет экономист А. Шаблевский,— значительное сниже-

ние доли вознаграждения за труд в общих денежных доходах населения с 50,8% в 1981 г. до 42,1% в 1985 г. В то же время имеет место существенный рост доли денежных доходов в необобществленном внеаграрном секторе экономики с 1,8% в 1981 г. до 5,9% в 1985 г.³ Таким образом, происходит вторичное, не контролируемое государством распределение части национального дохода в ущерб занятых в обобществленном секторе, т. е. в ущерб большинству польского рабочего класса. Существует разделение рабочего класса на небольшую группу занятых в необобществленном секторе со своими отдельными интересами и особым способом мышления и подавляющую его часть, действующую в общественном секторе.

Согласно информации правительенного бюро печати, в 1985 г. зарплата по стране возросла на 21% по сравнению с запланированными 13,3%, а доходы в необобществленном секторе увеличились на 43,2% вместо 23,8%.

Большая разница между заработной платой в обобществленном и доходами в необобществленном секторах, в том числе в специализированных семейных хозяйствах, углублялась в последнее время из-за рыночной несбалансированности и свободного формирования цен на товары и услуги в необобществленном секторе. Причем расхождения касаются не только отдельных предприятий или частных хозяйств. Исследователи, сравнивая условия жизни в Польше и в Венгрии, пришли к выводу, что если речь идет о мелких производителях вне сферы сельского хозяйства, то «в Польше представители этой общественной категории припадлежат к весьма состоятельным, а с точки зрения личного дохода, несомненно, опережают представителей всех других социальных слоев; в то время как в Венгрии материальный статус мелких производителей находится в пределах среднего уровня». Если же речь идет о крестьянах-единоличниках в Польше, то превышение их доходов (только потребительских) над заработками рабочих значительнее, чем в Венгрии⁷.

«Ножницы» в доходах формируют в обществе стремления к уравниловке как на уровне отдельных хозяйств, так и в общегосударственном масштабе. В связи с этим возникало также сильное движение различных социальных слоев в пользу увеличения социальных доплат. Денежные доходы населения, полученные как социальные доплаты, возросли в 1984 г. на 17,3%, в 1985 г.— на 13,2, а в 1986 г.— на 23,9%⁸.

Следует учитывать, что даже самая успешная социальная политика не в состоянии эффективно противодействовать формированию структуры распределения доходов, обусловленной реальными производственными отношениями. Она может смягчить определенные общественные проблемы, но не может их разрешить.

Исследования средних размеров доходов на одного человека в индивидуальных хозяйствах носят классический классово-групповой характер. При уровне доходов интеллигенции, принятом за 100, в 1982 г. картина выглядела следующим образом⁹:

Владелец частной собственности	-	122
Крестьянин	-	100
Интеллигент	-	100
Крестьянин-рабочий	-	98
Рабочий	-	87

Можно предположить, что сегодня в результате показанных выше тенденций в динамике доходов картина складывается более неблагоприятно для рабочих и интеллигенции, чем для владельцев частной собственности в городе, а также для крестьян.

Рассмотрение процесса изменения материального положения различных классов и слоев в Польше показывает, что «отдельные общественные категории выделяются прежде всего возможностью оказаться на определенном уровне доходов. Относительно высокой является вероятность низких доходов на одного человека у рабочих, одновременно у их семей крайне незначительны шансы стать состоятельными»¹⁰. Что касается частных производителей, здесь положение дел прямо противоположное. Таковы результаты исследований экономической действительности в Польше в середине 80-х годов.

Возникает вопрос, какова субъективная оценка отдельными общественными группами своего материального положения. Наиболее значительное улучшение материального положения за длительный период времени почувствовали крестьяне и мелкие производители вне сельского хозяйства. Мало улучшилось материальное положения рабочих и интеллигенции. Годы кризиса негативно отразились на уровне жизни работающих в обобществленном хозяйстве. «Представляется, — считают современные экономисты, — что полученные сведения позволяют дать лишь общую оценку материального благосостояния различных социальных слоев и групп польского

общества»¹¹. Субъективно воспроизведенная картина изменения их материального положения отвечает действительности.

В проведенном анализе автором было использовано традиционное для учёных-марксистов деление общества, исходя из форм собственности. Однако только таким делением не исчерпывается вся сложность классово-групповой структуры общества даже только с точки зрения доходов. Наблюдается новое явление, а именно «рост особой классоподобной структуры (прослойки.—Ред.) на стыке мелкокапиталистического сектора и обюрократившейся, оторванной от рабочего класса части управленческого аппарата, хозяйственников, представителей некоторых интеллигентных профессий»¹². К их числу можно отнести также работников сферы снабжения и торговли. Точки соприкосновения обеих форм собственности, частной и общественной, находятся чаще всего там, где подчинение общественного интереса частному происходит нелегальным путем¹³. Таким образом, в обществе возникают группы, формально не владеющие частной собственностью. Фактически же вследствие общих экономических интересов с предпринимателями представители этих групп заинтересованы в развитии частной инициативы и в этом смысле связаны с частной собственностью.

Вместе с укреплением экономических позиций тех слоев, которые располагают частной собственностью, а также группы, связанных с ними, происходит возрастание ее ценности в сфере сознания. Одновременно уже на начальной стадии кризиса были поставлены под сомнение ценности социализма как общественного строя и сам смысл построения его в Польше. Высокие доходы в частном секторе укрепляют в массовом сознании поляков аргументы в пользу превосходства частной собственности и политической системы, базирующейся на ней, над собственностью общественной. Распространено убеждение, что после преобразования общественной собственности в частную все будут хорошо зарабатывать, улучшится и положение рабочего класса.

Развитие частной собственности и более выгодное экономическое положение класса собственников поддерживает обозначившуюся в 70-е годы тенденцию к изменениям в системе ценностей. Уже тогда получили распространение в массовом сознании лозунги, характерные для буржуазного общества потребления. Была ослаблена система мотивации, ориентированная на «быть», представ-

ляемая рабочим классом и передовой интеллигенцией, за счет идеологии, определяемой словом «иметь», носителем которой выступали крестьянство и мелкая городская буржуазия. Для последних «собственность является почти что исключительным источником престижа и статуса»¹⁴. Сегодня «позиция „иметь“ доминирует в обществе. Ее сторонники, почти открыто пропагандируют свои ценности»¹⁵. Интеллигенция в Польше перестала быть образцовым созидающим слоем.

Другим изменением в системе ценностей является возрастание индивидуализма и конкуренции, четко проявившееся к середине 80-х годов. Естественно, что все эти изменения связаны со многими факторами. Развитие частной собственности и общественно-экономическое усиление классов — ее носителей — это только один из них. К таким же факторам следует отнести нестабильность экономического положения, постоянное снижение доли потребления из общественных фондов, реформу экономики в направлении «здравой конкуренции» и т. д.

Неблагоприятной тенденцией в развитии польской экономики является значительная текучесть кадров. «В начале восьмидесятых годов появился новый источник текучести, а именно уход с работы в обобществленном секторе»¹⁶. Оказалось, что необобществленный сектор более привлекателен с точки зрения оплаты труда. Его конкурентоспособность по сравнению с обобществленным повышает также и тот факт, что оба эти сектора используют дешевый малоквалифицированный труд. Однако есть и другая сфера конкуренции. Речь идет о молодежи, оканчивающей высшие учебные заведения. Заработки выпускников вследствие весьма неблагоприятных соотношений в оплате простого и сложного труда в обобществленном секторе экономики относительно низкие. Поэтому они или сами стремятся начать частную деятельность, или ищут работу в частных фирмах — отечественных или смешанных (основанных на заграничном капитале), не желая связывать свое будущее с общественным сектором. Наблюдая такое явление, один из польских авторов спрашивливо утверждает, что этот процесс «питает частный сектор талантливыми людьми, которые не нашли своего места в обобществленной промышленности»¹⁷.

Повышение общественного и экономического статуса крестьянства и мелкой городской буржуазии происходит в условиях весьма неблагоприятных для обобществленного сектора (низкая производительность труда и слабое

его стимулирование, возрастающее разделение внутри рабочего класса, неадекватность заработной платы работников частного и общественного сектора, серьезные нарушения распределения по труду) и всего народного хозяйства страны (общественно-экономический кризис, инфляция, несбалансированность экономики, неоднозначная оценка реформы в обществе, трудности ее внедрения).

Развитие частного сектора, по мнению его сторонников, обеспечит рост национального дохода, восстановит равновесие экономики, будет способствовать внедрению новых технологий и т. д. В данной работе положительные стороны развития частного сектора не рассматривались, хотя, несомненно, они есть. Каков будет баланс позитивных и негативных итогов проводимой политики в отношении разных форм собственности и различных классов для экономики Польши и общественных социально-экономических отношений покажет будущее.

¹ *Zycie Warszawy*. 1986. 23. XII.

² «Подобные результаты,— говорил министр внутренней торговли и услуг,— разумеется, не случайны. Они подтверждают стабильную политику центральных и территориальных органов в отношении этого сектора экономики» (*Kurier Polski*. 1987. 10—12.VI).

³ *Rocznik statystyczny GUS*. 1985. S. 55.

⁴ *Ibid.*

⁵ *Szablewski A.* Pieniądz w drugim obiegu // *Bank i kredyt*. 1986. N 7—9.

⁶ *Zycie Warszawy*. 1987. 7—8.III.

⁷ *Beskid L., Bokar A., Kolosi F.* Deprawacja materialnych warunków życia w Polsce i na Węgrzech // *Studia socjologiczne*. 1986. N 3. S. 137.

⁸ Informacja biura prasowego Rządu // *Zycie Warszawy*. 1987. 7—8.III.

⁹ *Beskid L., Milić-Czerniak R., Misiuna M., Sikorska J., Sufin Z.* Warunki życia i potrzeby społeczeństwa polskiego // *Wektory*. 1985. N 12. S. 44.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Beskid L., Bokar A., Kolosi F.* Deprawacja... S. 152.

¹² Sprzeczności i konflikty społeczne. W-wa, 1983. S. 9.

¹³ В 1983 г. органы общественного порядка возбудили 5 тыс. уголовных и уголовно-финансовых дел в отношении лиц, занимающихся деятельностью с целью личного обогащения. В 1986 г. их было уже 15 тыс. // *Zycie Warszawy*. 1986. 23.XII.

¹⁴ *Wasilewski J.* Społeczeństwo polskie, społeczeństwo chłopskie // *Studia socjalogiczne*. 1986. N 3.

¹⁵ *Ibid.*

¹⁶ *Czajka St.* Dlaczego Polak zmienia pracę // *Wektory*. 1986. N 6. S. 11.

¹⁷ *Dejnarowicz Cz.* A jednak być // *Wektory*. 1985. N 5. S. 60.

О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СКЛАДЫВАНИЯ ДИРЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 50-Е ГОДЫ

Л. Калинова

В истории каждого народа наступает период, когда в обществе возникает острая потребность проанализировать свое прошлое, чтобы понять, что же в нем необходимо и вместе с тем закономерно, а что в необходимом было временно, преходящее? В чем выражался пафос времени, а что осталось навсегда прозрачной иллюзией?

Предметом повторного изучения с высоты новых этапов развития, как правило, становится время перехода от одной эпохи к другой. При этом речь отнюдь не идет о том, чтобы вносить в прошлое современные взгляды. Напротив, задача исследователя скорее сводится к тому, чтобы через временную дистанцию правильно понять историческую тенденцию, выделив ее из побочных явлений и иллюзий.

Опыт свидетельствует, что на каждом переломном этапе ход событий определяется множеством факторов. Среди них сильнее, чем другие, оказывают влияние социальные силы — устремления, интересы и надежды людей. В истории Чехословакии, как и группы других стран Восточной Европы таким переломным этапом в общественном развитии стали послевоенные революционные годы, когда речь шла о поисках нового места в мире, о поисках новых движущих сил развития.

По послевоенной Чехословакии создано много научных исследований, в которых рассматриваются экономические и политические перемены, отношения и борьба политических сил, партий, движений. Эта статья не ставит своей целью дать оценку имеющихся работ. Она скорее является размышлением над последствиями тех социальных перемен, которые явились составной частью общих экономических и политических преобразований, ибо именно они оказывали долговременное воздействие на общую организацию общества.

В первые годы после второй мировой войны в Чехословакии произошли весьма существенные изменения социальной структуры общества. По своим масштабам и динамике они не имели аналогов ни в прошлом, ни на последующих этапах исторического развития страны.

Часть этих изменений, безусловно, была связана с массовой послевоенной миграцией населения, с преодолением последствий войны и оккупации. Но с ними переплетались, оказывая влияние на социальную структуру общества, результаты революционных преобразований, таких, например, как аграрная реформа, национализация и т. п. Материалы сравнительного анализа свидетельствуют, что основные направления послевоенных структурных изменений во всех европейских народно-демократических государствах были идентичны, но их глубина, темпы существенно различались. Причину этого нужно видеть прежде всего в различном уровне развития каждой страны, в различной социальной структуре населения.

Чехословакия, как известно, еще накануне второй мировой войны как по количеству и структуре рабочего класса, так и по структуре сельского населения, буржуазии, мелкой буржуазии, интеллигенции припадлежала к развитым промышленным странам. Доля населения, занятого в сельском хозяйстве, до войны составляла неполных 35%, тогда как в остальных странах (кроме Германии) 60–80%. Из общего числа активно занятых в народном хозяйстве по переписям 1921 и 1930 гг. 58% составляли рабочие. Из них наиболее крупной была группа промышленных рабочих – 54%, на долю сельскохозяйственных рабочих приходилось 20%. Около 12% составляли рабочие, занятые на транспорте и в торговле.

Уже в первые послевоенные годы – 1945–1947 – были осуществлены далеко идущие революционные перемены, существенно изменившие политическую и социально-экономическую структуры общества.

В результате аграрной реформы в стране увеличилось количество мелких крестьян, а в процессе национализации были ликвидированы политические и экономические позиции крупного капитала и средней буржуазии. (Их доля среди населения до войны составляла приблизительно 4%).

В Чехословакии весьма развитым было ремесленное производство. В 1948 г. в 173 тыс. частных ремесленных

мастерских работали около 458 тыс. человек. С 1949 г. число занятых в ремесле стало резко падать. В 1956 г. осталось всего только 47 тыс., а в 1960 г.— 6,5 тыс. ремесленных мастерских. Как правило, в них работал лишь сам хозяин. Подавляющая часть мелких ремесленников, работников и учеников из ремесла перешла в промышленность.

Более сложным и длительным процессом была коллективизация сельского хозяйства, которая повлекла за собой глубокие перемены, оказавшие сильное воздействие на социальную структуру населения. Они сказалась на судьбах людей, коренным образом переменив условия их жизни и труда. Речь шла не только о том, что крестьянин, вступив в кооператив, менял свое социально-экономическое положение, но и о том, что в процессе коллективизации произошел массовый отлив рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность и строительство. За 10 лет — с 1950 по 1960 г.— число занятых в сельском хозяйстве уменьшилось на 30%. Этот же процесс, только более замедленными темпами продолжался и в 60-е годы.

Коллективизация сельского хозяйства вместе с сокращением занятых в земледелии и ремесле в целом затронула 20% населения. В течение исторически короткого времени они изменили свой социальный статус, зачастую и характер труда, место проживания и образ жизни: большая часть мелких производителей города и деревни также пополнила ряды рабочего класса. Эти сдвиги в социальной структуре, отмеченные в общих чертах, весьма ощутимо повлияли на самую большую часть населения страны — рабочих и служащих. Материалы о передвижении населения из одной социальной группы в другую дают, естественно, лишь весьма приблизительную картину о действительных процессах и переменах внутри самих классов и социальных групп.

А между тем для понимания развития общества чрезвычайно большое значение приобретает знание процессов, происходивших внутри отдельных классов и социальных групп и особенно внутри рабочего класса. Именно внутренние процессы, внутренние перемены определяли его отношение к остальным слоям общества, в первую очередь к интеллигенции, оказывали влияние на формирование системы управления и структуру хозяйственного аппарата.

Поэтому историческое изучение развития рабочего класса в Чехословакии нельзя ограничить только анали-

зом одностороннего движения, т. е. ацаплом роста его рядов и изменения структуры в связи с пополнением людьми из других социальных слоев.

Весьма существенное значение имела и другая сторона этого процесса — переход рабочих из производства в систему управления, в хозяйственный аппарат, что являлось на рубеже 40—50-х годов важнейшим компонентом общественных перемен и оказывало сильное влияние на состав самого рабочего класса.

Характерной чертой и главным фактором общих социальных сдвигов в чехословацком обществе, особенно после 1948 г., была растущая занятость в промышленности, особенно среди промышленных рабочих. Их доля повышалась за счет остальных социальных групп, прежде всего мелких производителей, а также и за счет некоторых категорий работающих по найму, особенно в сельском хозяйстве и в сфере обслуживания. Число рабочих в промышленности увеличилось на 38%, а их доля (включая строительных рабочих) в общем количестве рабочих, занятых в народном хозяйстве, возросла с 65% до 68%¹.

Одновременно с этим ростом осуществлялись перемещения рабочей силы внутри промышленности, между отраслями народного хозяйства. Происходили перемещения по регионам страны. Темпы прироста численности рабочих в отраслях тяжелой промышленности превысили темпы роста промышленного отряда рабочего класса, что потребовало значительных перемещений трудовых ресурсов между отдельными отраслями. В тяжелую промышленность переходили мужчины из отраслей легкой промышленности, на их места приходили женщины и работницы, занятые в других отраслях, а также из других социальных групп.

Самым большим источником рабочей силы для промышленности стали сельское хозяйство и частное производство в городе, а также не работавшие ранее женщины. Естественный же прирост рабочей силы был незначительный, и его хватило лишь на то, чтобы компенсировать естественную убыль. Из сельского хозяйства в годы первой пятилетки (1949—1953 гг.) перешло в промышленность около 150 тыс. человек (в строительство 100 тыс.). Приблизительно столько же перешло в промышленность из ремесла. Из 280 тыс. женщин, впервые пришедших на производство, — 180 тыс. стало работать в промышленности, из них 100 тыс. в качестве рабочих.

Указанный рост числа занятых в промышленности отнюдь не означал абсолютного увеличения числа промышленных рабочих. Необходимо было компенсировать обратный процесс — переход части промышленных рабочих в другие социальные категории. Косвенные источники дают основания сделать вывод, что в 1948—1953 гг. из рядов рабочих в другие социальные категории перешло около 200—250 тыс. человек.

В целом приход новых рабочих в промышленность и строительство составил около 1/2 млн человек, т. е. около одной четверти их общего числа.

Прилив новых рабочих имел весьма существенное влияние на общую структуру рабочего класса: снизилась доля квалифицированных рабочих и рабочих с большим производственным стажем, что сказалось на устойчивости рабочих коллективов, их политической структуре и общественной активности.

Высокая социальная мобильность внутри рабочего класса не могла не воздействовать на структуру других классов и социальных групп, в которых происходило обратное перемещение. Такое движение в двух противоположных направлениях оказывало непосредственное влияние на процесс складывания корпуса работников административного управленческого и хозяйственного аппарата. Этот процесс изменения аппарата являлся важным компонентом происходивших в стране общественных преобразований, осуществление которых заняло весьма короткий срок. Взаимосвязанность рассматриваемых процессов с развитием преобразований на долгое время определили и структуру и характер управленческого аппарата.

Перестройка управленческого аппарата занимала важное место в послевоенных преобразованиях. Его функции и кадровый корпус с мая 1945 г. стали меняться в соответствии с политическими перестановками в обществе.

Что касается хозяйственного аппарата, он должен был по уровню квалификации управленцев отвечать своему месту в общественном разделении труда. Относительно зрелое и сложное производство, которое все больше требовало модернизации, было невозможно без технически и экономически квалифицированного аппарата.

Предшествующее развитие общественной структуры страны и ход чехословацкой революции создавали предпосылки, чтобы эта сложная задача была решена без больших затрат.

Позитивными факторами следует, безусловно, считать то, что рабочий класс Чехословакии в отличие от рабочего класса других стран народной демократии был более образован, располагал более высоким культурным и технически профессиональным уровнем подготовки, имел сложившиеся демократические традиции и в силу этого мог активно участвовать в управлении обществом. Но при всех указанных позитивах следует все же иметь в виду, что рабочий класс Чехословакии тем не менее не располагал теми профессиональными знаниями и опытом, которые были необходимы, чтобы взять на себя профессиональное управление общественными процессами.

Была ли в этом нужда у рабочего класса Чехословакии?

Знания и опыт, которые чехословацкая интеллигенция приобрела в условиях капитализма, можно было использовать в значительно большей степени, чем после революции в Советской России. С этой точки зрения в Чехословакии ситуация была иной. Социальное происхождение интеллигенции, ее демократизм, опыт периода кризиса 1929—1933 гг. и оккупации оказали бесспорное влияние на ее в целом позитивное отношение к пародной демократии.

С 1945 г. она в подавляющем большинстве активно участвовала в реализации национально-демократической революции и во многих мероприятиях, вытекавших из программы этой революции.

Конечно, позиции отдельных групп интеллигенции существенно различались. На выборах 1946 г. КПЧ получила относительно меньше голосов чиновников, чем голосов творческой и технической интеллигенции, среди которой она пользовалась большими симпатиями. Часть же технической интеллигенции занимала колеблющиеся позиции в связи с итогами некоторых акций, проведенных в 1945. Тенденции к нивелировке доходов, сужение или же признание ряда привилегий и за другими категориями трудающихся (например, в области социального страхования), падение общественного престижа умственного труда и некоторые проявления недоверия со стороны рабочего класса по отношению к интеллигенции приводили к определенной нестабильности настроений в ее среде. Часть проведенных после февраля 1948 г. мероприятий вызвала в некоторых кругах технической интеллигенции опасения. Можно сказать, что процесс завоевания технической интеллигенции на сторону компартии в то время был

еще не завершен. От форм и методов дальнейшего руководства КПЧ обществом во многом зависело, насколько будут использованы интеллектуальный потенциал и инициатива интеллигенции. Тем не менее при решении проблемы формирования кадрового корпуса хозяйственных органов можно было исходить из в целом благоприятных условий. Руководство партии в этот период предостерегало от «подчинения всем настроениям масс», отмечая, что местные партийные организации «должны убеждать рабочих не допускать излишних перегибов»². В ряде случаев руководство партии вынуждено было корректировать настроения рабочих, выражавших определенное недоверие к интеллигенции.

В целом можно сказать, что в предфевральский период и непосредственно после февраля, т. е. в то время, когда в общественной дифференциации главную роль играл политический фактор, руководство КПЧ в целом оценивало интеллигенцию по политическим критериям, по ее отношению к народной демократии. Но все же уже и в этот период при подборе кадров на руководящие должности в народном хозяйстве зачастую предпочтение отдавалось не профессиональным знаниям, а партийной принадлежности. Позднее определяющим стал исключительно критерий «классовой принадлежности».

Проблема отношения к специалистам в экономической области и к интеллигенции вообще в новом обличии выступает летом и осенью 1948 г., в период формирования линии на форсирование темпов построения социализма, линии, которая в значительной мере стала складываться под влиянием резолюции Коминформбюро, опубликованной 1 июля 1948 г. В Чехословакии, где проводимая до этого политика была признана в принципе правильной, идеологическая кампания по выражению отношения к указанной резолюции сосредоточилась, прежде всего, на пропаганде тезиса обострения классовой борьбы, с которым было связано и решение проблемы мелкотоварного производства и углубление ведущей роли рабочего класса.

Подчеркивание ведущей роли рабочего класса было в принципе правильно. Другой вопрос, как понималось осуществление этого принципа. Имеется много доказательств, что постепенно представление о нем упростилось столь сильно, что стало сводиться исключительно к занятию государственных и народнохозяйственных должностей в аппарате управления исключительно рабочими. Но при

этом не был поставлен вопрос, кого же можно считать принадлежащим к рабочему классу? Когда же впоследствии его поставили, ответ на него уже не способствовал углубленному решению проблемы. На практике содержание понятия «рабочий класс» рассматривалось как синоним «работающего руками». Бессспорно, в общеисторическом развитии капитализма абсолютное большинство «работающих руками» припадлежало к рабочему классу и составляло его главную, основную часть. Однако этим признаком содержание марксистского понимания рабочего класса никогда не исчерпывалось.

При анализе вопроса о необходимости усиления прямого влияния рабочих в управлении аппарате и его практического решения надо исходить из учета еще одного обстоятельства.

Получившие распространение суждения о том, что верить можно только рабочим, отвечали прежде всего идеям и настроениям политически наименее зрелой части рабочего класса. На этот счет имеется достаточно много свидетельств, как прямых (писем, резолюций, дискуссий в печати), так и косвенных (выступлений руководящих деятелей партии и государства). Эти документы являлись реакцией на указанные суждения, они содержали критику такого рода суждений и их определенную, весьма существенную коррекцию. Однако эти стихийные взгляды имели свои объективные корни в общественных переменах в целом, в настроениях наименее обеспеченных категорий рабочих и других социальных групп трудящихся. Их представления о социализме сводились только к разрешению проблемы неравноправных классовых отношений, т. е. к конфискации и «справедливому» распределению, и были связаны с иллюзиями о миссии и возможностях указанных слоев. Такие представления таили в себе опасность весьма одностороннего понимания развития общества только в направлении уравнительности. В предфевральский период борьбы за власть под давлением таких взглядов произошла значительная социальная нивелировка положения различных социальных слоев.

Абсолютизация классовых противоречий приобретала в связи с международной ситуацией черты сектантства. В качестве единственной силы, способной решить новые задачи, рассматривался теперь понимаемый весьма суженно рабочий класс.

После февраля 1948 г. почва для представлений, что рабочий класс сам может осуществлять свою власть, без-

условно, расширилась. Новых условий было достаточно, чтобы рассмотренные выше взгляды, не получая соответствующей коррекции, стали укрепляться в сознании значительной части рабочего класса. Многие мероприятия, реализованные в тот период, несли на себе печать складывавшейся эгалитаристской политики. Важным компонентом в подходе к решению экономических процессов стала реорганизация системы народнохозайственного управления. Ликвидация прежних народнохозайственных комиссий и создание (в системе партийных органов.—*Примеч. переводчика*) отделов промышленности торговли и финансов аргументировалось тем, что «народнохозайственные комиссии решали проблемы нашего народного хозяйства чисто профессионально и недостаточно политически. Это должны делать не профессионалы, а партийные работники»³. Положение, сложившееся в конце 1948 г., когда среди руководителей предприятий было 28% бывших рабочих, подверглось серьезной критике из-за недостаточного выдвижения рабочих кадров.

При формировании линии ЦК КПЧ осенью 1948 г. и при реализации конкретных мероприятий речь шла не о более глубоком теоретическом осмыслении ведущей роли рабочего класса исходя из характера власти, а о соответствии политики партии непосредственным настроениям в стране. Эти настроения определялись существовавшими в обществе конкретными представлениями о социализме, интерпретациями и откликами на революцию Коминформбюро в других восточноевропейских странах. Последняя, как известно, абсолютизировала тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму.

Только постепенно некоторые мероприятия стали приводиться в соответствие с существовавшим тогда понятием диктатуры пролетариата. Идея ее существования в народно-демократических странах была сформулирована Г. Димитровым в декабре 1948 г.⁴

В первые послевоенные годы широкое распространение имела точка зрения, сформулированная в 1946 г. Сталиным, о том, что в народно-демократических государствах речь идет собственно о пути к социализму без диктатуры пролетариата*. Такое понимание как бы общего совмест-

* В Чехословакии была широко известна беседа И. В. Сталина с К. Готвальдом, состоявшаяся в июле 1946 г., в которой Сталин сформулировал положение о возможности разных путей к социализму. Как докладывал на заседании ЦК КПЧ в сентябре 1946 г. К. Готвальд, Сталин говорил, что не существует

но с другими классами и социальными группами движения к социализму не рассматривалось еще как основа собственно диктатуры пролетариата, но здесь уже содержался подход к более поздней догматической интерпретации диктатуры пролетариата. Постепенно это восприятие диктатуры пролетариата стало связываться только с проблемой носителя власти, что в действительности вело к недооценке ее как средства реализации исторических целей и задач рабочего класса.

Упрощенное понимание диктатуры пролетариата весьма прочно вошло в общественное сознание и привело к негативным последствиям. Оно повлекло за собой недифференцированный подход и недоверие по отношению к остальным социальным слоям общества, что стало серьезным тормозом в деле распространения влияния партии среди интеллигенции и вело к существенному замедлению развития ее активности и инициативы в созидании нового общества. Бессспорно, такое положение оказалось негативное влияние и на дальнейшее развитие самого рабочего класса.

Тогдашние представления о ведущей роли рабочего класса сводились к тому, что для строительства социализма трудящийся народ должен воспитать свою интеллигенцию, происходящую из его среды и с ним связанную классово и идеологически. Решение этой задачи предполагало регуляцию социального состава студентов и одновременно относительно кратковременное обучение новых кадров, которые «после определенной подготовки готовы занять руководящие посты». Как временная мера по воспитанию новой интеллигенции в ноябре 1948 г. было принято решение об организации курсов подготовки в высшую школу для молодых рабочих, были созданы центральные рабочие школы и введены другие формы обучения.

Пока линия IX съезда КПЧ понималась так: у рабочих, которые занимают или должны занять руководящие посты, необходимо развивать такие качества, как квалифицированность, способность руководить вверенным уча-

---

только одного пути к социализму через Советы и диктатуру пролетариата. При определенных условиях может быть и иной путь, возможен специфический путь к социализму, который не должен обязательно вести через советскую систему, через диктатуру пролетариата (примеч. переводчика). См.: Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989. С. 104.

стком со знанием дела, требовательность и критическое отношение к себе и другим. Эта линия способствовала усилению прямого влияния рабочих в руководящих органах и развитию указанных качеств рабочего класса, которые рассматривались в новых условиях как необходимые.

В начальный период задаче «дать рабочим подготовку» для выполнения руководящих функций уделялось большое внимание. Уже в конце 1948 г. начали работу школы и курсы. В 1949 г. при министерствах и центральных учреждениях функционировала 51 рабочая школа, начали работу первые рабочие курсы, на которых было подготовлено для поступления в высшую школу около 1 тыс. молодых людей.

Несмотря на относительно широкий размах, созданные курсы не могли, однако, быть главным источником пополнения управленческого аппарата.

Постепенно набирала силу и получала все более широкое распространение практика прямого перевода рабочих с производства (без какой-либо подготовки) в управленческий аппарат на руководящие должности. В такой обстановке при подборе кадров для управленческого аппарата предприятий и министерств был невозможен тщательный подбор кандидатур, особенно если руководство завода и партийные организации препятствовали ставшему частым переходу рабочих с производства в аппарат управления. Часть рабочих, особенно квалифицированных, которые в результате такого перехода несли материальные убытки, также противилась этому. У некоторых были опасения, что они не справятся с новыми задачами. В такой ситуации далеко не всегда удавалось учитывать способности и возможности дальнейшего роста у выдвигаемых на руководящую работу рабочих. Часть из них, действительно, не справилась с новыми функциями и вернулась на производство. Об этом свидетельствует, в частности, и чрезвычайно высокая текучесть руководящих кадров в рассматриваемые годы. Тем не менее постепенно обучение кадров и прямой подбор рабочих на руководящие должности принял массовый характер и были существенно формализованы. Классовый подход настолько абсолютизировался, что становился главным, если не единственным критерием в подборе людей.

Прежняя дифференциация кадров на основе их отношения к социализму, партийной принадлежности и т. п. постепенно стала считаться недостаточной. Понятие «ра-

бочее происхождение» стало отождествляться с понятиями «классовая сознательность», «классовая роль», и не принимались во внимание такие весьма важные реальности, как то, что рабочий класс состоит из различных отрядов, с различной степенью политической зрелости, что за идеи и интересы рабочего класса могут — и это было всегда в рабочем движении — бороться также и лучшие представители других социальных слоев.

Частичная критика рассмотренных выше взглядов и практики была проведена во второй половине 1953 г. В ходе дискуссии на заседании ЦК КПЧ в декабре 1953 г. были прямо указаны факты сектантства, подвергнуты критике имевшие место в отношении интеллигенции «проявление неуважения и игнорирование образования», «отождествление интеллигенции с буржуазией и зачисление ее в единую реакционную массу». Осуждалась уравниловка, связанныя с недооценкой образования, и намечены меры по ее преодолению. Постепенно был проведен и учет кадров. Однако итоги этого заседания и предложенные меры не могли изменить в сознании рабочих сложившегося за последние годы отношения к интеллигенции. Изменения не могли быть результатом одноразовых или половинчатых мероприятий. Они требовали глубокой критики существовавшего подхода к вопросу об отношениях с интеллигенцией. Об этом свидетельствуют и трудности, с которыми встретилась реализация мероприятий по преодолению уравниловки в последующий период.

В связи с усилением прямой роли рабочих в системе управления встает вопрос, насколько этот процесс способствовал изменению положения рабочего класса в обществе в целом. Несмотря на бесспорное увеличение его влияния, положение класса определяется местом в общественном разделении труда. Здесь же не произошло и не могло произойти принципиальных изменений. Переход части рабочих с производства в систему управления и перемена их профессионального статуса повысили удельный вес группы бывших рабочих в системе власти и в управлении общественными процессами. Несмотря на значительные масштабы такого перехода, большая часть рабочих осталась в роли управляемых, причем глубина вовлеченности между управляемыми и управляющими в результате введения директивной централизованной системы руководства увеличилась. Сама возможность внутривозрастной социальной мобильности рабочих оказалась временной. Несмотря на значительную текучесть кадров,

по прошествии нескольких лет в политической линии партии возобладала тенденция к стабилизации проведенных перемен и к ограничению мобильности последующих генераций рабочего класса.

Переход части рабочих в иные категории трудящихся оказал влияние на дальнейшее развитие рабочего класса. Одним из весьма ощутимых результатов обоих направлений движения: прихода новых людей в ряды рабочего класса и перехода части рабочих в другие социальные категории — стало ухудшение квалификационной структуры рабочего класса. Это обстоятельство проявилось, кроме всего прочего, в области трудовой дисциплины, высокой текучести кадров, в постепенном снижении технического развития и уменьшении роста производительности труда. В условиях усилившимся экстенсивных факторов развития, когда количественный рост достигался включением прежде всего новых отрядов рабочих в производственный процесс, проблема квалификации рабочих не опущалась столь сильно. Между тем речь шла о негативных тенденциях, которые оказывали долговременное воздействие на квалификационную структуру рабочих.

Экономические факторы, безусловно, не являются единственным показателем изменения положения рабочих в обществе. Однако и политическое положение рабочего класса не должно было принципиально измениться в результате перехода части его представителей на руководящие должности. Не меньшее значение имеет общественная активность рабочих, возможность их квалифицированного участия в решении общественных проблем. Однако административная система и существовавшие представления, что единственным средством повышения роли рабочего класса в обществе является прямое участие его представителей в деятельности государственного и народнохозяйственного аппарата управления вели фактически к тому, что не создавались условия для развития активности рабочих как непосредственно на производстве, так и в обществе. Наоборот, в этот период снизилась их организованность, сократилось число членов и удельный вес рабочих с производства в выборных органах партии, профсоюзов, в Национальном собрании и других общественных организациях. В них повысилось и в целом стало преобладать число тех, кто был выходцем из рабочего класса только по происхождению, и снижалось число настоящих рабочих.

Вместе с тем некоторые перемены, связанные с мо-

бильностью рабочих, можно оценить позитивно. В этот период значительная их часть получила такие возможности учиться, каких раньше не имела, из рядов рабочего класса вышел ряд талантливых людей, которые стремились к образованию и с большой настойчивостью овладевали новыми профессиями. Многие рабочие и при недостатке образования стали хорошими организаторами на разных участках экономической и общественной деятельности.

Но нельзя при этом, однако, не видеть, что именно здесь произошли деформации, которые имели серьезные негативные последствия. Преобладание непрофессионалов в управленческом аппарате в период существования административно-директивной системы управления привело к замедлению темпов технического развития, а в конце концов и развития самого рабочего класса, который терпел ущерб от падения темпов модернизации производства. Суженное понимание ведущей роли рабочего класса, которое вело к недооценке, а часто и к пренебрежению образованием, было, бесспорно, отрицательным явлением, особенно в таком обществе, где знание, использование духовного потенциала страны должны были выступать основным источником его развития.

К 1953 г. перераспределение мест в руководящем управленческом аппарате в целом закончилось. Долговременное сохранение низкого уровня квалификации руководящих работников следует отнести к негативным изменениям в структуре управления в годы первой пятилетки. В этот период сформировалась ведущая группа управленческого корпуса, которая по своей квалификации и общему профилю соответствовала требованиям административно-директивной системы управления и которая в немалой степени способствовала достройке и сохранению этой системы и в дальнейшем.

Эта взаимосвязь подтверждалась, в частности, неудачными попытками реформ управления в 1958 г., а также более поздними попытками улучшить квалификационную структуру руководящих работников. Мероприятия, направленные на устранение уравниловки в оплате, не удалось провести в жизнь, кроме всего прочего, и из-за сопротивления части руководящих работников. Речь шла о политически щекотливых проблемах, попытки решения которых зачастую интерпретировались в аппарате управления как атаки на рабочие кадры. В действительности же здесь проявлялось стремление неквалифицированного

управленческого аппарата сохранить директивную систему управления, что находилось в прямом противоречии с объективными потребностями общества. Подобные тенденции проявлялись как рецидивы сектантства, например, в ходе, так называемой классово-политической проверки 1957 г., затронувшей и часть специалистов, которые в предыдущие годы не были отстранены от исполнения своих функций.

Доступные материалы, характеризующие квалификацию технических и управленческих кадров, свидетельствуют, что в середине 50-х годов только 9% руководителей предприятий имели высшее образование и только 60% из них имели среднее образование. Высшее образование имели менее 30% главных инженеров, примерно столько же этих специалистов получили профессиональное среднее образование⁵. Квалификационный уровень сотрудников центральных органов управления был ниже, чем уровень сотрудников подчиненных им организаций.

Сравнение квалификации работников в сфере управления с развитием числа имеющихся специалистов подтверждает, что большое количество работников, имевших низкую квалификацию и занятых в аппарате управления, не было следствием отсутствия квалифицированных специалистов. В Чешских землях, по сравнению с другими развитыми странами, потребности в квалифицированных кадрах могли быть удовлетворены в большей степени. Их число с середины 50-х годов стало увеличиваться и с приходом на производство новых молодых кадров, многие из которых были выходцами из рабочих семей. Но значительная часть специалистов с высшим образованием была занята трудом, не требовавшим специальной квалификации.

Наличие большого числа непрофессионалов среди руководителей, заместителей руководителя и других работников управленческого аппарата было связано с тем, что при их выборе и оценках предпочтение отдавалось не деловым качествам, а политическим характеристикам. Указанная система подбора людей позволяла закреплять ведущие руководящие функции за неквалифицированными работниками.

Возникает вопрос, каковы были причины (кроме уже названной теории об обострении классовой борьбы), приведшие к росту сектантских тенденций в Чехословакии.

Небезынтересно отметить, что сектантское отношение к интеллигенции было сильнее в промышленно развитой

части Чехословакии (в Чешских землях). В Словакии имело место более внимательное отношение к специалистам. Это проявлялось, в частности, и в том, что в Словакии, где в прошлом число технических и экономических специалистов было незначительно, уже с 50-х годов доля лиц с высшим образованием среди работников управления была выше, чем в Чешских землях. Думается, что в последних проявлялась определенная самоуспокоенность как достаточным количеством профессионально подготовленных кадров, так и тем, что более высокая подготовка и производственный опыт рабочего класса могут в данных условиях заменить профессиональные знания специалистов-руководителей.

Анализ изменения структуры рабочего класса до середины 50-х годов показывает, что переход части рабочих в управленческий и народнохозяйственный аппарат не мог принципиально изменить социальное и политическое положение этого класса в обществе. Однако такая социальная мобильность в условиях сужения возможностей для других непрофессиональных форм включения рабочих в создание контрольных органов отрицательно влияла на их участие в принятии решений.

Изменения в составе народнохозяйственного и управленческого аппарата осуществлялись в период формирования иерархической системы управления и ограничения демократических форм управления. В этих условиях те бывшие рабочие, которые при исполнении функций управления получили образование или успешно трудились и без достаточных профессиональных знаний, стали составной частью механизма управления. Здесь, особенно в низшем и среднем звене (где они и были прежде всего заняты), они оставались в положении исполнителей централизованных решений, принимаемых узкой общественной группой.

Массовая замена людей в управленческом аппарате, осуществленная при поддержке и от имени рабочего класса, пришла в противоречие с принципами, во имя которых она проводилась. Снижение профессионального уровня управления, падение престижа образования и квалификации произошли в условиях, когда именно эти факторы становились источниками развития современного общества. Такое положение находилось в противоречии с интересами рабочего класса.

- ¹ Růzvoj československého průmyslu. Pr., 1962. S. 114.
- ² См.: Frejka L. 25. Únor v československém hospodářství. Pr., 1948. S. 8.
- ³ Reorganizace národního hospodářské práce // Funkcionář. 1948. С. 1.
- ⁴ См.: Доклад Г. Димитрова на V съезде БРП(к) // Димитров Г. Съч. С. Т. 14. С. 347.
- ⁵ Materiál státní mzdrové komise z roku 1955 a československá statistika. Praha: Státní statistický úřad, 1961. С. 1.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СТРУКТУРЫ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ КАК ПРОЦЕСС СМЕНЫ ПОКОЛЕНИЙ

Н. В. Коровицына

Социальный облик личности, ее сущность суть совокупность общественных отношений, воплощенных в разнообразных видах ее деятельности. Обратной стороной деятельности является обслуживающий ее социальный опыт, составляющий «мир человека». Опыт субъекта формируется в ходе духовного освоения им действительности. Объем и содержание социального опыта, т. е. уровень культуры, детерминированы положением личности в обществе. Отдельным стадиям его развития соответствуют конкретные внутренне дифференцированные характеристики его социокультурного бытия.

Каждое общество проявляется через определенные этнические общности и существует в виде этносоциального образования¹. Развитие этноса — это развитие его национальной по содержанию культуры. Каждый человек — прежде всего представитель своего этноса и одновременно результат его длительного исторического развития, выраженный в характеристиках этносоциального опыта личности, т. е. в культурных характеристиках.

Совокупность исторически конкретных типов деятельности и сознания народонаселения, составляющего данный этнос, и есть его социально-культурная структура, в основании которой находится типология человеческой личности как целостности всех ее сущностных характеристик.

«Общественная история людей,— утверждал К. Маркс,— есть всегда лишь история их индивидуального развития, сознают ли они это, или нет»². Поэтому изучение процессов трансформации социально-культурной структуры народонаселения во всем многообразии ее параметров дает ключ к пониманию глубинных процессов исторического развития отдельных этносов.

Раскрытие закономерностей естественноисторического процесса воспроизведения народонаселения выходит далеко за пределы изучения традиционной «классовой триа-

© Н. В. Коровицына, 1990

ды» (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция). Сейчас уже явно недостаточно исследование динамики личности как функционально одностороннего процесса изменения ее главным образом «производственных качеств» при полном забвении «качеств общечеловеческих», т. е. демокультурных характеристик, определяемых показателями возраста, пола, семейного положения, места жительства, национальности и др. Национально-своеобразный демокультурный опыт личности в системе социально-демографических отношений имеет решающее значение в создании ее картины мира, в формировании ее мировоззрения. Поэтому «очеловечивание» истории, восстановление ее объективной связи с жизнедеятельностью людей потребует существенного обогащения ее понятийного аппарата прежде всего категориями демографической науки, которая пока существует вне общего контекста социально-исторических исследований.

Социально-демографические группы представляют собой неотъемлемую часть структуры этноса. Крупнейшей среди них является поколение, место которого в этой структуре определяется функцией обеспечения им преемственности развития этноса как социокультурной целостности. В отличие от остальных подструктур этноса поколенческая непосредственно отражает его динамику. Благодаря преемственности поколений и возникает «связь в человеческой истории, образуется история человечества»³. «История,— писал К. Маркс,— есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений»⁴.

Особенности внутренней структуры и жизнепрого пути каждого из поколений обусловлены уровнем развития соответствующей этносоциальной общности, т. е. результатами жизнедеятельности предшествующих ему поколений. Однако поколение — не только носитель объективно сформировавшихся свойств данного этноса, но и крупнейший субъект исторически конкретных форм деятельности и отношений. Каждое поколение выступает в роли не только «продукта» истории, но и ее создателя. Социальные функции и задачи, общественная значимость поколения определяются неповторимыми характеристиками социального опыта его представителей. Особенности их культурного облика находят свое концентрированное выражение в мировоззренческих ориентациях и прежде всего в специфической для каждого из поколений системе ценностей. В относительно сходной концепции жизни представителей одного поколения проявляется весь их этносоциальный опыт.

Общность деятельности и сознания, присущая каждому из поколений, складывается на внутренне дифференцированной основе. Их представителей объединяет принадлежность к одной нации. Однако этносоциальный опыт отдельных групп народа населения обладает, наряду с общими, и различными, даже противоположными по содержанию характеристиками, которые дифференциированы прежде всего для мужской и женской составляющих народа населения, соответственно для их городских и сельских популяций. Общечеловеческие по своей сути характеристики социально-демографических субъектов общественной практики определяются совокупностью параметров их производственной и общественно-политической деятельности. Заключенный в этих видах деятельности опыт имеет базисное значение в формировании культурного облика представителей отдельных наций. Разнообразные виды трудовых и общественно-политических отношений, включая обслуживающие их характеристики социального опыта, образуют множество типов работников и граждан. Они складываются в несколько классовых типов данного этноса и образуют фундамент социокультурной структуры населения. Строение последней является целостным выражением содержания составляющих ее элементов и отражает уровень развития этноса. Характеристики нескольких синхронных поколений, или поколений современников, находящихся в вершине этой пирамидальной по форме структуры, непосредственно зависят от содержания ее основания, т. е. базисных элементов.

Таким образом, поколение, как и другие социально-демографические группы, несмотря на свою надстроичную, производную функцию, в иерархии социокультурных структур составляет ее неотъемлемую результирующую часть. Именно в процессе межпоколенческого преемствования и происходит воспроизведение всей совокупности базисных характеристик этносоциального опыта. Становление личности как представителя своего поколения означает освоение ею всех уровней этого опыта и превращение ее в субъекта исторически конкретных форм национальной практики.

Итак, поколенческая общность представляет собой социально гетерогенное, а в классовом обществе — диалектически противоречивое образование. Поэтому в условиях межформационных переходов, а также в условиях расширенного воспроизведения социокультурных структур современного общества, когда на протяжении жизни

одного поколения происходят коренные изменения ее объективных условий, особенно отчетливо проступают различия между синхронными поколениями.

В динамике высших иерархических структур этноса, к которым относятся все социально-демографические, и среди них прежде всего поколенческие структуры, отражаются внутренние механизмы исторического процесса в их наиболее целостном виде. Судьбы и жизненные пути отдельных поколений — это сама история. Создание научных «портретов» поколений позволит раскрыть сущность процессов воспроизведения общественной жизни, последовательность смены ее этапов.

Первые попытки обращения к проблеме поколений в СССР связаны с философским определением этого понятия на рубеже 60—70-х годов в работах А. И. Афанасьева, Л. Н. Когана, И. С. Коня, Н. М. Мельниковой и др.⁵ Тогда же вышла книга Б. Ц. Урланица, раскрывающая социально-демографический облик поколения советских людей 1906 г. рождения⁶. Исследования отдельных социокультурных характеристик молодежи заняли одно из центральных мест в нашей социологии. Следующий этап изучения поколенческой проблематики, ее демографического аспекта датируется рубежом 70—80-х годов, когда появились посвященные ей книги В. В. Никитенко и Л. А. Шевырновой⁷. Социологические исследования молодежи начали тогда ставиться на конкретно-историческую основу. Свидетельством тому была прежде всего серия трудов эстонских социологов под руководством М. Х. Титмы, в которых на материалах многолетнего анализа биографий выпускников учебных заведений республики второй половины 60-х годов прослежен их жизненный путь, главным образом в плане социально-профессиональной ориентации⁸. Таким образом, наше обществоведение вплотную подошло к изучению социальных процессов и явлений через призму закономерностей смены поколений.

В демографии «длина» поколения, определяемая как разница между величиной среднего возраста смежных поколений, условно равняется 30 годам⁹. Такова продолжительность воспроизводственного цикла в семье. Его изучение традиционно составляло одну из основных задач демографической науки. На уровне общества в целом процесс воспроизведения отдельных поколений — назовем его основным воспроизводственным циклом — очевидно, короче. Он завершается со вступлением молодежи в ак-

тивную трудовую и общественную жизнь, что происходит в среднем в 20-летнем возрасте, хотя вершины своей социальной зрелости оно достигает примерно к 35 годам (полный воспроизводственный цикл). Именно тогда с окончанием процесса освоения конкретных социальных ролей происходит складывание мировоззренческой основы личности и она становится выразителем социального опыта своего поколения.

При продолжительности основного цикла воспроизведения работника и гражданина, составляющей два десятилетия, поколенческая структура современного общества будет включать четыре синхронных элемента. Речь идет о двух неактивных (до 20 и после 60 лет) и двух активных (от 20 до 40 и от 40 до 60 лет) поколениях.

Какие же конкретно поколения должны стать предметом исследования социокультурной истории послевоенного периода в странах Центральной и Юго-Восточной Европы?

Прежде всего — это следующие три поколения:

1. Старшее — люди, родившиеся в 1900—1920 гг., или «поколение 1910 г.» К концу второй мировой войны это поколение ее непосредственных участников достигло «пика» своей социальной зрелости — 35-летнего возраста, а в 1950—1970 гг. определяло ход развития общества. Это строители «основ социализма» в странах региона.

2. Среднее — родившиеся в 1920—1940 гг., или «поколение 1930 г.» Своей социальной зрелости оно достигло к середине 60-х годов. Именно это поколение, период социальной активности которого пришелся на годы застоя, начало в 80-е годы перестройку политических и экономических механизмов общества с целью вывода его из предкризисного и кризисного состояния.

3. Молодое — родившиеся в 1940—1960 гг. («поколение 1950 г.»). Это поколение эпохи НТР. Вступив в активную трудовую и общественную жизнь в 70-е годы, оно уже достигло вершины своей социальной зрелости. Данное поколение становится сейчас непосредственным субъектом процессов перестройки, от него в наибольшей степени зависят исторические судьбы и будущее народов стран Восточной Европы.

Условно говоря, старшее поколение — социокультурное прошлое, среднее — настоящее, а молодое — ближайшее будущее.

Помимо трех поколений, определяющих ход общественных перемен в рассматриваемой группе стран, объек-

тами исследования в дальнейшем должны стать еще два. Речь идет, во-первых, о людях, родившихся в конце прошлого века («поколение 1890 г.»), большинство которых в 50-е годы завершило активную социальную деятельность. В 1950–1970 гг. это поколение составляло неотъемлемый компонент социокультурной структуры населения. Во-вторых, к вступлению в активную трудовую и общественную жизнь готовится «поколение 1970 г.»

Итак, все пять поколений, обеспечивших воспроизведение социально-культурной структуры населения стран Центральной и Юго-Восточной Европы в послевоенный период, должны стать объектом исследования исторической социологии. Полную характеристику поколенческой структуры населения, ее динамики в целом и каждого из поколений в отдельности можно дать, лишь поняв основные вехи биографии их представителей в общем контексте социально-экономических и социально-культурных изменений, произошедших в период строительства социализма. Возможности анализа процесса смены поколений открываются на пути воссоединения социологического и исторического подходов к изучению общественной деятельности.

Попытаемся на основе общей характеристики двух активных сейчас поколений — среднего и молодого — выявить некоторые особенности эволюции социально-культурной структуры пародонаселения стран Восточной Европы, припадлежащих до мировой войны и в 1945 г. к числу аграрных и аграрно-индустриальных. При этом нами использованы материалы главным образом послевоенной Словакии.

В этой группе стран непосредственный переход от капитализма к социализму был невозможен. Лишь немецкая и чешская нации обладали социокультурными структурами высокоразвитого индустриального типа с полным набором предпосылок трансформации в нации социалистические. Нации же со средним и тем более низким уровнем капиталистического развития, т. е. крестьянские и преимущественно крестьянские, стояли перед необходимостью формирования на их основе социально-классовых и социально-демографических субъектов современного общества, одновременно с решением задач собственно общественно-политических.

Демократизация всех сторон общественной жизни и ликвидация остатков феодализма и патриархальности подразумевали ускоренную индустриализацию, коопери-

рование сельского хозяйства, сопутствующую им урбанизацию и т. д. Результатом этих общедемократических по своей сущности преобразований и должно было стать формирование социокультурной структуры индустриального общества и современного типа личности — его активного субъекта, обладающего развитым классовым и национальным самосознанием. В процессе духовного освоения личностью действительности должна была сложиться ее мировоззренческая — философско-этическая — основа, развивающаяся и совершенствующаяся уже в соответствии с целями социализма.

Некоторые особенности решения всего комплекса поставленных коммунистическими и рабочими партиями задач нашли яркое выражение в новейшей истории Словакии. Для нее была характерна ориентация на советскую модель трансформации общества при преимущественно внеэкономических, административных методах управления и экстенсивном типе форсированной индустриализации, связанный с применением готовой, заимствованной из инонациональной среды техники, технологии, а на первых порах — и рабочей силы. Этот тип общественного развития основывался на использовании преимуществ соседства среднеразвитой Словакии с высокондустриальными Чешскими землями.

Форсированные индустриализация и кооперирование сельского хозяйства, развернувшиеся в большинстве стран региона в 50-е — начале 60-х годов, затронули главным образом «поколение 1930 г.», представители которого и находились в возрасте, считающееся наиболее мобильным, периодом «миграционного пика». Поэтому именно это поколение составило основную массу участников процесса изменения социальной структуры общества, вызванного ускоренной индустриализацией и кооперированием сельского хозяйства. Широкие слои нынешнего среднего поколения активно включились тогда в процессы социальных перемещений, связанные с кардинальными изменениями характера, содержания труда и места жительства, т. е. всех аспектов социальной жизни и принципов ее организации.

Соответствовавший этим изменениям рост уровня образования особенно ярко проявился уже в 60-е годы в резком увеличении численности населения с неполным средним профессиональным образованием. Такой сдвиг в образовательной структуре отразил начавшееся качественное преобразование национального рабочего класса,

которое последовало за завершением в основном периода его количественного роста.

Социально-экономические сдвиги сопровождались началом в середине 50-х годов второй фазы демографической революции, связанной со снижением рождаемости (вслед за уменьшением на первом, довоенном, этапе смертности) и с активным включением женщин в общественное производство. Оно приняло массовый характер в 60-е годы и в основном завершилось в следующем десятилетии. Переход от доиндустриального к современному, или интенсивному, типу воспроизводства населения коренным образом изменил характер разделения труда между его мужской и женской составляющими. Такой переход кардинально трансформировал всю систему деятельности и общения женщин, вызвал важные сдвиги в их отношении к окружающей действительности.

«Поколение 1930 г.» прошло через все крутые повороты политической истории первого послевоенного двадцатилетия. В 50-е годы оно пополнило ряды резко возросшего аппарата управления, однако навыки гражданственности начало приобретать лишь после 1956 г. в условиях демократизации общественной жизни. Важнейшим этапом политической практики представителей этого поколения в Чехословакии стали события 1968–1969 гг. Для словаков их главным итогом была федерализация чехословацкого государства и признание равноправия их нации по отношению к чешской. С подобным «багажом» эта генерация в 70-е годы пришла к управлению обществом.

В аграрных (Румыния, Болгария, Югославия, Албания) и аграрно-индустриальных (Венгрия, Польша, словацкая часть Чехословакии) странах «поколение 1930 г.» сформировалось как переходное, состоящее из многочисленных промежуточных, или маргинальных, слоев населения.

Выйдя преимущественно из крестьянской среды, большинство представителей среднего поколения были не просто свидетелями, но и активными участниками ликвидации к концу 70-х годов патриархального сельского уклада жизни с его народной культурой и традиционной религиозностью. Совершившийся на глазах этого поколения переход от полуфеодального общества к обществу индустриального типа не только коренным образом изменил содержание его деятельности и общественных отношений, но и потребовал адекватной им трансформации всего социального опыта. Процесс формирования

качественно новых его характеристик должен был привести к развитию самосознания, отсутствовавшего у вчерашнего крестьянина и являющегося атрибутом человека индустриального общества. В процессе вторичной социализации должен был сформироваться принципиально новый тип работника, гражданина, человека. Однако в условиях господствовавшего в науке и политической практике того времени представления об автоматизме изменения общественного сознания вслед за сдвигами в общественном бытии дальше минимально необходимого наращивания профессиональных знаний, главным образом в среде рабочего класса, а также формального освоения норм индустриального труда и городской жизни дело не пошло. Вместе с тем утратила смысл вся передаваемая из поколения в поколение система жизненных ценностей, вся картина мира человека аграрного общества.

Новое содержание социального опыта стало стихийно формироваться на крайне узкой основе конкретной жизненной практики каждого отдельного индивида, с трудом вписывавшегося в систему общественных отношений современного общества. Поведение такого человека регулируется уже не столько социальным опытом, сколько обычным сознанием, которое дает лишь примитивное, стереотипизированное миропонимание, лишенное активного творческого начала. Сложился необходимый для командно-административной системы управления тип личности, легко поддающейся манипулированию. Обыденное сознание, лежащее в основе повседневной деятельности этого типа личности, формировало рассудительного исполнителя. Он верует в существование некоей уже познанной выше истины в последней инстанции и считает себя свободным от самостоятельных поисков ее. В его мифологическом по своей сути сознании объектами идеализации становятся политические реалии общества. Абсолютная вера в командно-административную систему управления сочетается с осознанием себя лишь исполнителем принимаемых «наверху» решений.

Здравый рассудок, недалеко ушедший от предрассудка, послужил основой распространения в среде «поколения 1930 г.» явления массового перехода на позиции стихийного атеизма¹⁰. Однако в сложных ситуациях он дает человеку противоречивые рекомендации, что легко ведет к инверсии религиозности. Так, неустойчивость мировоззренческих ориентаций бывших верующих ярко проде-

монстрировал общественно-политический кризис 1968—1969 гг. в Чехословакии. В 70—80-е годы доля атеистов в основном стабилизировалась и уменьшение численности верующих происходило уже только за счет увеличения доли разного рода колеблющихся, неопределившихся и т. д., т. е. ушедших от религии, но не ставших материалистами. Таким образом, отказ от религии представителей этого поколения не означал ликвидации идеалистической основы их мировоззрения, а привел лишь к изменению содержания веры.

В сознании этих людей причудливым образом сочетаются элементы научно-материалистических представлений с суевериями. Примером двойственности общественного сознания является отождествление религиозной и коммунистической морали, широко распространенное и среди атеистов. Часть верующих непосредственно связывает религиозность со способностью отстаивать идеи социализма, быть полезными для общества, трудиться для его блага. Напротив, мифологизация сознания вела к «освобождению» человека от необходимости проявления какой бы то ни было активности в деле реализации своих социальных интересов. Приостановился процесс формирования классового и национального самосознания социально переместившихся слоев населения, закрепилось несоответствие их новой общественной практики культурным характеристикам доиндустриального типа.

Обстоятельства социокультурного бытия «поколения 1930 г.» проявились в новой форме у «поколения 1950 г.». В 70—80-е годы произошло дальнейшее замедление процесса формирования социокультурной структуры населения индустриального общества. Предпринимавшиеся в этом направлении шаги имели преимущественно формальный характер, поскольку не вели к коренным изменениям положения личности в обществе.

«Поколение 1950 г.» вступило в активную социальную жизнь на рубеже 60—70-х годов, когда были уже практически исчерпаны экстенсивные факторы экономического роста и завершены процессы индустриализации и кооперирования сельского хозяйства. Перед поколением НТР стояла задача приобретения нового социального опыта, во многом противоречащего опыту предшественников. В условиях интенсификации народного хозяйства человек начинает выступать в качестве уже не только основной производительной силы, но и главного фактора общественного развития. Необходимо было преодолеть остатки

консервативного доиндустриального, включая элементы нового мифологического, сознания и сформировать, наконец, современную личность, обладающую развитым чувством социальной ответственности, в основе которого находится конкретное научное знание об окружающей действительности.

Судьбы поколения были связаны с происходившим в 70-е годы быстрым наращиванием культурного, прежде всего образовательного, потенциала общества после двух десятилетий экспансивной индустриализации, когда приоритетным было приращение материального потенциала. В результате новой волны социального переструктурирования населения резко возросла численность лиц с законченным средним и высшим образованием. Опережающими темпами увеличивалась доля высокообразованных контингентов среди молодых женщин, что привело к феминизации некоторых профессиональных групп новой интеллигенции. По существу, в 70-е годы сформировался многочисленный отряд высококвалифицированных специалистов умственного труда, т. е. интеллигенции, к которой стал относиться каждый четвертый—пятый работающий в рассматриваемой группе стран.

Однако именно школа — основной в современном обществе инструмент формирования личности — и прежде всего высшая школа превратилась в барьер на пути превращения молодежи в субъект общественной активности.

Возможностями получения образования, его содержанием удовлетворена преимущественно молодежь, настроенная конформистски, не имеющая определенных профессиональных интересов и пользующаяся разного рода преимуществами при зачислении в учебные заведения. Формально относясь к выбору профессии, она рассматривает образование главным образом как средство, инструмент социального продвижения¹¹.

Предпосылки инструментального отношения к получению образования закладывались еще на первых этапах биографии молодого поколения. Социальные мифы, которые ему проповедовали в средней школе, сочетались с формальными методами участия в деятельности молодежных организаций, не соответствовавшей реальным потребностям и интересам юношей и девушек. Уже тогда это обернулось чисто формальным участием в общественно-политической жизни. Работа на молодежных стройках, в рабочих бригадах, вступление в молодежную организацию, разделенную на ее руководителей-активистов и

«членскую массу», были не столько проявлением осознанной убежденности, сколько следствием подчинения пожиму родителей и учителей, желания продолжить образование в высшей школе¹². Именно в вузах, где еще в 50-е годы утвердились формально-бюрократические методы работы Союза социалистической молодежи, и образовалось конформистски настроенное большинство.

У интеллигенции первого поколения, складывавшейся в 70-е годы, стремление получить высшее образование было неотделимо от ориентации на престижность, перспективность будущей трудовой деятельности, т. е. на ее формальные стороны¹³. Столкновение многочисленных групп молодой интеллигенции с реальностью, отличавшейся от их представлений, показало их неспособность и даже нежелание реализовывать полученные в вузе профессиональные знания и навыки. Система образования продолжала воспроизводить прежде всего работника, оставляя в стороне вопросы формирования его творческой, личностной основы, неотделимые от учета индивидуальных склонностей и интересов. К тому же медленное техническое переоснащение народного хозяйства, сохранение большого объема работ, не требующих высокой квалификации, а следовательно, недостаток возможностей трудоустройства новых контингентов молодых специалистов в соответствии с их квалификацией и профессиональной подготовкой, недооценка реальных результатов труда работников, их инициативы и переоценка значения общего трудового стажа привели к распространению неуверенности в возможности использования полученного образования и его целесообразности¹⁴.

В середине 70-х годов зависимость между степенью удовлетворенности трудом и уровнем образования и квалификации работников стала обратно пропорциональной: наиболее удовлетворенными оказались лица с низким уровнем образования, занятые физическим трудом¹⁵. Снижению показателей удовлетворенности трудом, зарегистрированному в это десятилетие чехословацкими социологами, соответствовал рост текучести кадров, увеличение доли работников, желающих изменить место работы, а при подходящем случае — и специальность¹⁶.

С конца 70-х годов неудовлетворенность трудом (в большей степени даже его характером, чем оплатой) начала распространяться и в среде молодых квалифицированных рабочих, уровень образования которых стал тогда быстро расти¹⁷. Сейчас потеря заинтересованности в

трудовой деятельности по специальности особенно ярко проявляется именно у рабочей молодежи, имеющей законченное среднее образование¹⁸.

В условиях ослабления взаимосвязи между результатами труда, его оплатой и возможностями удовлетворения возрастающих материальных и духовных потребностей широкое распространение получили переход высокообразованных специалистов — представителей молодого поколения — в ряды рабочего класса и, особенно усилившееся в последнее десятилетие, смещение интересов молодежи из сферы обобществленного труда в индивидуальную трудовую деятельность, часто не связанную с профессиональной подготовкой. Наконец, начался ее отток в «теневую» экономику. Развитие активности и поиск самовыражения молодых специалистов нередко шли «в сторону» от общественных интересов.

Дифференциация уровня жизни молодых семей стала в сильной мере определяться характером материальной поддержки со стороны родителей, которые начали рассматривать ее как показатель своего материального преуспевания. Ориентация молодежи на такую помошь способствовала росту ее социальной инфантильности.

Рассмотренные выше явления свидетельствуют о незавершенности формирования представителей молодого поколения как носителей классового и национального опыта. Условия жизнедеятельности этого поколения, т. е. уровень развития производства и существующая система общественных отпорошений, вели не столько к росту социальной ответственности, сколько способствовали снижению уровня социальных притязаний и уходу в личные проблемы, связанные с семейной жизнью и домашним общеподходом. Именно в 70-е годы особенно широкое распространение получил «домашний» способ проведения свободного времени. Были созданы его культурные предпосылки, обусловленные вторжением тогда в повседневную жизнь телевидения. Просмотр телепередач стал основным видом проведения досуга, средством развлечения и отдыха.

Другой особенностью быта «поколения 1950 г.» является тесная связь горожан с селом. В условиях индустриализации процесс концентрации производительных сил, происходивший в 50-е годы, не сопровождался адекватным ему по масштабам ростом концентрации населения, уровень которой и в 60-е годы, когда массовое жилищное строительство лишь начало набирать силу, мало менялся.

ся¹⁹. Наибольшая волна урбанизации пришла в Словакии, как и в большинстве стран региона, на конец 60-х – 70-е годы, когда рост городов привел не просто к выравниванию доли городского и сельского населения, а к формированию качественно нового состояния общества в целом. Основную массу переселенцев в города на гребне урбанизационной волны 70-х годов и составила молодежь, стремившаяся повысить свои образование и социальный статус.

В условиях относительной близости населенных пунктов между собой, а ныне — городских новостроек, и традиционно высокого уровня маятниковых миграций вчерашие жители словацкого села сохранили с ним тесные и постоянные связи, рассматривая его как основное место проведения свободного времени, особенно в выходные дни²⁰. В среде тридцати- и сорокалетних оказалось распространенным «раздвоение» мест жительства, как и мест приложения труда, составляющее одну из детерминант его социокультурного облика. По существу не завершилось формирование не только социально-классовых, но и социально-демографических типов индустриального общества, в частности четко выраженных форм городской культуры.

На рубеже 70–80-х годов в Словакии завершилась трансформация традиционного сельского уклада жизни как следствие коренного изменения деятельности и общественных отношений сельского населения, которое даже в небольших населенных пунктах (менее 500 жителей) в большинстве своем уже не связано с сельскохозяйственным трудом.

Сформировался класс кооперированного крестьянства с его опережающими с конца 60-х годов темпами роста материального благосостояния и одновременным спадом религиозности. В результате окончательно ушли в прошлое архаичные формы сознания сельского населения, патриархальный в недавнем прошлом образ жизни стал приближаться к современному индустриальному. Однако эта прогрессивная по своей сути трансформация сопровождалась деструктивными изменениями культурных основ прежнего социального уклада, т. е. народной культуры. Такая трансформация не означала перехода к развитым формам городской жизни, базирующемся на ценностях профессиональной культуры. Эти ценности так и остались достоянием узкого слоя населения, тогда как для большей его части стала характерной односторонняя ориен-

тация на массовую культуру²¹. Она выразилась в предпочтении широкими слоями сельского и бывшего сельского населения общедоступных благодаря телевидению, периодике, особенно газетам, радио форм духовного потребления, не требующих проявления личностной активности — посещения учреждений культуры, участия в самодеятельном художественном творчестве и т. д.

Массовая культура не столько развивает личность, сколько уводит ее от реальной действительности в мир разного рода мифов и однозначных черно-белых оценок. Растворение в этом потоке содержательной основы доиндустриального сознания — народной культуры — вместе с присущими ей элементами религиозности, которая уже к началу 70-х годов утратила свою роль культурной доминанты сознания, не было компенсировано адекватными по значимости социокультурными сдвигами в направлении от аграрного сознания к индустриальному и сознанию эпохи НТР.

Отсутствие социального опыта, соответствующего новым типам сознания, проявилось у работника, гражданина и человека «поколения 1950 г.» особенно ярко. Объем освоенного им конкретного, главным образом профессионального, знания возрастал лавинообразно и стимулировал поиски формирующейся личностью ответа на вопрос об основах человеческого бытия. Однако попытки синтеза нового знания по-прежнему не выходили за пределы инструментария здравого рассудка индивида, так и не ставшего субъектом индустриального общества, представителем его основных социокультурных структур. В условиях сохраняющейся узости рамок компетентности индивида как субъекта общества преобладающей осталась и его ориентация на пекие готовые универсальные рецепты существования, данные свыше. Явление «вторичной мифологизации» сознания, наметившееся у «стихийных», «практических» атеистов среднего поколения получило свое наиболее полное и массовое выражение у их детей. Особенно ярко оно проявилось в среде тех слоев, социальный опыт которых подвергался наибольшим изменениям, т. е. в среде высокообразованных специалистов, городских жителей.

При относительной стабилизации уровня религиозности населения с середины 70-х годов²² ее доминировавший прежде традиционный сельский тип трансформируется у представителей молодого поколения в различные формы мистицизма и иррационализма, основным носите-

лем которых становится новая интеллигенция. Характерное для нее явление мировоззренческой индифферентности, выражющееся в «размытости» идеальных и нравственных ориентаций, их потребительской направленности, присущее теперь уже в первую очередь жителям промышленных центров и крупных городов, большинство которых составляет бывшее сельское население, сменившее свой социально-образовательный статус.

Резко возросший объем информации об окружающем мире, формально усвоенный индивидом, не стал реальным достоянием человеческой личности как совокупности общественных отношений индустриального общества. В сознании работника, а тем более гражданина, не произошло коренных перемен, позволяющих сделать вывод о завершенности важнейшего в историко-культурном развитии всех стран и наций перехода к культурности индустриального типа. Это означает, что не сформировалась современная социокультурная структура народонаселения, включающая классовые и национальные образования индустриального общества.

Затянувшийся переход к современному типу культурности стал сейчас основным барьером на пути общественного развития стран, которые после окончания второй мировой войны относились к числу аграрных и аграрно-индустриальных. Преодоление этого барьера потребует решительной перестройки всего социокультурного бытия, т. е. изменения существующей системы общественных отношений с целью резкого расширения рамок субъектной компетентности личности соответственно ее месту в этой системе. Необходимость развития чувства социальной ответственности, осознания своей причастности к судьбам общества особенно актуальна для представителей молодого поколения. Именно от «поколения 1950 г.» зависит политическое, экопомическое и культурное будущее стран региона в ближайшие два десятилетия. Это поколение, которое достигло вершины своей социальной зрелости, уже приходит на смену «поколению 1930 г.».

Итак, отставание в формировании самого субъекта перехода к обществу современного типа в рассматриваемой группе стран сохранялось и воспроизводилось в течение всего послевоенного периода, несмотря на его кажущийся форсированный характер. Относительное выравнивание уровней технического развития этих стран и наций по сравнению с изначально высокондустриальными привело лишь к формальному подобию основных социальных структур.

Вместе с тем социокультурный облик классов и патий и сейчас несет во многих странах региопа печать аграрного общества.

Изучение сущности и закономерностей всего комплекса общественных процессов, происходящих в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, предполагает конкретно-исторический анализ всего многообразия социально-культурных структур народонаселения этих стран в их динамике. В условиях постоянно возрастающей в современных условиях дифференциации этих структур именно поколенческий метод исследования дает представление об основных тенденциях и особенностях их развития на отдельных этапах послевоенной истории, раскрывая таким образом ее реальное содержание.

- ¹ Ешич М. Б. Культура в системе общества // Культура в общественной системе социализма. М., 1984. С. 49.
- ² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. С. 403.
- ³ Там же. С. 402.
- ⁴ Там же. Т. 3. С. 44.
- ⁵ Афанасьев А. И. Исторический процесс и смена поколений // Преемственность поколений как социологическая проблема. М., 1973. С. 14–30; Коган Л. Н. Понятие «поколение» в теории научного коммунизма // Научный коммунизм. 1974. № 5; Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 110; Мельникова Н. М. Поколение как общесоциологическая категория // Философские науки. 1974. № 3.
- ⁶ Урланиц Б. Ц. История одного поколения. М., 1968.
- ⁷ Никитенко В. В. Демографический анализ поколений. М., 1979; Шевырногова Л. А. Преемственность поколений в поступательном развитии общества. Красноярск, 1983.
- ⁸ Жизненные пути молодого поколения: Опыт и методика генетического исследования в социологии. Таллинн, 1983; Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение. Таллинн, 1985; Титма М. Х. Социально-профессиональные ориентации молодежи. Таллинн, 1982; Титма М. Х., Саар Э. А. Молодое поколение. М., 1986; и др.
- ⁹ Васильева Э. К. Социально-экономическая структура населения СССР: (Статистико-демографический анализ). М., 1978. С. 83.
- ¹⁰ В течение первых двух послевоенных десятилетий уровень религиозности населения Словакии снизился с 95 до 70–75% (Ateizmus. 1983. N 1. S. 10; Problémy svetonázorovej výchovy. Br., 1971. S. 229).
- ¹¹ Mládež jako faktor sociálního rozvoje // Sociol. čas. 1988. N 2. S. 147.
- ¹² Cahová D. K vývoji povalečných generací mládeže v Československu // Vývoj povalečných generací mládeže v ČSSR. Pr., 1967. S. 28.
- ¹³ Grác J. Pohl'ady do psychológie hodnotovej orientácie mládeže. Br., 1979. S. 258.

- ¹⁴ Неудивительно, что четверть опрошенных в ЧССР в 1983 г. исключила повышение образования из системы своих жизненных ценностей (*Sociol. čas.* 1986. N 6. S. 639).
- ¹⁵ *Sociologie*. 1977. N 4. S. 348; *Jurovský A. Osobnost' človeka pri práci*. Br., 1980. S. 36.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 54.
- ¹⁷ *Psychologie v ekonomickej praxi*. 1982. N 2. S. 73.
- ¹⁸ *Sociol. čas.* 1988. N 2. S. 149.
- ¹⁹ *Historická, statistická ročenka ČSSR*. Pr., 1985. S. 630.
- ²⁰ *Zemko J. Uzemný a sociálny rozvoj sídel*. Br., 1984. S. 230.
- ²¹ Коровицына Н. В. Некоторые процессы социокультурного развития в Словакии в 70-е годы XX века // Сов. славяноведение. 1985. № 2.
- ²² Уровень религиозности населения Словакии стабилизировался при существенно более высоких его показателях по сравнению с религиозностью в Чехии. Так, доля верующих в Восточнословацкой области в 6 раз больше, чем в Западночешской (*Ateizmus*. 1988. N 2. S. 194–195).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опубликованные в сборнике статистические и исследовательские материалы позволяют охарактеризовать основные тенденции в развитии социальной структуры СССР и стран Восточной Европы на этапе борьбы коммунистов за монопольную политическую власть, а также определить итоги преобразовательных процессов в социально-классовой структуре. Результатом экономических, политических и идеологических преобразований, которые отождествлялись компартиями со строительством социалистического общества, действительно стала иная, по сравнению с капитализмом, социальная структура. Ее принципиальным отличием было отсутствие сформировавшихся под воздействием докапиталистических и капиталистических производственных отношений экономически и политически господствующих классов, прежде всего — крупных землевладельцев, финансовой, промышленной и торговой буржуазии. Судьбу представителей эксплуататорских классов разделили и миллионы мелких собственников города и деревни. Итогом таких перемен стали, как тогда казалось, социально равные для всех слоев населения отношения к собственности. Ни один отдельно взятый член общества не был юридическим владельцем тех или иных средств производства или капиталов, но числился коллективным собственником всего национального достояния, как бы делегировав государству свои права распоряжения этим достоянием.

Социальным последствием такой реконструкции отношений собственности стала по сути дела замена одних (существовавших при капитализме) господствующих классов другими, сложившимися в ходе «социалистического строительства». Этим классом являлась партийно-государственная номенклатурная бюрократия, постепенно по мере охвата ключевых узлов государственного механизма и фактического владения коллективной собственностью превратившаяся из особого слоя в особый класс.

Долгие годы история этого класса была вне досягаемости исследователей. Вокруг него создавалась атмосфера своеобразной певидности и непроницаемости, выполнявшая особые защитные функции. В связи с этим учёные, не располагая в полном объеме фактическим материалами, характеризующими механизм принятия политических решений, пока не могут дать развернутого и аргументированного ответа на многочисленные вопросы относительно причин глубокого системного кризиса в том мире, который еще недавно имелся социалистическим. Как известно, ни одно государство никогда не обходилось без бюрократии как одного из инструментов обеспечения его жизнедеятельности. Но возникает вопрос, почему в обществе, претендовавшем на решение задач социального равенства и справедливости, бюрократия превратилась в его раковую опухоль? К ответу на него обществоведы нашей страны только приближаются. Понятно, что в данном случае предметом анализа должны стать все сферы общественного бытия. Но, видимо, важнейшую роль в становлении класса номенклатурной бюрократии сыграл конкретный человеческий «материал», а именно социальные источники формирования этого класса после опустошительного устранения «старой» бюрократии. Некоторые статьи сборника пропотрывают процесс ускоренного комплектования не только бюрократии, но и интеллигенции, играющей, как показывает опыт развития мировой цивилизации, в индустриальном обществе принципиально важную роль.

Достаточно широко освещена в сборнике история формирования рабочего класса. Резкий рост его рядов в условиях индустриализации ранее экономически отсталых государств отражал прогрессивную динамику общественного развития. Однако этот рост сопровождался, как показывает исторический материал, сопутствующими пегативными явлениями. В условиях явного отставания уровней общей, политической и профессиональной культуры (особенно рабочих первого поколения) реальными и наиболее опасными становились впредение и укрепление административно-командных методов управления. Возникшая как тенденция, они стремительно превратились в системообразующее звено этого общества, логическим следствием чего стало отчуждение рабочего класса от декларированной рабоче-крестьянской власти. Рабочий класс вновь стал объектом политики господствующих социальных сил, а объявленная задача превращения этого класса в решающую

общественную силу была сведена только к количественным показателям, украшающим фасад «социализма».

Антитоталитарные революции в СССР и странах Восточной Европы сделали возможным объективный анализ теории и практики «социалистического строительства». В полный рост стала задача непредвзятого, деидологизированного переосмыслиения роли насилия в этом «строительстве». «Теория» придала уродливые формы процессу создания новой социальной структуры, а «практика» сломала судьбы миллионов людей и не привела к осуществлению заявленных целей. Она особенно жестоко ударила по мелким производителям города и деревни, в первую очередь по крестьянам. Преобразования в деревне предполагали решение объективной задачи — трансформацию нерентабельной аграрной структуры для обеспечения цивилизационного прогресса в сельском хозяйстве. Но насилиственное превращение мелкого крестьянина в члена крупного колlettивного хозяйства носило репрессивный, передко кровавый характер и привело лишь к формальному возникновению класса крестьян-кооператоров. Только восстановление демократических принципов кооперации и элементов рыночных отношений в сельскохозяйственной сфере обеспечили в ряде стран Восточной Европы и отчасти в СССР становление нового облика крестьянства, появление новых и разных социальных субъектов в деревне. Попытки исключить из социальной структуры общества, сделавшего социалистический выбор, мелкого производителя окончились не только полным крахом, но и болезненными процессами восстановления баланса общественных отношений.

История СССР и стран Восточной Европы свидетельствует, что политика создания интеллигенции заново, через разрыв преемственности в освоении интеллектуального богатства, накопленного на предыдущих этапах и в использовании его носителей, чрезвычайно затруднила и усложнила тот рывок в цивилизационном развитии, который предполагалось совершить под руководством и при политической гегемонии компартий.

Разнообразные материалы сборника демонстрируют глубокую взаимосвязь преобразовательных процессов во всех сферах общественной жизни — политической, экономической, духовной, социальной. На наш взгляд, эти материалы позволяют ставить вопрос не только о взаимосвязи, но и о значительной обусловленности социальным «материалом» тех реформ, которые разворачивались под флагом

социалистических преобразований. Во многом они были попытками стремительно, не постояв за ценой, преодолеть отсталость. Однако цена оказалась слишком высокой и, вероятно, этим не в последнюю очередь была обусловлена неудача замыслов. В 90-е годы СССР и страны Восточной Европы вступили в тяжелом, кризисном состоянии. И вновь социальный состав, реальная социальная структура, человеческий фактор в немалой степени будут определять успех политики демократизации и вхождения многих пародов и государств в мировое сообщество.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
Задорожнюк Э. Г., Кузечевский В. Д., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. (Москва)	
Динамика и противоречия социально-классовой структуры стран Восточной Европы в 40–60-е годы	9
Кестнер Х. (Берлин)	
Некоторые черты индустриализации СССР и восточноевро- пейских стран: сравнительно-исторический аспект	35
Фигуровская Н. К. (Москва)	
Лепинское учение о кооперации и ее функции в социально- экономическом преобразовании деревни	44
Блейере Д., Шнейдер И. (Рига)	
Изменения социально-классовой структуры общества в Лат- вии (1940–1950 гг.)	63
Роотс Х. (Таллинн)	
Общее и особенное в формировании социально-классовой структурь в Эстонии	79
Копашева М. И. (Москва)	
Изменение социально-классовой структуры общества Чехосло- вакии в ходе народно-демократической революции	97
Козик З. (Варшава)	
Польское общество в условиях форсированной индустриали- зации (1949–1956 гг.)	112
Слабек Х. (Варшава)	
Крестьяне-рабочие в Польше (50–60-е годы)	128
Позолотин М. Е. (Москва)	
Эволюция основных классов и социальных групп в Болгарии в 40–50-е годы	148
Калашникова Н. Ю. (Москва)	
О характере развития социальной структуры румынского об- щества в послевоенный период (1945–1980 гг.)	169
Пимоненко И. С. (Москва)	
Проблемы развития городского мелкотоварного сектора в СФРЮ в конце 40-х – начале 60-х годов и их освещение в югославской историографии	196
Слезак Л., Фельцман О. (Брюссель, Прага)	

Формирование новой социально-классовой структуры Чехословакии	217
Андорка Р. (Будапешт)	
Формирование социальной и профессиональной структуры населения послевоенной Венгрии	232
Стшижевская-Каминьская М. (Варшава)	
Изменение общественно-экономического статуса различных классов и социальных слоев в Польше в середине 80-х годов	253
Калинова Л. (Прага)	
О некоторых социальных аспектах складывания директивной системы управления Чехословакии в 50-е годы	262
Коровицкая Н. В. (Москва)	
Эволюция социально-культурной структуры народонаселения как процесс смены поколений	279
Заключение	297

**КЛАССЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЛОИ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ**

**СССР и Восточная Европа.
20—60-е годы XX в.**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР

Редактор издательства А. В. Болдов

Художник И. Н. Симагин

Художественный редактор И. Д. Богачев

Технический редактор И. Н. Плохова

Корректоры Ю. Л. Косорыгин, Л. И. Николаева

ИБ № 46110

Сдано в набор 20.12.89

Подписано к печати 6.08.90

Формат 84×108¹/₃₂

Бумага типографская № 2

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 15,96. Усл. кр. отт. 15,96 Уч.-изд. л. 17,8

Тираж 850 экз. Тип. зак. 4191

Цена 3 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я тип. издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА»

В 1991 г.

ВЫЙДУТ В СВЕТ:

**БАЛКАНЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
ОЧЕРКИ СТАНОВЛЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ
В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ**

25 л. 4 р.

Монография является продолжением книги «Формирование независимых национальных государств на Балканах. Конец XVIII в.– 1878 г.» М., 1986. В ней показывается, как в упорной борьбе классов, политических партий, дворцовых группировок происходила замена патриархальных форм правления на нормы буржуазного права. Даётся анализ программ различных партий в югославянских землях, прослеживается их роль в ходе складывания многонационального балканского государства Югославии.

Для историков, славистов.

СЕМЬЯ У НАРОДОВ АМЕРИКИ

30 л. 2 р. 20 к.

Книга – первая в отечественной науке обобщающая работа по семье. Она охватывает обширный регион – страны Американского континента. На большом историческом материале авторы показывают, как складываются и живут семьи США, Аргентины, Бразилии, Кубы и др. Интересно рассказывается о традициях, обычаях, обрядах, численности семей разных национальностей, о ценностных ориентациях, воспитании детей и т. д.

Для научных сотрудников и широкого круга читателей.

3 p. 80 к.